

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Юридический институт

Николай Трофимович Ведерников

О времени и о себе

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

УДК 82-94
ББК 84
В26

Ведерников Н.Т.

В26 О времени и о себе. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. – 304 с.

ISBN 978-5-907572-08-9

Ведерников Николай Трофимович – чиновник, пропагандист, преподаватель, ученый, политик, судья. Специалист, проявивший себя в различных областях, зачастую образующих интересные комбинации. Например, Н.Т. Ведерников известен, как председатель комиссии Президиума ВС РСФСР по вопросам помилования и профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета.

Традиционно мемуары – это постоянная жанровая изменчивость: от хроники к художественному произведению, от аналитики к рефлексии. Можно сказать, что интенсивность пережитого человеком определяет интенсивность смены жанров повествования, что, в частности, отразилось в представленном жизнеописании.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в том числе на тех, кто, изучая мемуары, задумывается о времени и о себе.

УДК 82-94
ББК 84

ISBN 978-5-907572-08-9

© Ведерников Н.Т., 2022

Оглавление

От автора	4
Предисловие	8
Глава 1. Картинки из детства	11
Глава 2. Учеба в школе: 5–7-й классы (школа № 27, неполная средняя), 8–10-й классы (школа № 29, средняя общеобразовательная)	44
Глава 3. О старших братьях и их влиянии на мою жизнь	72
Глава 4. Студенческие годы (1953–1958)	94
Глава 5. На низовой советской работе	110
Глава 6. Снова в Томском университете. Аспирантура в Москве	124
Глава 7. Рубежные вехи жизни и работы в Томском университете	154
Глава 8. Путь в народные депутаты России	178
Глава 9. Конституционный Суд РСФСР – РФ: от идеи – к реальности, или моя работа в Конституционном Суде	216
Глава 10. Окончание карьеры судьи. Годы после выхода в отставку	252
Воспоминания в документах и фотографиях	271

От автора

Книга, представленная на суд широкой читающей общественности, рождалась довольно долго, работа над ней шла с перерывами.

Порой меня посещали сомнения: а надо ли все это, интересно ли будет посторонним это жизнеописание одной семьи, в особенности мои личные перипетии как представителя этой семьи?

В разные годы я то начинал писать, то бросал, обуреваемый сомнениями в малозначительности и ординарности описываемых событий.

Но, с другой стороны, почему бы не оставить след о жизни своих близких и моей как довольно типичный пример, как слепок, как отражение нескольких десятков лет истории страны в истории конкретной семьи?

Оглядываясь назад с высоты прожитых на сегодня без малого 90 лет жизни, можно обратить внимание, как многогранна и противоречива жизнь в нашей многострадальной стране. Мы то живем сотни лет под чьим-то игом или царской властью одной семьи, то ломаем все к чертовой матери, жестко и бессердечно расправляемся со своим недавним прошлым...

В очередной раз мы пытаемся вновь наш, новый мир построить и радуемся этому новому, не задумываясь, что при этом ломаем устоявшийся жизненный уклад или уничтожаем и

коверкаем жизнь миллионов своих сограждан, да ещё их же при этом и упрекаем в том, что они что-то там не так понимают и неправильно поступают.

Да ведь пора бы уже и остановиться, осознать, что жизнь у каждого из нас одна на этом свете! Ведь каждый человек – это неповторимая личность. Так дайте же ей, этой личности, право жить, как она считает правильным и нужным. Не стройте людей в бесконечные шеренги под волю и власть одного класса, партии или диктатора!

Связав свою личную научную судьбу с изучением личности, пусть и в её юридической ипостаси, я пришел к выводу о неповторимости каждого человека и его права жить, как и где он посчитает нужным. Все надстройки над человеком, включая и такую, как государственная власть, должны исходить прежде всего из первичности самого человека, а не наоборот.

Все теории развития человечества придуманы самим человеком, поэтому не могут быть окончательны и совершенны. Совершенен и окончателен лишь сам человек!

Пусть же и история человечества складывается из историй отдельных родов, семей и конкретного человека, а там, где-то в туманной дали истории, кто-то, стоящий над нами, оценит конкретную историю каждого и рассудит, правильно ли мы поступали каждый в свое время.

Вот и я, завершая свое жизнеописание, хотел бы горячо, глубоко и искренне поблагодарить всех и каждого, кто помог мне по ходу работы, в особенности того, кто воодушевил меня на её завершение.

Не могу не отметить, что первоначальные записи о нашей семье оставил после себя один из моих старших братьев, Михаил. Особенно ценны его заметки о том периоде, когда меня

еще не было на свете, а он уже был, поэтому помнил эти трагические для нашей семьи годы жизни после «раскулачивания» и насильственного переселения в Сибирь.

Невозможно забыть, что только одна наша семья из 10 человек в первый же год после переселения потеряла четверых. Это было прямое физическое истребление неугодных якобы для новой власти людей без какой-либо вины с их стороны. Никакая власть не имеет права на уничтожение людей, которые с ней не воюют, ей не сопротивляются. Как не имеет права насильно забирать у этих людей все, что ими нажито праведно!

По ходу работы над рукописью мне помогли многие.

Порой при этом случались прямо-таки удивительные события. Так, приехав несколько лет назад в Крым, в Евпаторию, я совершенно случайно, на улице, среди лиц, ожидавших начала работы отделения банка, познакомился с Аллой Николаевной Никитюк (Преображенской). Она оказалась местной журналисткой, и у меня родилась идея надиктовать ей свои рассказы биографического характера, а затем перенести их на бумагу и таким способом получить более или менее связное повествование о своей жизни и работе.

Мы с ней это сделали и получили каркас для последующей работы; общее дело заметно двинулось вперед.

На завершающем этапе работы над рукописью решающую роль сыграла моя счастливая встреча с бывшим работником моего личного аппарата в Конституционном Суде РФ, выпускником юридического факультета Томского госуниверситета Володей Кузнецовым, который буквально напал на меня, убеждая довести работу над воспоминаниями до конца и, наконец, издать.

А вот то, что касается моих издательских дел последних лет, а издаюсь я в основном в Издательстве Томского университета, тут уже я бесконечно благодарен моему любимому и наиболее талантливому ученику, доктору юридических наук, профессору кафедры криминалистики Юридического института ТГУ Рамилю Линаровичу Ахмедшину.

И как же не сказать слова благодарности за содействие в издании этой книги новоиспеченному директору Юридического института ТГУ, доктору юридических наук, милейшей Ольге Ивановне Андреевой, под чьим руководством коллектив Юридического института, несомненно, добьется новых успехов.

Остаюсь с благодарностью и ко всем иным, многим, не названным здесь, за советы, критику и помощь.

Пусть наша Альма-матер и дальше шествует по пути успехов и достижений!

Искренне Ваш,

Николай Трофимович Ведерников, сын уральских крестьян, рожденный в сибирской ссылке в городе Анжеро-Судженске, выпускник юридического факультета Томского государственного университета 1958 года, доктор юридических наук, профессор Юридического института Томского государственного университета, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке.

19.05.2022 г.

Предисловие

Пора или не пора написать что-то «о времени и о себе»? Пожалуй, и пора.

Начинал я писать эту книгу после своего 85-летнего юбилея. Сейчас мне уже 87. Активная фаза жизни почти окончена. Дети выросли и стали взрослыми, обзавелись своими семьями, есть три внучки...

Когда что-то расскажешь им из своей прошлой жизни, они просят: «Тебе надо это описать. Ведь уйдешь из жизни, и все уйдет с тобой, а это представляет интерес и не только для нас, но и для других».

Возможно, и так.

Написать сплошную биографию как автобиографию вряд ли имеет смысл. Может получиться скучно и сухо. Скорее всего, следует избрать описание отдельных моментов из жизни, как они сохранились в моей памяти, придерживаясь в то же время хронологии: детство, отрочество, юность, мои университеты, активная жизнь в личной сфере, общественной и государственной деятельности.

В моей жизни случилось так, что на разных ее этапах я поработал в органах власти всех трех ее основных видов, или, как говорят юристы, «ветвях власти»: законодательной, исполнительной и судебной, на разных ее уровнях: на низовом, районном уровне, и на высших уровнях – на Съездах народных депутатов РСФСР – РФ и в Верховном

Совете РСФСР, в Конституционном Суде Российской Федерации.

Образно говоря, я «посидел» на всех трех ветвях власти, хотя официально эти виды государственной деятельности, где мне в разное время жизни привелось поработать, в то время так не назывались.

Как известно, впервые принцип разделения властей в нашей стране на конституционно-правовом уровне был провозглашен в Декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой I Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года. Воспоминания, таким образом, в определенном смысле уже начались, хотя сугубо «исторического» пока еще ничего не сказано.

Я принял решение описать не только свою личную историю жизни, но подать ее на фоне хронологии всей нашей семьи: той семьи, в которой я вырос, сформировался как человек своего времени и в которой заканчиваю свой жизненный путь. Судьбе было угодно распорядиться так, что из шестерых детей моих родителей на настоящий момент в живых остался я один. Так что ни поправить, ни дополнить мои воспоминания уже некому.

Тяжелая болезнь моей любимейшей супруги – Галины Степановны – ускорила работу над этой книгой. Хочу, чтобы она – самая близкая мне из оставшихся в живых, с которой мы вот уже почти 75 лет вместе шагаем по жизни, стала первым читателем моей книги.

Это накладывает на меня дополнительную обязанность – быть до конца правдивым и честным в своих описаниях, не исключая при этом возможности в чем-то ошибиться, забыть, не упомянуть.

Специально для молодого читателя я буду подробно останавливаться на особенностях устройства жизни в СССР, о которых он может совершенно не догадываться и даже не верить, что такое могло быть. Но это абсолютная, оплаканная горькими слезами многих миллионов граждан нашей страны правда.

Я пишу эти воспоминания для себя, для своих детей и внуков, с тайной надеждой, что кто-то из моих потомков их продолжит, так история семьи Ведерниковых войдет как частность, как явление в непростую историю нашей Родины.

Глава 1

Картинки из детства

Я, Ведерников Николай Трофимович, родился 17 декабря 1934 года в городе Анжеро-Судженске Кемеровской области в семье шахтера. Примерно таким образом я начинал обычно цитирование своей автобиографии в более зрелые годы, когда мне требовалось представлять биографию в те или иные инстанции. Предоставление биографических анкетных сведений о себе было для меня делом далеко не простым, ибо происходил я из семьи ссыльнопоселенцев, из семьи раскулаченных, сосланных в Сибирь с Урала, а по сложившимся в годы моей молодости правилам надо было непременно указывать, из какой семьи ты происходил, каково твое социальное положение; указывать в первых же строчках своей биографии, что я из семьи «раскулаченных», мне ох как не хотелось. Моё непролетарское происхождение могло навредить мне весьма серьезно.

И вот когда я это осознал, когда представил (а осознать этот факт и выработать к нему свое отношение мне пришлось особенно четко и определенно к моменту окончания вуза), какое отношение ко мне появится (проявится) тут же, после прочтения этой информации, я выработал для себя правило, которого и придерживался все последующие годы.

Это правило звучит примерно так.

Вы хотите получить мою автобиографию, а не биографию моих родителей или старших братьев (старших сестер у меня

не было), вот я и сообщаю даты и факты своей биографии, начиная с рождения и по сей день, а если вы хотите узнать о моих родителях или старших братьях, узнавайте, оценивайте и решайте в этом свете и обо мне, но моя личная биография началась с даты моего личного рождения, о чём я вам и сообщаю в первой строчке своей автобиографии. Моя биография есть моя автобиография, моё положение в обществе и государстве есть мое положение, а не положение моих родителей или старших братьев.

Почему надо было сообщать сведения не только о родителях, но и о старших братьях и сестрах? Очевидно, подразумевалось, что именно старшие дети могли повлиять на моё восприятие действительности, на моё умонастроение и выработку отношения к власти, к строю, повлиять на мою жизненную позицию, как теперь говорят, а это означало уже в определённой мере познание моего внутреннего мира, моей социальной и человеческой сущности. А это было уже немало при изучении моей личности.

Но я рассуждал иначе. Вы же хотите узнать, кто перед вами и что он из себя представляет. Изучайте. Но моя жизнь началась с факта (с даты) моего рождения, и поскольку я пишу вам свою биографию, я начинаю с даты своего рождения!

До даты моего рождения меня не было. Я не мог никоим образом повлиять на события, что были до меня. Если вы хотите услышать мое отношение к бывшим до меня событиям, услышать мои оценки этих событий – спрашивайте, я отвечу. Но не участвовал я в этих событиях «не привлекался, не был, не стоял», а поэтому не несу за них никакой ответственности.

Меня просто тогда не было. А крылатая фраза тех лет «Сын за отца не отвечает» была мне уже известна.

Так что в тех немногих случаях, когда я сообщал о себе биографические сведения (а это всякий раз было для меня весьма неприятным событием), я начинал с даты своего рождения.

Вот и сейчас, приступая к своим запискам биографического характера, что называется, «о времени и о себе», я начинаю их именно с даты своего рождения.

Итак, я родился 17 декабря 1934 года в многодетной семье кузбасского (анжерского) шахтера Трофима Никитича Ведерникова и почти безграмотной моей матери, домохозяйки Марии Филипповны Ведерниковой (урожденной – Прохоровой).

В то время отец мой работал в шахте № 5/7 имени С.М. Кирова, а мама – на лесобазе при шахте, где обрабатывался и заготавливался лес для шахты – в основном рудостойка (рудничная стойка – небольшие, где-то 1,5–2 метра длиной и 2–30 см в диаметре, бревна, которые устанавливались в шахтных выработках – штреках и лавах – для крепления потолков и стен). Рабочие, которые крепили стены и потолки шахтных выработок, так и назывались – крепильщики. Это была одна из шахтерских профессий. А ещё были забойщики, доставщики леса и даже коногоны и замерщики газа.

Так вот, отец начинал свою работу в шахте крепильщиком, пока не закончил соответствующие курсы при шахте и не получил профессию десятника по вентиляции, о чём речь пойдёт ниже. Мама работала разнорабочей на лесобазе. И если контора шахты – шахтоуправление – находилась от дома, где мы жили, довольно далеко, то лесобазы – в нескольких сотнях метров, и в дальнейшем мы с пацанами ходили через территорию этой лесобазы в школу. Но это было позднее.

А через несколько месяцев после моего рождения, в июне 1935 года, в бараке¹ по улице Халтурина, что стоял недалеко от лесобазы, где наша семья занимала одну комнату, случился пожар. Миша – один из моих старших братьев, подросток, и Нина – двоюродная сестра, Мишина одногодка, схватили меня в одной пеленке и побежали на лесобазу, на работу к маме. Мама, увидев пожар, уже сама бежала с работы к дому. Скоро на пожарище прибежал и мой отец. Он бросился в нашу комнату, выбив раму окна, и через этот проем стал выбрасывать на улицу вещи. К сожалению, все они в основном сгорели от пожарного зноя, и вся семья осталась в том, во что была одета. Я сам ничего этого, естественно, не помню, описываю по рассказам мамы и старшего брата Михаила.

Пожар ухудшил и без того бедственное положение семьи. Перед родителями встал вопрос, где жить дальше. Так вот, на первое время нас приютил проживавший в соседнем бараке старый друг отца, некто Соломатов Игнат, с которым отец поддерживал дружеские отношения до самой смерти этого деда Соломата, как мы все его звали. Это была искренняя и глубокая дружба двух взрослых людей одной судьбы. Умирая, дед Соломат оставил отцу свою рюмку, которая долгие годы хранилась и использовалась по назначению в нашей семье.

Не будем забывать, что мы были на специальном поселении, под комендатурой, поэтому не могли куда-либо уехать, а

---

¹ Барак – деревянное строение, похожее скорее на сарай, чем на жилой дом, представлял собой длинное одноэтажное здание с коридором посередине и с комнатами по обе стороны коридора, в каждой из которых размещалась семья, а то и две.

должны были найти жильё и устраиваться тут же, в той части города Анжеро-Судженска, которая называлась Судженка и где имелось лишь одно производство – угольная шахта имени С.М. Кирова.

Моё первое детское воспоминание – это как наша семья (папа, мама, двое старших братьев – будущие фронтовики Дмитрий и Михаил, а затем младший брат Фёдор 1936 года рождения и сестрёнка Тамара 1939 г. рождения) живем на той же Судженке в одной квартире с семьей старшего брата отца – Ивана Никитича Ведерникова – в двухэтажном деревянном доме.

Жена Ивана Никитича, моего дяди, умерла в первую же зиму после нашего принудительного переселения с Урала в Сибирь, и он многие годы вдовствовал, живя с двумя своими дочерьми – Тасей и Ниной. Они были уже подростками, когда дядя Иван решил жениться повторно. Свадьба была в той же квартире, где мы жили все вместе, и из этой свадьбы я отчётливо помню, как моя мама и другие взрослые женщины-гости заставляли моих двоюродных сестер Тасю и Нину тут же, на свадьбе, поднести что-нибудь объявившейся мачехе и назвать ее мамой. Зачем это было нужно, мне было совершенно непонятно. Я помню, как и Тася и Нина отказывались это делать, горько плакали, а их всё же заставляли взрослые женщины, и они вроде бы сдались. Я помню, как Нина, младшая из сестер, это сделала и, выбежав из комнаты, где шла свадьба, горько и безутешно рыдала. Что это была за блажь, что за дурь, почему на этом так настаивали женщины, мне так до сих пор и осталось непонятным. Тем более, что и брак этот был явно неудачным для дяди Ивана ввиду нелюбимого, холодного характера мачехи. Да и прожили они вме-

сте не так долго – зимой то ли в конце 1942, то ли в начале 1943 года дядя Иван трагически погиб в шахте.

Надо же было так непродуманно строить в шахтах клетки! Клеть в шахте – это подъёмный механизм в стволе шахты, с помощью которого и опускаются в шахту, и поднимаются наверх, «на поверхность», и горняки, и грузы. Так вот, дверки этих подъемников до трагического случая с дядей Ваней были устроены так, что раскрывались не внутрь клетки, а наружу. Во время подъема дядя Ваня прислонился к этой дверке и, очевидно, задремал. Дверка раскрылась и он упал в ствол шахты с высоты 60 метров. Смерть была неизбежной.

В Анжерке, так в обиходе назывался тогда, как и поныне, весь город Анжеро-Судженск, в то время было всего два средних специальных учебных заведения – горный техникум и медицинское фельдшерско-акушерское училище. Выбор не богатый, да и отправлять (отпускать) куда-либо в другой город на учебу детей после окончания неполной средней (семи-летней) школы родители практически не имели возможности. Так, вначале моя старшая двоюродная сестра Тася, а потом и младшая Нина, как и мой родной брат Михаил, окончили фельдшерско-акушерское училище и получили среднее медицинское образование в звании «фельдшер». Мой брат Михаил в 1942 году учился в Анджеро-Судженском фельдшерско-акушерском училище, поэтому мог посещать морг местной городской больницы. Когда он пришел туда посмотреть, где находится тело дяди Вани, он обнаружил его лежащим на широкой лавке на спине; часть его черепной коробки откололась от головы и лежала как бы отдельно, держась только на коже. Была ведь война, и человеческая жизнь в то время ничего не стоила.

Похороны дяди Вани прошли сухо, буднично и незаметно. На немногочисленных поминках была одна гороховая каша с чаем.

Но смерть дяди Вани всё же не прошла бесследно. До кого-то наверху дошел весь маразм такого устройства шахтовых клеток, когда их дверка раскрывалась наружу и, как рассказывал мне позднее отец, по Министерству угольной промышленности был издан приказ о переоборудовании шахтовых клеток.

Хочу закончить историю жизни и смерти моего единственного дяди – дяди Вани, человека на вид угрюмого и малоразговорчивого, но весьма доброго по отношению к нам, детям его младшего брата. Где-то в середине 70-х годов прошлого века я оказался в Анжерке в гостях у старшего брата моей жены Александра Танцерева с моим малолетним в то время сыном Андреем. Рассказал Андрею о трагической судьбе и гибели дяди Вани и предложил сходить на кладбище, где он был похоронен (это район бывшего пригородного совхоза «Центральный»), поискать его могилу. Дочерей дяди Вани, моих двоюродных сестер Таси и Нины, к этому времени уже в Анжерке не было, они жили в других местах. Так вот, мы с Андреем долго и упорно ходили по этому заброшенному кладбищу, которое уже в то время явно готовилось к ликвидации, и ничего не нашли. Повсюду валялись сломанные кресты и разбитые тумбочки, другой мусор. Кругом были неприбранность и хлам.

В каком же состоянии мы содержим наши кладбища, в особенности около деревень и небольших поселков; стыд и позор! Как коротка память наших людей об усопших, как небрежны мы к своей истории и памяти предков!

Но вернемся к хронологии моей жизни. Некоторое время после пожара мы жили в двухэтажном деревянном доме на втором этаже как бы на подселении у дяди Вани. Жили по существу две семьи в одной квартире.

Мои старшие братья Дмитрий и Михаил и двоюродные сестры Тася и Нина были, как мне помнится, погодки, носили одну фамилию – Ведерниковы – и были весьма дружны между собой. Это выражалось не только во взаимной помощи друг другу в учёбе, но и в других делах, в особенности в дружной работе по посадке и копке картошки на полях. При этом они нередко ещё приглашали и своих друзей. И если при копке картошки выдавалась хорошая погода, понаблюдать и поучаствовать по мере сил в их дружной работе (приносить воду для питья, освобождать вёдра, складывая картошку в мешки), было для меня одно загляденье.

Вообще все окружающие люди были настроены дружелюбно, во всём стремились помочь друг другу. Было ощущение, что жизнь налаживается, всё идёт к лучшему: мужья работали в шахте, а жены – матери семейств – вели домашнее хозяйство и воспитывали нарождающихся детей. Это были довоенные годы.

Изредка наши родители собирались на совместные застолья, не помню уж по каким поводам, но выпивали все немного, пьяным никто не был, а самое главное – как они при этом пели свои народные уральские песни. Нередко запевал мой отец (говорят, в детстве он даже пел в церковном хоре в своей деревне), а женщины дружно подхватывали, и слушать их было одно удовольствие. Ни радио, ни патефонов ни у кого тогда ещё в Сибири не было, и это дружное до-

машнее пение старших производило на меня неизгладимое впечатление.

Специально слова песен я не запоминал, но они, очевидно, сами запали в душу и память. Через много лет, уже будучи студентом старших курсов, я приехал из Томска в Анжерку и оказался в компании родственников жены – примерно одного возраста с моими родителями; когда все изрядно напились (пить к этому времени люди стали уже намного больше) и начали петь, я тоже включился в это пение и к удивлению своему обнаружил, что знаю слова почти всех песен, которые пели мои родители со своими гостями еще в довоенное время.

С тех пор «по пьяной лавочке» я пою песни моих родителей и втайне надеюсь, что кто-то из моих детей или внуков тоже когда-то их запоет. И это будет уже не просто исполнение, это будет связь поколений, преемственность наших корней и традиций, живая память о предках, их трудной судьбе и умении выживать в любых обстоятельствах.

Мне вот, в мои-то зрелые-перезрелые годы, так хотелось ещё раз услышать голоса моих родителей, их родственников и друзей, когда они буквально со слезами на глазах пели в Сибири песни их родного Урала. Казалось бы, при этом у них должны были начинаться и рассказы об их прежней жизни, но рассказов или воспоминаний никаких не было. Не было сетований на судьбу, не было жалоб и вздохов: они крепко усвоили, что даже малейшее выражение недовольства нынешним положением могло быть воспринято властями как форма протеста, а там недалеко и до неприятностей и санкций. И только изредка в рассказах мамы звучала боль и возникал вопрос: «За что?!». До мысли о возвращении в родные их места было еще ох как далеко. Эти мысли у моих родите-

лей появились гораздо позже, где-то в 60–70-е годы прошлого столетия, когда жить они стали побогаче, а их дети уже почти встали на ноги, жили самостоятельно. Хотя при высылке им вроде бы говорили, что ссылают их на 5 лет, а потом вернут назад на родину; скорее всего, это была болтовня, чтобы предотвратить возможные протесты. Хотя, по слухам, грузин, высланных примерно в те же годы, всех вернули обратно до-мой еще до войны. Было ли это фактически – мне не известно.

Все эти редкие застолья и песнопения при этом – всё было в довоенные годы.

После женитьбы дяди Ивана, видимо, его новая жена стала выражать недовольство тем, что две семьи живут в одной квартире. Отец пошел по начальству «хлопотать» о нашем отселении на другую жилплощадь. В результате мы переселились на улицу Халтурина, дом 26, квартира 29. Это была та самая улица, на которой, практически рядом с бараком под номером 26, стоял ранее такой же деревянный барак, в котором мы жили и который сгорел. В военные годы на этом месте возникли огороды, где жильцы сажали картошку.

В нашем новом – старом бараке оказалось 29 комнат по обеим сторонам коридора. Было два входа, с каждого конца коридора, и нашей квартирой стала именно комната 29, которая была крайней. Дверь нашей комнаты была напротив входной двери, которая постоянно громко хлопала, через неё шел холод. В коридоре у входа весной и осенью было грязно, зимой наносило снег, так как все жильцы барака входили и выходили через эту дверь. И только позднее, через несколько лет, догадались перегородить коридор где-то на середине барака, и жильцы каждой половины стали ходить через свою дверь.

Крыльцо с нашей стороны барака было деревянное и довольно высокое. Во дворе были построены под одной крышей небольшие сараи, полагающиеся каждой комнате. В них хранили уголь, которым жильцы отапливали свои комнаты; на плитах женщины готовили еду для своих семей. Там же, во дворе, несколько поодаль был построен из досок общественный туалет, куда и ходили жильцы днем и ночью, летом и зимой. Так что «удобства во дворе» и все прелести общественной уборной я усвоил с детства.

Когда наша семья получила разрешение на комнату, в ней, кроме родителей, было пятеро детей. Мои старшие братья – Дмитрий и Михаил – учились в старших классах семилетней школы. Это было накануне войны. Учиться дальше и получать полное среднее образование они не планировали, да и обучение в школе с 8-го класса в то время было платным, а семья, как я понимаю, при одном работающем отце, что называется, еле-еле сводила концы с концами. Поэтому было решено, что самый старший из братьев – Дмитрий – после школы пойдет работать, а более младший – Михаил – продолжит учёбу в каком-нибудь среднем специальном учебном заведении.

Мне запомнился первый вечер нашего пребывания в комнате номер 29 в доме 26 по улице Степана Халтурина. В первый день после получения разрешения на занятие комнаты в бараке родители отправили Дмитрия с Михаилом осмотреть и начинать обживать это помещение, а братья за компанию взяли и меня, чтобы я узнавал, где и с кем рядом мы будем отныне жить. Мы пришли в барак к вечеру, подмести в комнате пол, разожгли печь, стали что-то готовить на ужин. Вскоре у нас собрались соседские ребята, пришли зна-

комиться с новыми жильцами. Садилась прямо на пол или приносили с собой кто табуретку, кто чурку деревянную в виде пенька. О чём-то говорили, рассказывали нам, что где находится в округе.

Надо заметить, что барак этот был крайним на улице и вообще крайним из всех городских построек в этой части города, в Судженке. Прямо под окнами проходила дорога из города в поля и в лес. Недалеко протекала маленькая речка Пьянка, а за мостиком через речку начинались пустыри и поля. В километрах 2–3 находилась деревня Лебедянка. Вдоль речки были лес и кустарник. Это была одна из окраин тогдашней Судженки. Рядом с нашим баракком стояло еще несколько таких же баракков, в которых тоже жили семьи спецпереселенцев. Практически все мужчины работали в шахте, а женщины вели нехитрое домашнее хозяйство, сажали и убирали огороды и воспитывали детей. Семьи были, как правило, многодетными.

Первый день нашего заселения запомнился мне еще и потому, что со мной лично в тот вечер произошел неприятный инцидент.

В полу нашей комнаты около печки был сделан лаз – под полом почти на всю площадь комнаты имелось подполье – свободное пространство, где вскоре после нашего заселения отец оборудовал место хранения для картошки и других овощей, впоследствии там же ставили крынки с молоком от нашей коровы, хранили и другие продукты, так как о холодильниках тогда не было и речи.

Так вот, в этот первый вечер я открыл крышку подполья, положил поперёк лаза крепкую палку и начал крутиться на этой палке как на перекладине турника. Так как палка была никак не закреплена, то в один прекрасный момент она со-

рвалась, и я улетел в подполье. Не помню, чтобы я при этом закричал, но ударился о землю довольно сильно, вылез только с помощью старших братьев. Присмирел после этого, долго лежал на полу. Хотя видимых травм при этом не получил, но сильно испугался. Запомнилось мне наше заселение в новое жильё именно этим падением в подполье.

Переселились мы на улицу Степана Халтурина, очевидно, где-то накануне войны (уточнить сейчас не у кого), но сам факт объявления войны я не помню. Массового ухода мужчин на фронт в начале войны в наших бараках также не было, да их (мужчин, отцов семейств) во многих семьях и не было, их пересадили, как тогда говорили, «забрали». Всем было ясно куда и зачем, вот только никто не мог сказать, за что забрали и где они находятся сейчас. Писем тоже ни от кого не приходило, так что и поводов поговорить на эту тему не возникало. Забрали – и всё! Мытарится одна женщина с кучей ребятшек в бараке, жизнь как-то теплится, дети подрастают, вроде бы так и нужно. Матери семейств были сплошь неграмотными, а потому и не донимали власти своими бестактными запросами – где их мужья, живы ли, придут ли когда-нибудь. Забрали – и всё тут! Никто не надеялся, что они когда-нибудь придут. В моей памяти не сохранилось, чтобы кто-то, какая-то семья получила известие о забранном отце и муже или чтобы кто-то из них вернулся.

А тут ещё война. Все мужчины-шахтеры были переведены под «бронь», то есть не подлежали призыву в армию. Но если ранее в шахте в течение суток работали четыре смены рабочих, то теперь было оставлено только две смены, рабочая смена длилась 12 часов. Как говорил отец, они теперь работали «12 через 12», сменяли друг друга прямо в шахте, на ра-

бочем месте. Но ведь шахтеру, чтобы дойти до места работы, до лавы, где непосредственно добывали уголь, надо было идти из дома до шахтоуправления, переодеться в рабочую одежду, получить лампу с аккумулятором, шагать до ствола, спуститься в клетки до нужного горизонта, дойти под землёй до лавы и там, прямо на рабочем месте, сменить рабочих предыдущей смены. И только с этого момента начиналась его смена. Ещё сложнее было после окончания работы: надо было не только дойти до ствола, подняться на поверхность, но ещё и помыться в мойке, переодеться в чистую одежду и лишь после этого идти домой. Все ходили на работу и с работы пешком, никакого транспорта не было.

В результате такого режима у шахтёра оставалось время, чтобы по приходу домой поесть и тут же лечь спать, чтобы, проснувшись, не опоздать к началу следующей смены. Смены чередовались – дневная и ночная. Через 10 дней смены менялись, получалось несколько часов свободного времени. Это и были «выходные» дни. Такой режим работы шахтеров длился не только все годы войны, он продолжался еще года два или три после окончания войны.

Работа, что называется, на пределе сил и возможностей человека, но никто не ныл и не роптал – так было надо, все работали на износ ради победы над врагом. Жаль, что ни у нас, ни у соседей не было радио, и известия с фронта доходили в виде слухов и из случайных разговоров с более сведущими людьми.

В первые годы войны, когда наши отступали, настроение у людей было мрачное, не слышно было смеха, тяжесть и неизвестность давили на людей. В то же время была какая-то внутренняя уверенность, что это временные трудности и не-

удачи. Людей не покидало чувство, что в конечном счёте победа будет за нами, что разгромить Россию, Советский Союз немцам не удастся. Никакой паники и пораженческих настроений не было. Пришло очередное нашествие врага на нашу Родину, но страна выстоит и победит! Вот она, основа нашей Победы!

Изредка то в одном, то в другом бараке провожали на фронт кого-либо из молодёжи. Провожали, что называется, всем миром, и мы, пацаны, были всегда неизменными участниками таких проводов.

Пришло время и мне идти в школу. В семье состоялся разговор, когда же меня отправлять на учёбу. Поскольку родился я 17 декабря, надо было идти в школу в 8 лет или в 9, а к моменту окончания первого класса мне бы было уже на год больше. В 7 лет в те годы поступали в школу практически единицы. Не помню, чтобы я особо рвался учиться, в округе было немало ребят, которые вообще в школу не ходили. Одежды и обуви, в которой можно было бы ходить в период осенней и весенней распутицы, практически не было. Зимой в Сибири все носили валенки, их еще у нас называли пимы, летом же дети бегали босиком, но вот в чём ходить весной и осенью, по грязи, было большой проблемой. Чаще всего носили резиновые галоши больших размеров. Да и с одеждой было не просто плохо, а сверхплохо, чаще всего это были ватные фуфайки больших размеров, которые матери как-то подшивали и подлаживали на ребят.

Было решено, что в школу я пойду в 8 лет, дескать, немного повзрослею и окрепну. От рождения был я щуплым, тонким и небольшого роста ребенком. Да и откуда было взяться росту при том питании, которое было у нас в те годы. Вытя-

нулся я позднее, в старших классах, и на уроках физкультуры в 9-м и 10-м классах мы, три Кольки (Голдаев, Феденев и Ведерников), стояли во главе строя. Но это было позднее.

Учился я в начальной школе № 31 города Анжеро-Судженска, которая располагалась сравнительно недалеко от нашего барака, на краю лесобазы. Там же проходили железнодорожные рельсы подъездных путей к шахте, по ним также привозили на лесобазу для разделки лес. Так как подъездные пути зимой расчищались от снега, нашей дорогой к школе на значительном расстоянии становились эти подъездные железнодорожные пути.

Школа наша представляла собой такой же одноэтажный деревянный барак, как и тот, в котором мы жили. Но был он несколько шире. Было в нём, как помнится, 4 классных комнаты и небольшой вместе с коридором зал со сценой. В дальнейшем, обучаясь уже в других школах, будучи активным участником художественной самодеятельности, я неоднократно выступал с этой сцены с чтением стихов в концертах по поводу избирательных кампаний и других праздников.

А в начальных классах было принято до уроков и на переменах водить хороводы и петь детские песни. Это была уже другая жизнь, другие занятия, отличные от убогости и нищеты домашней жизни.

Учеба мне давалась легко, и учился я хорошо, на родительских собраниях, куда ходила обычно мама, меня хвалили. Так что проблем в этой школе у меня не было. Нашей первой учительницей была молодая, как мне казалось, безумно красивая, высокая девушка. Звали ее Клавдия Ильинична. Мне она представлялась просто божеством из другого мира. Было трудно представить, как она живёт в обыденной жизни.

Учила она нас где-то пару лет, а потом вдруг исчезла, до нас дошли отголоски, что она вышла замуж и куда-то уехала. Было ли у неё специальное педагогическое образование, мне неизвестно, но и читать, и писать, и считать она нас научила и оставила самую добрую память о себе в моей душе.

Мой отец считался весьма грамотным человеком по тому времени – он окончил 4 класса церковно-приходской школы в своей Уральской деревне Соколки и иногда также весьма тепло вспоминал о своих учителях. Вернее, учитель у них был всего один – местный священник, и сидели все ученики в одной комнате, хотя числились учениками разных классов. Так, когда отец мой числился уже учеником 4-го класса, священник иногда поручал ему вместо себя вести уроки.

Отец рассказывал, что если они встречали своего учителя на улице, то, здороваясь с ним, снимали в любую погоду шапку. Вот и я однажды, а дело было зимой, подходя к школе, встретился со своей учительницей, тоже снял с головы шапку и поздоровался с ней. Бывшие рядом ребята рассмеялись, а учительница улыбнулась и ничего не сказала. Я тоже смутился и понял, что времена изменились, почитание учителей упало, и здороваться таким образом не следует. А жаль! Чем ниже авторитет и почитание учителей, тем грубее нравы народа, тем больше в жизни деляческого и безнравственного.

В первом классе, где-то после Нового года, со мной произошла такая скверная история, которая оставила след на моём теле в виде глубокого, округлой формы рубца на груди на всю последующую жизнь. Дело было так. Мама ушла по делам в город, отец, как всегда, был на работе в шахте. Уходя, мама поручила мне сварить суп на всю семью. Это было в порядке вещей, я же девятилетний пацан, считался уже

большим. Суп в те годы варился у нас в большом черном, примерно на 0,5 ведра, чугушке – семья-то была из 5 человек (самой младшей сестренки Веры у нас тогда ещё не было. Она родилась после войны, в 1945 году).

Что там, в чугушке, кроме картошки и капусты еще варилось в супе, я не помню. Но чугунок ставился не сверху плиты, а в чугунной плите печки были кружкí, которые снимались, и в это отверстие опускался чугунок, чтобы суп скорее закипал и варился. Я снял кружкí на плите и поставил туда чугунок. Начистил и нарезал картошки, добавил солёной мерзлой капусты и посолил. Попробовал суп на соль, и когда он сварился, мне надо было вынуть чугунок из углубления и поставить на край печки.

Вот эта операция была для меня самой трудной. Сама кирпичная печь была высокой, почти что выше моего роста, и чтобы вынуть чугунок с кипящим супом из углубления плиты и донести до края печки, нужны была и сила, и сноровка. Всё, может быть, обошлось бы благополучно, чугунок я вынул и потащил к углу печки, но на углу печки образовалась какая-то шишка, и когда я поставил чугунок на эту шишку, он опрокинулся, и кипящий суп полился мне на грудь. На мне была надета тонкая рубашка, которая моментально промокла и прилипла к телу. В комнате никого старше меня не было. Со страшным криком я выбежал в коридор барака. Выскочившие соседи разорвали на груди мою рубашку, но это мало что дало. Ожог был во всю грудь, особенно сильным он был вверху груди, куда и лился суп. Я довольно долго болел, ожог заживал медленно, но я всё же догнал других учеников и закончил первый класс успешно.

Что мне еще запомнилось, так это то, что с какого-то времени нас, учеников, стали в школе подкармливать. Выгляде-

ло это так: в класс входила учительница и вносила горку нарезанных по числу учеников кусочков черного хлеба, представляющих собой половинки тонких ломтиков из булки-кирпича. Каждому ученику на парту учительница клала кусочек хлеба, да еще и посыпала его сахаром-песком. Все это тут же съедалось. Это было незабываемое лакомство. Дома сахара у нас уже давно не было, думаю, что и у других ребят тоже.

Делалось это, очевидно, по указанию руководства шахты, а было ли такое в других школах, мне неизвестно. Но вот в нашей школе это было и осталось в моей памяти. Страна думала о своем будущем и делала для детей, что могла.

Однажды, в классе третьем или четвертом, я был включён в группу из 5 или 6 ребят, которых дежурная учительница взяла с собой в помощники, чтобы принести такой хлеб и сахар в школу. Мы пришли в шахтовую столовую – небольшое двухэтажное строение рядом с управлением шахты, и там нам выдали несколько булок-кирпичей черного хлеба и в мешочке сахар; мы всё это несли на себе до школы, сменяясь по переменке. В школе при нас учительница изрезала этот хлеб, и его разнесли по классам.

Шахтовая столовая была, конечно, примитивная, но кого-то же и чем-то же в ней кормили? Как стало мне известно позднее, при крупных предприятиях, имеющих оборонное значение, были образованы ОРСы – отделы рабочего снабжения, которые занимались организацией продовольственного снабжения рабочих и инженерно-технических работников (ИТР) предприятий, заводов и шахт. В ближайших к таким предприятиям деревнях были организованы подсобные хозяйства сельскохозяйственного профиля, которые и обязаны были обеспечивать продуктами коллективы подобного рода пред-

приятый. ОРСы и подсобные хозяйства были подразделениями самих оборонных предприятий, в них была жёсткая дисциплина и контроль. Самый старший мой брат, Дмитрий, начинал свою рабочую биографию до призыва на фронт именно в таком подсобном хозяйстве шахты, в деревне Улановка, что была в 12 км от Анжеро-Судженска. Эпизод из его жизни и работы в Улановке я опишу позднее, как и эпизод, связанный с сельхозработами, из своей личной жизни.

Сейчас же я хочу описать случай из своей школьной жизни в начальных классах. Не помню, в каком именно классе я учился в это время, но шел месяц декабрь, время подходило к Новому году, когда обычно в школе устанавливалась и наряжалась елка. Время шло, ёлки не было, и тогда учителя обратились к нам, мальчишкам, и попросили нас срубить елку в лесу и привезти ее в школу. Лес был недалеко, вдоль берегов речки, километрах в 2–3 от школы; дороги к лесу не было. Мы катались на лыжах в тех местах и знали, что ёлки там есть, но только высоченные деревья, мелких ёлок там не было. Тем не менее мы согласились на это дело и гурьбой, человек 8–10, с топором поехали на лыжах в лес за елкой. Было нам по 10–11 лет, и мы явно не рассчитали свои силы.

Когда дошли на лыжах до леса, выбрали громадную ель и попробовали ее рубить у основания ствола, то поняли, что нам это явно не по силам: топор отскакивал от мерзлого ствола и почти ничего не рубил. К тому же снег был глубокий, лыжи проваливались, а если мы их снимали, то проваливались сами по пояс и выше.

Ель была весьма высокой, целиком её мы, если бы даже свалили, никуда бы не утащили. Да она бы и в нашу школу просто не вошла. Поняв это, мы решили отрубить у растущей

ели верхушку метра 3–4 длиной; её мы думали потом дотащить до школы. Поочерёдно залезали на ель и пытались рубить на выбранной высоте. Но стоять или сидеть на качающихся ветках ели было совсем не просто, а потому удары топора были еще слабее и становилось ясно, что и таким способом мы ёлку не срубим.

Это же был декабрь месяц, Сибирь, и мы вскоре стали замерзать, да и день клонился к вечеру, в лесу становилось и темновато, и страшновато. С нами же не было ни одного взрослого человека.

Мы были вынуждены на деле признать, что задача нам была не по силам, и к ночи все вернулись по домам. Наутро пришли в учительскую и с понурыми головами признались, что елку мы срубить не сумели. Даже если мы её и срубили бы, то явно не дотащили бы до школы.

По нынешним временам невозможно себе представить подобный поход за елкой школьников начальных классов, а в то военное время женщины-учителя полагали, что мы можем одни справиться с такой задачей. Не возражали и наши родители, да многие из них и не знали о такой нашей задаче, никто не беспокоился, где мы и чем занимаемся. Ушли в лес, ну и ушли. Пришли и ладно.

Елку всё же к Новому году в школу привезли, очевидно, рабочие шахты и без какого-либо нашего участия. Новогодний праздник в школе состоялся. Нас никто не упрекнул, что мы не справились с поставленной задачей, но вот я в тот момент все же чувствовал свою вину, и потому эпизод этот запомнился мне на всю жизнь.

Во время учёбы в начальной школе было еще два эпизода, которые мне запомнились.

Как-то мы получили письмо с фронта от Михаила, моего второго по старшинству брата, который был призван в армию сразу же после окончания фельдшерско-акушерского училища и о котором я ещё буду писать в дальнейшем своем повествовании. В письме он упоминал, что им на фронте, очевидно, когда они были не на передовой, показывали новый кинофильм, название которого я сейчас не помню, и в этом фильме речь шла о зверствах немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории на примере истории одной семьи. Михаил горячо и убедительно просил нас обязательно сходить и посмотреть этот фильм, когда он пойдет у нас в городе.

И действительно, вскоре этот фильм был у нас объявлен на афише Дома культуры, где и был кинозал, и мы все, вместе с мамой, но без отца, который всегда был на работе, пошли и посмотрели это кино. В результате я опоздал на два урока в школу, но всё же пришел туда, рассказав учительнице всю эту историю и сказав, что фильм надо бы посмотреть и другим ребятам. Помню, что на уроке меня распирало от желания поделиться с другими ребятами содержанием этого фильма и от гордости, что мы его уже посмотрели.

Это был редкий, если не единственный, случай, когда с нами ходила в кино и наша мама, женщина, вечно пребывавшая в заботах о нашем прокормлении и в силу своей малограмотности не очень-то интересующаяся окружающей жизнью, тем более походами в кино. Но этот фильм попросил посмотреть ее сын-фронтовик, и она нашла время и пошла вместе с нами.

Через два-три дня в школе было объявлено, что состоится организованный поход на просмотр этого кинофильма, и я сходил и посмотрел это кино еще раз со всеми ребятами.

И второй эпизод. Возвращаясь как-то раз в холодный ветреный зимний день из школы, я был уже на подходе к нашему барачу, как меня окликнул вооруженный винтовкой человек в военной форме, который приказал мне остановиться. Оглянувшись, я увидел, что на дороге, расчищая ее от снега, находится довольно значительная, человек 20–30, а может, и больше, группа людей. Это были мужчины и женщины. Одежды они были явно не по сезону и не по-нашему – в ватники или фуфайки, а в довольно яркие пальто и плащи. Некоторые из них были даже без головных уборов. На ногах была лёгкая обувь, опять же явно не по сезону и явно не по сибирскому морозу.

Обойти их стороной у меня не было никакой возможности – кругом лежал глубокий снег. Я стоял и мерз. И видя безвыходность моей ситуации, часовой разрешил мне пройти по дороге сквозь эту толпу. Я прошёл, никто из них никак не отреагировал на меня, а я слышал обрывки их нерусских фраз и рассмотрел их одежду. У некоторых из них даже не было в руках лопат, их просто морозили за компанию с остальными.

Это были какие-то пленные или репрессированные. Было видно, что их специально пригнали сюда и зачем-то заставили зимой чистить дорогу на открытой местности, где сибирский буран ее тут же снова заносил снегом. Было похоже на явное издевательство.

И это невольно напомнило мне, что я тоже из семьи спецпереселенцев и что-то подобное в любой момент может случиться и с моей семьей, и со мной. Вот так с малолетства загонялся страх в души и сердца советских людей, а потом нам разъясняли, что критика и самокритика являются движущими

силами советского общества, и недоумевали, почему это у нас широкие массы людей политически инертны и апатичны.

После окончания 4-го класса мы ушли из 31-й школы, так как она была начальной, а поскольку в эти годы в школах было раздельное обучение мальчиков и девочек, мы, мальчишки, оказались в школе № 27, что находилась на Судженке, недалеко от бывшего рынка. Это было белое кирпичное двухэтажное здание с огражденной прилегающей территорией. Там мы проучились 3 года – с 5-го по 7-й класс, а после окончания этой школы получили свидетельство о неполном среднем образовании.

Поскольку в школе учились одни мальчишки, самым распространенным явлением школьной жизни были драки. Чтобы чувствовать себя защищенным, надо было собраться в группу и в случае чего защищать каждого из «своей» группы, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. В таких условиях труднее всего было тем, кто не вошел в какую-либо группу; таких «одиночек» чаще всего били – за них некому было заступиться.

Моими друзьями по классу в те годы стали Коля Феденев и Володя Чебыкин. С Колей Феденевым мы прошли друзьями по духу через школу, а затем и через Томский университет, да можно сказать, и до конца жизни. А вот Володя Чебыкин после 7-го класса ушел из школы, поступил в горный техникум, окончил его и работал несколько лет на шахте, отслужил в армии, но через несколько лет всё же окончил радиофизический факультет Томского университета и работал где-то в Новосибирске. Но после этого наши дороги с ним разошлись окончательно, связь прервалась навсегда. А жаль, и жаль серьезно.

Чем в более старший класс школы переходил я, тем меньше и меньше оставалось в школе моих знакомых мальчишек из бараков, где жили семьи спецпереселенцев. Отцы в семьях были редкостью, надо было скорее устраиваться на работу. Кроме меня и Коли Феденева, из окружающих бараков практически никто не закончил среднюю школу, а уж тем более институт или университет.

Как я уже писал, семья наша, как и другие семьи, занимала в бараке одну комнату. В ней около печки были устроены полати – что-то вроде широкой полки из нескольких досок, где хранилась всякая ненужная в то время года одежда и другая семейная рухлядь. На полатах спали мы с младшим братом Федей. Там же старшие братья Дмитрий и Михаил, уйдя на фронт, оставили свои учебники, другие книжки и тетради; это было большим моим богатством. Я их все перечитал, но особенно мне понравилась тетрадка, в которую брат Михаил выписывал разные крылатые выражения того времени и тексты песен из кинофильмов; были там и другие записи дневникового характера. Некоторые крылатые выражения я запомнил на всю жизнь, в том числе такое: «Целовать курящую женщину – всё равно, что целовать табачную фабрику».

В начальный период войны катастрофически резко ухудшилось положение с продуктами. Были введены карточки на хлеб, не помню уже точно, какие были нормы хлеба на человека, знаю, что они были разными для работающих членов семьи и для неработающих – иждивенцев. Все, кроме отца, у нас были иждивенцами.

Самый старший брат, Дмитрий, окончил к этому времени восемь классов школы, и его устроили на работу. Так он оказался рабочим в подсобном хозяйстве шахты 5/7 в деревне

Улановке. Следующий брат, Михаил, окончил семь классов школы и поступил в медицинское училище в Анжерке. Учиться там он должен был три или четыре года, но срок учёбы сокращали, в итоге он проучился два с половиной года и, получив диплом фельдшера, был призван на фронт.

Первые две фронтовые зимы (1941–1942 и 1942–1943 годов) были особенно тяжелыми в смысле продовольственного положения нашей семьи. Конечно, были какие-то небольшие огороды, где росла разная мелочь, но всего этого было так мало и хранить это было совершенно негде, так что с середины долгой сибирской суровой зимы есть уже было практически нечего.

К тому же почему-то именно в эти первые годы войны заготовленная осенью картошка быстро сгнивала. Ссыпали ее на хранение в подполье нашей же комнаты, то есть в прямом смысле в углубление под полом комнаты, но и было-то ее не так уж много, явно меньше, чем требовалось для нашей семьи. На наше несчастье, она быстро начинала гнить и сгнивала до основания.

И уже в первую военную зиму мама нередко забирала что-либо стоящее из наших вещей и уходила с этим в ближайшие от города деревни, выменивала на эти вещи картошку или ещё что-то из продуктов, приносила это домой, и мы какое-то время этим питались.

Со временем в ближайших от города деревнях ничего обменять не удавалось; наша мама ездила на поездах куда-то подальше и что-то из съедобного приобретала там. Это были весьма небезопасные поездки в то лихое время.

Как-то раз, в зиму 1941–1942 годов мама взяла с собой в очередной поход за продуктами в деревню моего старшего брата Дмитрия. Когда они уже возвращались, на улице

начался сильный буран (метель). От последней деревни Щербиновки до города была совершенно открытая местность: ни строений, ни леса, шли мама и Дмитрий против ветра на приличном морозе. Одним словом, они начали замерзать. Глубокой ночью добрались до дома, и у Мити оказались отмороженными руки. Надо знать на всякий случай всем, что отмороженные части человеческого тела ни в коем случае нельзя сразу же греть или опускать в тёплую (горячую) воду – кожа просто сойдет с тела. Следует опустить руки в холодную воду и держать их там, пока они немного не отойдут. Так и поступили с Митей – руки его опустили в таз с холодной водой, от боли он кричал и плакал. Мы, младшие, смотрели на это с ужасом, но кожу на его руках удалось спасти, а мне это запомнилось на всю жизнь.

Самые трудные периоды года были весна и начало лета, когда в огородах еще ничего не выросло; остатки картошки уходили на посадку, и в семьях было, что называется, «хоть шаром покати». Ели лебеду и крапиву, ходили в лес за ранней колбой (так в Сибири зовут черемшу), копали саранки (это корни многолетнего луковичного растения).

Ранней же весной ходили по полям, своим и колхозным, из-под картофеля и искали оставшиеся в земле перезимовавшие полугнилые картофелины. Их мыли, давили в однородную массу и пекли из неё драники – картофельные оладьи. Такие драники, но уже из здоровых крепких натертых картофелин, в некоторых сибирских семьях пекут и по сей день. Попробуйте, вкусная еда! Но драники из гнилой картошки – это что-то за пределами представлений современного человека о вкусной и здоровой пище, это уже еда из отходов, из гнили и древесной коры.

Все жители окраины нашего города с началом войны стали самым активным образом раскапывать, где только было можно, землю под огороды, где сажали картошку. Появились в Сибири и новые, более урожайные и более устойчивые при хранении, сорта картофеля. Были такие с красноватого цвета кожурой продолговатые картофелины, которые звали «американкой», была картошка и с белого цвета кожурой. Эти сорта хранились лучше и дольше.

В связи с уходом на фронт Дмитрия и Михаила я становился старшим из детей, и на меня, да на младшего брата Федю ложилась всякая вспомогательная работа по дому: принести из сарая уголь для печки, подмести пол в комнате, а когда появилась у нас корова, то дать ей сена, убрать в стойке навоз, сходить в магазин за хлебом. Хлеб давали по карточкам по числу членов семьи, и надо было хранить и беречь их пуще денег и других ценностей: потеря карточек означала полное отсутствие возможности получить хлеб, а по сути – голод для семьи.

Чтобы заранее как-то обезопасить людей и чтобы они при потере карточек не лишались их на весь месяц, хлебная карточка на каждого человека делилась на три части, по 10 дней каждая часть, то есть карточка на «декаду». При покупке хлеба продавец отрезала от каждой карточки маленький кусочек бумажки, на котором обозначалось соответствующее число месяца.

Как я узнал позднее, продавцы магазинов эти талончики затем клеили на бумагу и отчитывались, сколько хлеба продали. Это называлось «отovarить» хлебную карточку.

Когда хлеб приносили из магазина, то в каждой семье его делили между всеми членами по-разному: в одних семьях от-

давали каждому его долю сразу в руки, и он или мог съесть всю свою порцию – «пайку» – сразу и больше уже не просить, а мог растягивать свою порцию на день.

В нашей семье хлеб на пайки не делился, а хранился где-то у мамы весь целиком, и она отрезала нам по кусочку всякий раз, как семья садилась за стол и ела то, что мама смогла приготовить на сегодня для всех.

Так что тут ещё раз уместно мне вспомнить те кусочки хлеба, посыпанные сахаром-песком, которые нам давали в школе и которые все дети тут же съедали. Хлебные карточки были отменены после войны, году в 1946 или в 1947. Но это не означало, что хлеба тоже стало много, в досталь. Купить его можно было через страшные очереди, были установлены нормы продажи хлеба «в одни руки». Так что и эти времена у нас были весьма «весёлые». Тем более, что в 1946 году в стране случился неурожай, и с хлебом по всей стране, как мне представляется, был напряг. По-прежнему проблема пропитаться для каждой семьи стояла остро, и по-прежнему главным продуктом в каждой семье была выращенная ей самой картошка, да кое-что из овощной мелочи вроде лука, капусты, морковки и свеклы.

В послевоенные годы, благодаря раскопанным огородам и новым сортам картошки, мы накапывали её сотни ведер (один год, я помню, мы засыпали в наше подполье 500 ведер картошки). Так что голод отступил от нашей семьи. Еда в семье ещё многие годы была чудовищно однообразной: суп из картошки и капусты да хлеб, чай заваривали из сушеной морковки, иногда бывала капуста с подсолнечным маслом. И завтрак, и обед, и ужин ежедневно были почти в одно время для всех, и я думаю, что такой довольно жесткий, но ежедневный

распорядок в семье позволил нам всем вырасти относительно здоровыми. Можно сказать, что благодаря маме, ее неустанному ежедневному труду по дому, мы все выжили, а потом и кое-чего добились в жизни. Во всяком случае, из шестерых детей четверо получили высшее образование. Это было уже немало, если знать, в какой бедности проходили наше детство и юность, а мама наша была безграмотной женщиной.

Как нам давались эти сотни ведер картошки по осени?

В мае месяце начиналась копка огородов и земли под картошку. Копали землю вручную, лопатами, после вскопки давали земле 2–3 дня подсохнуть и сажали в неё картошку. Стремилась землю чем-то удобрять, чаще всего коровьим навозом, закапывая его в землю или закладывая в каждую лунку вместе с картофелиной. Через полтора-два месяца картошка всходила, вырастала, и ее надо было огрести, то есть выполоть сорняки и взрыхлить землю, присыпав её к каждому кусту картошки. Получались на грядке довольно ровные ряды, и картошка росла до сентября. В сентябре надо было выкопать каждый куст, выбрать из земли картофелины, подсушить их на солнце, собрать в ведра и засыпать в мешки. А затем всю эту картошку мы переносили на себе, на своих плечах до дома и засыпали в подполье.

По-прежнему в те годы бедность в семье была такая, что мы не могли приобрести для перевозки картошки с полей до дома тачку или тележку. Тележка на металлических колесах у нас появилась, но позднее (а в первые годы приходилось всю картошку переносить в мешках на своих плечах). Грядки располагались в разных местах, иногда довольно далеко от дома, так что порой приходилось нести эту картошку не сот-

ни, а тысячи метров (2–3 километра). По дороге иногда делали привал.

Запомнился мне такой эпизод. Насыпали в мой мешок полагающуюся для меня норму – полтора ведра картошки, положили его мне на плечи, и я спросил у отца: «Папа, а когда отдых?». И он мне ответил: «А вот когда упадешь, тогда и отдых». Жестоко, но по сути-то правильно. Жизнь не располагала к сантиментам. Каждый должен был работать на пределе сил, чтобы обеспечить в итоге более или менее сносные условия для выживания семьи. Это я усвоил тогда и этим правилом руководствовался практически всю жизнь.

Именно этот эпизод из своей жизни в детстве я рассказывал иногда на своих встречах с избирателями в избирательную кампанию 1989–1990-х годов, когда решил избираться народным депутатом РСФСР. В эти годы я уже был профессором, заведующим кафедрой, и чтобы у людей не сложилось обо мне впечатление как о научном работнике, не знающем жизни, я и рассказывал этот эпизод, показывая тем самым, что я знаю проблемы и тяготы жизни простых людей и что сам я из среды таких же, как они. В мой избирательный округ входил один городской район – Ленинский район города Томска – и один пригородный – Томский сельский район; рассказанный мной эпизод из жизни наглядно давал понять, что я не белоручка и не баловень судьбы. Понятное дело, что этот рассказ более благосклонно встречался у селян.

Вот еще один случай из моей жизни в период учебы в школе № 27 города Анжеро-Судженска. В 6-м классе в начале учебного года, скорее всего это был конец сентября, вся наша школа выстроилась в коридоре на линейку, и директор школы объявила нам, что по решению руководства шахты

занятия отменяются на 3 дня, а все ученики вместе с учителями направляются в подсобное хозяйство шахты, в пригородную деревню Щербиновка для копки картошки. Нас тут же отпустили по домам, чтобы мы смогли переодеться, приказали каждому взять с собой кружку с ложкой и к определенному часу снова собраться в школе. До деревни – это километра 3–4 от школы – мы шли пешком, там нас устроили на ночлег, с утра, по классам, под руководством наших классных руководителей развели по полям. Каждому было определено по два ряда картошки длиной метров по 80–100 каждый, даны ведра и корзинки, определены места, куда следовало ссыпать выбранную из земли картошку, и началась работа.

Погода нам благоприятствовала. Хотя по утрам было довольно холодновато, на траве лежал иней, но позднее вставало солнце, становилось теплее и работалось неплохо. Появлялся азарт соревнования, не хотелось быть отстающим, да и работа была привычной для большинства ребят – дома ведь все участвовали в ней, сажали и копали картошку.

Кормили нас организованно и неплохо. Были устроены длинные столы из досок со скамейками, каждому давали по большому черпаку толченой картошки, по кружке молока и по ломтю хлеба. Ночевали мы в каком-то сарае на сене. После завтрака каждый шел к своим рядам, и работа продолжалась. Заканчивалось одно поле, переходили на другое и снова получали каждый свои два ряда. По утрам ботва картошки была холодной и мокрой, но позднее всё становилось привычным, и на выкопанных полях оставались большие кучи – гурты картошки.

Никто от работы не отлынивал, хотя, конечно же, результаты получались разными.

Через три дня организованно вернулись домой, а там пошли в школу и продолжали учебу. Спустя два-три дня нас снова построили в школе на линейку, директор школы объявила всем благодарность за работу, а особо отличившимся были вручены подарки от шахты. Мне вручили отрез материи на костюм и калоши. Всё это я с большой радостью принес домой.

Много-много лет спустя я живо вспомнил, как меня наградили калошами за ударную работу на картошке, когда смотрел кинофильм «Офицеры» – эпизод, когда бойца Красной Армии награждают за отличное выполнение боевого задания «красными революционными штанами».

Будешь радоваться и калошам, когда дома из обуви на зиму были одни подшитые валенки, а летом – шахтерские чуни – глубокие, литые из резины калоши, а позднее – валяные из шерсти на резиновой подошве ботинки («прощай молодость»). Не то что в магазинах не было никаких промтоваров – не было и самих магазинов с такими товарами.

Был на Судженке один закрытый для широкой публики магазин, назывался он «магазин для ИТР», то есть для инженерно-технических работников, но мы в него не были вхожи, и что там продавали, нам было неизвестно. Лишь гораздо позднее, после войны и отмены продовольственных карточек, на Судженке появился так называемый коммерческий магазин, где можно было по явно завышенным ценам купить что-то. Я тогда уже учился в старших классах школы, и иногда мы с ребятами, поднакопив выпадавших нам денег, заходили в него и покупали самые простые конфеты типа леденцов или что-то в этом роде.

Глава 2

Учеба в школе: 5–7-й классы

(школа № 27, неполная средняя),

8–10-й классы

(школа № 29, средняя общеобразовательная)

Из значительных событий периода моей учебы в 27-й школе следует отметить вступление в комсомол. В члены ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи) можно было вступить с 14 лет, когда я учился в 6 классе. Поскольку учился я весьма прилично, практически по всем предметам на «хорошо» и «отлично», активно участвовал в художественной самодеятельности, то секретарь немногочисленной комсомольской организации школы семиклассник Гена Коваленко предложил мне выучить Устав комсомола, быть готовым ответить на любой вопрос по его тексту, а также на другие вопросы политической жизни страны, и когда я считаю, что уже готов, подать заявление о приеме в комсомол.

Комсомол в то время объявлял себя как помощник и резерв партии (имелась в виду единственная существовавшая тогда в стране партия – ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)). Я понимал, что членство в комсомоле для меня исключительно важно.

Незадолго до этого наша семья была снята со спецучета. Отец обращался по этому вопросу к властям письменно и мо-

тивировал эту просьбу главным образом тем, что двое его старших сыновей – Дмитрий и Михаил – воевали на фронте, а Михаил имел государственные награды, в том числе орден Красной звезды и медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В 1947 году семья была снята со спецучета. Большой радостью для родителей было получение паспортов гражданина СССР, что свидетельствовало о получении ими избирательных прав и возможности свободного проезда по стране. Хотя они и после этого ряд лет никуда фактически не ездили, но мечтали съездить на свою бывшую родину, на Урал.

Так что вступление в комсомол было для меня не пустой формальностью. Я был в семье старшим из «сибирской серии» детей и понимал, что мое решение и мое поведение будет примером для младшего брата Федора и сестер – Тамары и Веры. Надо было завоевывать позиции в жизни, утверждаться, что называется, торить дорогу для других. Так что вскоре я выучил Устав ВЛКСМ, школьную программу по истории нашей страны и текущую политику в стране я в известной мере знал из газет и радио. Так что посчитал себя подготовленным и в этом отношении и подал заявление с просьбой о приеме меня в комсомол. В школьной организации я был принят, но это решение первичной организации и прием по существу подлежали утверждению на бюро горкома комсомола, которое периодически рассматривало эти вопросы. Заседания проходили в помещении горкома комсомола, в Анжерке, как правило, вечерами, после рабочего времени.

От Анжерки до Судженки было километров 8–10, пассажирского общественного транспорта тогда ещё не было.

В нашей школе в том году появился новый ученик по фамилии Безуглов, его отец был переведён на работу в недалеко от города расположенный совхоз «Центральный». Не знаю, кем именно был его отец в совхозе, но явно не рядовым работником. Так вот, сын взял у отца в совхозе лошадь, запряженную в сани (дело было зимой), застеленные соломой, и мы втроём – Коваленко, Безуглов и я – сели в эту солому и поехали в Анжерку на заседание бюро горкома комсомола. Ясно, что приехали мы в весьма помятом виде. Я был одет весьма бедненько, пионерский галстук у меня был не покупной, а самодельный, не ярко-красного цвета, да к тому же от такой езды весьма помят.

Каждый вступающий рассматривался индивидуально, лично заходил в комнату, где заседало бюро. Зачитывались его краткие анкетные сведения, ему могли быть заданы любые вопросы по Уставу комсомола, по его личной общественной работе, вносилось предложение о приеме или об отказе в приеме, которое голосовалось тут же членами бюро, и вопрос считался рассмотренным.

Так вот, со мной при первом заходе получилась некоторая неувязка – вопрос по существу не ставился на голосование, а было принято решение рассмотреть его на следующем заседании. Что послужило причиной такого решения? Все вступающие в комсомол школьники были пионерами, соответственно, они должны были быть в пионерских галстуках. Мой самодельный, не яркого цвета, изрядно помятый галстук, как и вся моя одежда, явно не понравились членами бюро, о чем мне прямо и было сказано. Я ничего не сообразил на это ответить, и потому вопрос о моем приеме в комсомол был отложен. Обидно было за свою бедность, за свой

помятый вид. Но... мне и не отказали в приеме. Никто из старших в школе ничего не подсказал, дома подавно ничего не могли подсказать. Думаю, что родители просто и не знали, куда и зачем я еду. Время было такое, что дети до всего должны были доходить сами, никто мной по жизни по существу и не руководил. Так практически было и во всей моей последующей жизни. Я шел первым, всего достигал и всё постигал сам!

Надо отдать должное моим новым товарищам – Безуглову и Коваленко, которые опять-таки организовали такую же поездку на следующее заседание бюро горкома комсомола, вид свой я, насколько смог, поправил, галстук занял у кого-то из одноклассников, еще раз подготовился по Уставу и был принят в комсомол.

Чтобы получить комсомольский билет, надо было принести в горком две фотографии размером 3×4 см. За этим мне тоже пришлось не раз сходить в Анжерку пешком. К весне я комсомольский билет получил, встал на учет и начал платить по 2 копейки ежемесячных взносов.

Чем запомнились еще годы в 27-й школе? В то время в школах всей страны практиковалось раздельное обучение мальчиков и девочек. Я даже не могу вспомнить, где учились (в какой школе) в эти годы девочки, но 27-я школа была мужской. Ничего хорошего об этом эксперименте сказать не могу, думаю, что деление учеников по половому признаку ничего хорошего не принесло. Это была какая-то необдуманная дурь! К чему, зачем?

Семьи ведь в те годы, во всяком случае в Сибири, были, как правило, многодетными, и дома все дети жили вместе, к чему их надо было делить в школах, остается неясным, во всяком случае, для нас, учеников.

Времена в стране, а соответственно и порядки в школах, были жесткими: будет так, а не иначе... и баста. Дисциплина и порядок в стране даже и в послевоенные годы были строгими, и установки «сверху» не обсуждались.

Одним словом, в годы моей учебы в 27-й школе Анжеро-Судженска, а это были годы с 1947 по 1950, в классах были одни мальчишки, все были стрижены наголо, т.е. без каких-либо челок или иных причесок, в одежде приветствовались пиджачки в виде кителей.

Совместное пребывание большого числа мальчишек в одном помещении в течение нескольких часов приводило лишь к одному – большому количеству драк. Правда, драк типа «класс на класс» у нас не было, дежурные учителя этого не допускали, но драк внутри одного класса было достаточно много. Обычно эти драки были один на один. По мере взросления ребят драки становились все жестче, но дальше разбитых носов или небольших синяков дело обычно не шло. Но вот одну драку, имевшую принципиальное значение, участником которой был один из моих ближайших друзей – Коля, или, как его звали одноклассники, Колюха Феденев, а другим – Витька Михалкин, я запомнил надолго.

Витька Михалкин был довольно большой драчун, дрался часто и почти всегда выходил из драк победителем. Колюха Феденев, напротив, был не драчун. Драка состоялась где-то в начале 7-го класса. Не помню, из-за чего она началась, скорее всего, Михалкин как-то грубо обошелся с Колюхой, Колюха дал сдачи, и тогда оба ученика вышли к доске, где места было побольше, и начали драться довольно отчаянно и жестко. Колюха не давал спуска Михалкину, отвечал ударом на удар, держался на ногах и бил Михалкина достаточно крепко. Если

раньше в драках такого типа Михалкин, как правило, довольно быстро брал верх, т.е. выходил победителем, то в этот раз драка шла на равных. Колюха не сдавался. Я самым внимательным образом наблюдал за поединком и был горд, что мой друг не сдается. Такие драки обычно заканчивались со школьным звонком, извещающим о конце перемены.

Драка закончилась, явного победителя в ней не оказалось, и всем стало ясно, что и Михалкин теперь уже один не будет верховодить в классе, что Колюха может дать ему отпор. И я был горд и рад за друга.

Мой друг окреп физически за этот и последующие годы в связи с тем, что родители посылали его летом на работу в подсобное хозяйство шахты, расположенное в деревне Щербиновка, где Колюха зарабатывал на сено для коровы. Старше его в семье из детей никого не было, отец работал в шахте, и надо было отработать в подсобном хозяйстве, что называется, «за здорово живешь» определенное число дней, что-то около месяца, а после этого подсобное хозяйство выделяло таким работникам определенные площади, заросшие травой, где можно было заготовить сено для личной коровы.

Меня родители одного на такие работы не посылали, я был слабоват и не выдержал бы такой нагрузки, а Колюху посылали – некого было больше. Он рассказывал мне, как было тяжело на таких работах – летом обычно косили сено или закладывали корм в силосные ямы. Вот там Колюха закалился и окреп физически. И потому он если и не победил Витьку Михалкина явно, то уж во всяком случае ему не проиграл, не поддался.

Так закаляла нас сама жизнь!

Из драчливой темы в самый первый год моей учебы в неполной средней школе № 27 горький след в моей памяти оставила другая история.

Как был сформирован наш класс, я не помню, но в нем были не только ребята из 31-й школы, но и из других школ Судженки. Костяк класса составляли ученики из 31-й школы, мы держались довольно дружно и не были особыми драчунами. Но был у нас мальчик, татарин по национальности, которого класс избрал в качестве объекта постоянных насмешек и битья. Мальчик этот был спокойный, тихий, почему-то у него не было никого в друзьях. Сидел он за партой где-то в середине класса, и каждый, проходя около него, старался всякий раз его чем-нибудь обидеть или ударить. На переменах его часто били сумками по голове, он закрывал голову руками.

Печально сейчас вспоминать, но это был объект для постоянных насмешек, тумачов, побоев. Почему учителя, в том числе и классный руководитель, не замечали этого, не пресекали, не одергивали других учеников, для меня так и осталось загадкой.

Говоря короче, в 6-м классе в начале учебного года нам кто-то сообщил, что мальчик этот умер летом от менингита. Я не знаю причину заболевания, но почему-то подумал, а не умер ли он от постоянных наших побоев, в особенности по голове книжками и даже сумками с книгами. Я и до сих пор так думаю.

Учеба мне давалась достаточно легко, но сказывалась нехватка учебников. Всего комплекта учебников практически не было ни у кого, так что приходилось или меняться учебниками друг с другом на 2–3 дня, или просто брать на время у кого-то и, прочитав заданную главу или параграф,

возвращать учебник владельцу. Память не подводила, так что нередко приходилось довольствоваться прослушанным от учителя и приходиться с этим багажом на следующий урок.

Буквально через дорогу от школы был небольшой, но хорошо укомплектованный книжный магазин, и я стал туда заходить, а иногда что-то из книжек и покупать. Делал я это почти скрытно от родителей, на какие-то собиравшиеся у меня копейки. Но так постепенно у меня стала собираться небольшая собственная домашняя библиотека, главным образом из книг, рекомендуемых по школьной программе.

Забегая вперед, могу сказать, что позднее родители купили этажерку для книг, и к окончанию школы у меня была собрана практически полная библиотека изданий, входивших в школьную программу по литературе. После меня ею пользовались все трое младших – Федя, Тамара и Вера. Родители при переезде из Сибири на Урал забрали эти книги с собой, со временем число их стало уменьшаться, кое-какие экземпляры забрал и я. Они мне были дороги как память о школьных годах.

Главное же заключалось в том, что страсть к собиранию книг, бережное к ним отношение остались у меня на всю жизнь. Где бы я впоследствии ни жил, я собираю книги, хотя сегодня это не у всех встречается понимание.

Я старался привить это и своим детям, Ольге и Андрею. К сожалению, занимается этим лишь наша дочь. Я благодарен ей за это!

Могу привести такой красноречивый факт. Когда Оля, уже живя в Москве, выходила замуж, я в качестве свадебного подарка предложил ей сделать выбор: имевшийся у меня авто-

мобиль «Москвич» или полное собрание книг под названием «Всемирная литература» (Это было 200 томов хорошего издания, которые я собирал по подписке). И когда она сделала выбор в пользу «Всемирной литературы», я был просто рад за неё. Кстати, тут же замечу, что одна из ее дочерей, то есть моя внучка Катя, прочла в свое время все эти 200 томов! Знай наших!

Еще одно воспоминание, связанное с книгами. Когда мы учились в старших классах, то в дни рождения дарили друг другу книги. Теперь дарят мобильные телефоны, а мы дарили книги. И кто скажет, что мы дурней нынешней молодёжи? Времена меняются и не во всё в лучшую сторону.

Так тема книги в моей жизни увела меня далековато от хронологии повествования.

В период учебы в 27-й школе начало проявляться и еще одно мое увлечение – публичное чтение стихов, или декламирование. Иногда это называли и художественным чтением. На праздничных или юбилейных мероприятиях было принято устраивать выступления участников художественной самодеятельности: разыгрывали сценки из драматургических произведений, играли на гитаре, балалайке или баяне, бывали и выступления плясунов и так далее. В числе таких выступающих бывали и чтецы – декламаторы. Они читали выученные ими наизусть отрывки из отдельных, как правило, известных прозаических художественных произведений или стихотворения, а то и небольшие поэмы.

Началось это у меня в 6-м или 7-м классе, когда учительница литературы предложила прочитать по ролям басни Крылова: «Ворона и лисица», «Волк и ягненок». При этом можно было менять тембр голоса, добавлять некоторые дви-

жения, создавая образ, и тому подобное. Поскольку я был довольно успевающим и подвижным учеником, то и оказался втянутым в эти занятия. К тому же у меня был довольно звонкий голос, что тоже было немаловажно. Так состоялось несколько выступлений, а уже в 29-й школе я стал относиться к чтению стихов со сцены более серьёзно, бывал на выступлениях других чтецов в Доме культуры нашей шахты, когда представлялась возможность, внимательно слушал выступления чтецов по радио (телевизора тогда еще у нас и в округе не только не было, а мы просто об этом и не слышали). Вообще хотел бы заметить, что художественное чтение со сцены было достаточно распространенным явлением не только в годы моей школьной жизни, но и в более поздние годы, в студенческую пору. Думаю, что можно только пожалеть, что этот вид эстрадно-художественного искусства почти исчез из современной жизни. Пошли сплошные песни и кривляния артистов.

Позднее, уже в период учебы в 29-й школе, в 9-м или 10-м классе, в доме культуры при шахте 5/7 в качестве художественного руководителя появился профессиональный артист какого-то драматического театра. Я встретился с ним, и он согласился со мной позаниматься. Так я получил несколько уроков профессионального мастерства и более серьёзно стал относиться к работе над текстом стихов при подготовке к выступлениям в школе, а иногда и в доме культуры шахты. К моему сожалению, артист этот вскоре из нашего захолустья уехал, но кое-что я успел от него получить. Так, под его руководством я подготовил «Песню о Буревестнике» и «Песню о Соколе» М. Горького, с которыми выступал на концертах.

Пожалуй, главный совет моего учителя-артиста был ставить на сцену стул и класть на его спинку руки. Стало ясно,

куда девать руки во время выступления; со стула было легче их поднимать, если что-то я хотел показать жестом. Дело в том, что в те времена чтецы-декламаторы и певцы держались на сцене статично, стояли, что называется, почти вытянувшись в струнку. Это, конечно, снижало впечатление от выступления, но... таковы были правила, манера держаться на сцене.

Так что рекомендация моего учителя-артиста показалась мне весьма полезной и удачной. После этого, когда я выступал с чтением со сцены, я или сам выносил стул, или это делал для меня тот, кто вел концерт, ведущий, конферансье.

Выступать приходилось не так уж редко – на праздничные даты то в школе, то в Доме культуры шахты. Запомнились выступления по несколько раз в день на избирательных участках во время той или иной избирательной кампании. В те годы было принято устраивать выступления в день выборов. На избирательных участках вывешивался график выступлений тех или иных коллективов художественной самодеятельности, люди сидели и ждали этих выступлений, аплодировали после каждого номера самодеятельным артистам. Но если в школьные годы мы, «артисты», переезжали из одного избирательного участка в другой (а чаще всего это были школьные помещения) самостоятельно, то в студенческие годы в Томске нас уже, как правило, возили на транспорте, и выступлений в день было не одно и не два.

Уже в старших классах я довольно серьезно относился к своим выступлениям в концертах, а после репетиций с артистом стал считать, что читаю стихи и прозу на довольно приличном уровне. В голову приходили мысли, а не поступить ли мне после школы в какое-нибудь учебное заведение театраль-

ного профиля. В 10-м классе я даже приобрёл справочник для поступающих в вузы, изучил в нём перечень театральных учебных заведений и посылал в некоторые из них письма-запросы с просьбой сообщить мне условия и сроки поступления. Выглядело это довольно наивно – где Анжерка, а где Москва и другие крупные города с их театральными вузами? И хотя я получил ответы на некоторые письма, но реализм жизни взял верх, и я оставил эту затею. А может быть, и зря!

Не все ученики нашей школы поступали в аналогичной ситуации так, как я. И в качестве примера успешного использования (применения) своих способностей в театральном деле считаю возможным здесь, забегаая далеко вперёд, кратко рассказать историю другого выпускника нашей школы, младше меня на пару лет, из уже упоминавшейся мной семьи Голдаевых – Бориса Голдаева. В этой семье было семеро детей, старшим был мой одноклассник и друг Николай, а следующим был Борис. Так вот, Борис Голдаев, занимавшийся в школьной самодельности, во время службы в армии, в морфлоте на Дальнем Востоке, вначале стал артистом окружного армейского ансамбля песни и пляски, а затем поступил в Московское театральное училище; именно его выпуск по окончании стал основой труппы будущего театра на Таганке с их выпускной постановкой «Добрый человек из Сезуана». Второй спектакль по книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» в 1965 году буквально захватил всю Москву. Я в конце того года заканчивал аспирантуру на кафедре криминалистики МГУ. Диссертация уже была принята к защите, автореферат разослан, и у меня оказалось относительно свободное время.

Гуляя однажды с женой по центру Москвы, мы внимательно прочитали афишу Таганки о спектакле «10 дней, ко-

торые потрясли мир», и я с удивлением обнаружил в афише упоминавшуюся несколько раз фамилию – Б. Голдаев. Прокрутив в голове всю доходившую до меня информацию о Борисе, его службе на флоте и участии в армейском ансамбле, я тут же сказал Галине: «А не тот ли это Борька Голдаев, который жил в Анжерке и учился в нашей школе? Надо сходить в театр и разузнать».

Так я вскоре и сделал.

Пришел как-то в первой половине дня к служебному входу старого помещения театра на Таганке и спросил дежурного пожарника (другой охраны в театрах тогда не было), не из Сибири ли родом артист их театра Борис Голдаев и нет ли его сейчас в театре. Я знал, что часов с 10 утра в театрах проходят репетиции, а спектакли обычно вечером. Мне сказали, что Голдаев действительно родом из Сибири и что сейчас он на репетиции. Я согласился дождаться конца репетиции, а Борису попросил передать, что на служебном входе театра его дожидается сибиряк из Анжерки Николай Ведерников.

На мое удивление вскоре из «недр театра» вышел ко мне прямо со сцены в театральном костюме – в расстегнутой рубашке и с крестом на груди – Борис. Мы узнали друг друга, горячо обнялись, и он попросил меня дождаться конца репетиции. Пообедали в театральном ресторане на улице Горького, обменялись коротко информацией о судьбе и перипетиях жизни, и он пригласил нас с Галиной на ближайший спектакль, рассказав, как можно приобрести на него билеты.

Все бывавшие в те годы на спектаклях Таганки помнят, как непросто было «достать» туда билеты.

Снова после спектакля поехали в артистический ресторан на улице Горького, и в одном из помещений этого заведения

Борис познакомил нас с Владимиром Высоцким. Распространяться далее о наших отношениях с Борисом Голдаевым, о моём постепенном «узнавании», о знакомствах с другими артистами этого театра, о поездках с ними на «левые» концерты и выступления считаю здесь неуместным и потому прерываю эту тему.

Скажу лишь одно: пример артистического, а позднее и режиссерского (на телевидении) пути Бориса Голдаева лишний раз показывает, что талантливые люди могут «произрастать» в любой глуши и в захолустье России. Народ наш богат талантами, нужны лишь настойчивость и упорство в достижении цели.

Я от этой стези в свое время отказался, а Борис Голдаев пошел по этому пути до конца; не исключаю, что это имя мы еще услышим в какой-то другой области творческой жизни. Дай-то Бог ему сил и здоровья!

С 1-го по 7-й класс, т.е. в период неполной средней школы, все ученики (мальчики) должны были стричься «под ноль», т.е. наголо. От этого все были на одно лицо. Это как-то нас обижало и принижало, хотелось скорее выглядеть взрослыми, носить причёски и расчёски.

По окончании 7-го класса все, кто думал учиться дальше, чтобы получить полное среднее образование, начали отращивать волосы. С 8-го класса мальчикам разрешалось носить чёлку. Это уже было что-то, знак взросления и большей самостоятельности.

Я уже отмечал, что в те годы в нашем городе было всего три школы-десятилетки, причём в нашей части города, на Судженке, такая школа была всего одна, а две другие – 11-я и 32-я – были в другой части города, в Анжерке. Территори-

ально это довольно далеко, поэтому в силу необходимости в нашей 29-й школе, начиная с 8-го класса, мальчики и девочки учились вместе. На первой школьной линейке мы впервые увидели друг друга. Мальчишки были из 27-й школы, а девочки – из 28-й, находившейся на Новой колонии, были ещё и ученики из ближайшей к Судженке деревни Лебедянки. В начале года в школе было сформировано, как мне помнится, даже два восьмых класса.

Но, очевидно, «сверху» поступило указание сформировать всего один восьмой класс. С первых дней начались контрольные задания по различным предметам: диктанты по русскому языку и контрольные работы по математике. Не справившихся с заданиями попросту «отсеивали». В итоге в числе отсеянных оказались практически все ученики из сельской школы, а нас осталось немногим более 30 человек, и мы были объединены в один класс.

Полное среднее образование в те годы не было обязательным, и потому с учениками старших классов не церемонились. Никто и ничего нам не объяснял по этому поводу, но было жаль некоторых мальчишек из Лебедянки. Чувствовалось предвзятое к ним отношение. Это был один из примеров социальной несправедливости, разного отношения к одной группе еще малолетних граждан только из-за их происхождения и места жительства их родителей. Это осталось в моей памяти, и думаю, что подобного рода факты реальной жизни, как и моё собственное положение в чём-то неполноценного, ущемлённого и ограниченного члена общества и гражданина государства, и было тем основанием, которое привело меня к мысли попытаться разобраться в подобного рода вопросах, а в конечном счёте – к поступлению на юридический факуль-

тет Томского госуниверситета. До этого было еще далеко, но... всё-таки, всё-таки... Сама жизнь толкала меня в этом направлении.

Ни о каких драках между учениками ни в нашем классе, ни в других классах в 29-й школе не было и речи. Во-первых, повзрослели мы сами, появились другие интересы. И, во-вторых, безусловно, благоприятно на общую атмосферу в школе и в классе влияло присутствие девочек. Ну и дуростью было это раздельное обучение мальчиков и девочек! Замечу, кстати, забегая вперёд, что свою будущую жену Галину я встретил впервые именно в нашем восьмом классе 29-й школы г. Анжеро-Судженска и живу с ней уже более 60 лет, можно сказать, в счастливым браке!

Но... всё по порядку...

Уже в восьмом классе физруку школы, т.е. преподавателю по физкультуре, удалось привлечь значительную группу ребят из нашего класса к более серьезному занятию спортом – и спортивными играм в волейбол и баскетбол, к участию в соревнованиях по легкой атлетике, в особенности к бегу на разные дистанции, к прыжкам в длину и высоту. Занятия этими видами не требовали дополнительных спортивных снарядов и приспособлений, здесь почти всё зависело от твоих физических возможностей (постановка дыхания, тактика бега в зависимости от длины дистанции: короткие – на 100, 200 и 400 м; средние – 800, 1 500 и 3 000 м и длинные – 5 000 м и более).

Поскольку в Сибири по полгода и более длится зима, лежит снег, то и занятия по физкультуре в это время года зачастую сводились к катанию на лыжах и чему-то похожему на лыжные гонки. Здесь постановка дела во многом зависела от наличия лыж и лыжного инвентаря, а с этим в школе было не

густо, и поэтому уровень занятий по лыжам во многом носил любительский характер.

Главным результатом от увлечения спортом в эти годы у меня явилось то, что я стал делать ежедневную физзарядку или на улице во дворе дома, или прямо в доме, в той же комнате, где мы спали, – физзарядку ведь можно делать где угодно, почти в любых условиях. Главное, чтобы были желание её делать и проявляемая при этом настойчивость, «настырность». Так я и делал с тех пор зарядку каждое утро в любых условиях и обстоятельствах на протяжении учебы и в школе, и в университете, и в аспирантуре, да и после этого.

Положительным от увлеченности занятиями физкультурой в школе было то, что мы начали интересоваться вопросами методики тренировок, записями рассказов и биографиями видных спортсменов тех лет. Уже в восьмом классе сформировалась в нашем классе группа ребят, которые проявляли большую активность в этих вопросах, выступали (участвовали) на соревнованиях с командами других школ.

В числе активистов по занятиям спортом в нашем классе были три Кольки. Это наш бесспорный лидер в классе Николай Голдаев, Николай Феденев и я, Николай Ведерников.

Где-то в классе девятом мы за время летних каникул все трое разом вытянулись, подросли и во главе строя на занятиях по физкультуре так и стояли все три Кольки, в том порядке, как мной они и названы.

Ну, конечно же, наши занятия физкультурой, увлеченность спортом были не главным; главной была учёба. Ещё не ясно было, куда мы пойдём учиться дальше, после школы. Никто не ставил перед нами и задачу непременно продолжения учебы в институте. Это где-то предполагалось, но это

«где-то» было пока весьма и весьма далеко. В прояснении возможного нашего будущего большую роль сыграли вечера – встречи с выпускниками нашей школы, которые уже учились в вузах, в других городах. В большинстве случаев это были студенты различных вузов Томска. Томск был ближайшим к Анжеро-Судженску крупным городом, где были университет и несколько других вузов – политехнический институт, педагогический институт, институт инженеров железнодорожного транспорта, несколько позднее появился инженерно-строительный институт.

Все годы учебы в 29-й школе (8–10-й классы), были годами взросления, годами всё более и более осознанного отношения к жизни и учебе, годами становления нас личностями. Первые полгода в 8-м классе мы в основном познавали себя и друг друга. Тем более, что учились теперь вместе с девочками, хочешь-не хочешь, приходилось сдерживаться в поведении.

Но главную роль в нашем взрослении и становлении играли, конечно, наши учителя. Они были разными по полу и возрасту, по характерам и манере обращения с учениками, даже по знаниям преподаваемых ими предметов, но чувствовалось, что это были члены единого педагогического коллектива, преданные своей работе и стремящиеся передать нам всё самое лучшее из своей жизни и преподаваемых предметов. Как жаль, что многих из них я не могу здесь назвать поимённо, поскольку моя нынешняя память не сохранила их имена, но двух из них я всё же могу назвать: это наша классная руководительница все 3 года учёбы в 29-й школе, преподавательница русского языка и литературы, Заслуженная учительница РСФСР, незабвенная и обожаемая Галина Дмитриевна Клёпова и талантливый преподаватель математики

Владимир Николаевич Блинов. Следовало бы назвать ещё и оригинальную старушенцию, учительницу немецкого языка Эльзу Карловну с её любимым выражением, когда ты не знал, что ответить: «Я тебе сейчас кол нарисую!».

Я не помню, как Владимир Николаевич обращался к ученицам-девочкам, но к парням у него было одно обращение – «молодой человек». Если ты что-то решал у доски и ошибался, его обращение «молодой человек» звучало с разной интонацией и растянутостью произношения в зависимости от серьезности твоей ошибки. Математика давалась мне нелегко, и потому я нередко слышал несколько раздраженный и на повышенном тоне голос: «Мо-ло-дой че-ло-век!»

Галина Дмитриевна Клёпова заслуживает отдельного рассказа. Поистине это была классная руководительница! А как она вела уроки литературы! Всё продумывалось ею до мелочей. Раскрывались не только характерные черты образа того или иного литературного героя, но и сообщались неизвестные нам подробности из жизни отдельных авторов произведений. На время летних каникул давались списки произведений, которые следовало прочитать, и почти все их читали, брали книги в библиотеках и передавали друг другу.

После 8-го класса, летом, Галина Дмитриевна и учительница по химии устроили нашему классу поездку на 3 дня из Анжерки в Томск на поезде. Там впервые мы увидели трамвай. Жили в Томске в общежитии педучилища на улице Тарарской, все дни были заняты различными экскурсиями: в краеведческий музей, на карандашную фабрику, в этнографический музей Томского госуниверситета, пообедали в студенческой столовой университета. Всё было в новинку. Масса впечатлений и новых знаний.

В летнем театре горсада побывали на спектакле какого-то приезжего театра оперетты, послушали «Трембиту». Позднее многие из нас купили грампластинки с песнями и ариями из этой оперетты, кое-что из этого я помню и сейчас.

Галина Дмитриевна организовала издание рукописного журнала и предложила всем желающим описать какое-либо мероприятие из нашей поездки в Томск. Я помню, что описал нашу экскурсию на карандашную фабрику (как делаются карандаши). Было устроено обсуждение наших статей, и часть из них была опубликована в нашем рукописном школьном журнале. Времени на уроках для изучения всех тем учебников по литературе не хватало. И где-то в классе девятом или десятом Галина Дмитриевна раздала ряду учеников темы о творчестве отдельных русских художников и архитекторов, рекомендовала нам пойти в библиотеку города, изучить всё, что там найдём по этим вопросам, подготовить доклады и выступить с ними на классных часах как дополнительных уроках. Получились достаточно интересные выступления, расширяющие наш кругозор. Одновременно я приобрел навыки работы в библиотеке по поиску информации на заданную тему, что весьма пригодилось в моей студенческой и преподавательской жизни.

На один из классных часов Галина Дмитриевна вдруг принесла посуду, ложки и вилки и рассказала нам, как надо правильно сервировать стол, как сидеть за столом, держать правильно вилку и нож, в каком порядке и как съедается то или иное блюдо, приготовленное из мяса, рыбы или птицы.

Чтобы обратить наше внимание на то, насколько важен этикет поведения за столом, она рассказала случай из послевоенной жизни наших советских офицеров в Германии, когда американские офицеры отказались от приглашения прийти на

прием к нашим офицерам, мотивировав это тем, что наши офицеры, когда они пьют чай, то громко стучат о края стаканов чайными ложками, размешивая в них сахар. Помешивать в стакане следует тихо, не задевая стенок.

Это настолько поразило меня тогда, что я запомнил этот факт на всю жизнь, правда, подумав при этом, что как это можно было из-за такого, как мне казалось, пустяка отказаться от встречи.

По сути, не так уж и важно, был или не был такой случай в действительности. Важно другое – насколько значимы правила этикета в жизни; с того времени я стал при случае покупать соответствующие брошюры и почитать их.

Тогда же Галина Дмитриевна дала нам универсальный и весьма простой совет по этикету за столом: если ты не знаешь, как приступить к той или иной операции за столом, не спеши что-либо предпринимать, а присмотришься, как и что делают другие, и повтори их действия. Во всяком случае, при этом ты не попадешь в нелепое положение неумехи.

Не раз и не два я пользовался этим советом уже будучи в солидном возрасте, когда, став народным депутатом и членом Верховного Совета РСФСР, а затем и судьёй Конституционного суда России, бывал за рубежом и приглашался на соответствующие приемы или обеды. И всегда при этом с благодарностью вспоминал незабвенную Галину Дмитриевну. Как далеко она смотрела, обучая нас, послевоенную пацанву, правилам хорошего тона и этикету поведения за столом. Искренняя благодарность и низкий поклон ей за это!

И ещё за одно я не могу не быть признательным этой мудрой женщине. В 10-м классе всё острее и острее вставал перед всеми нами вопрос о выборе даже не столько будущей

профессии, сколько о том, куда же каждый из нас пойдет учиться дальше, в какой вуз и на какую специальность. Я уже отмечал, что ближним к Анжеро-Судженску крупным городом был Томск, где имелся ряд вузов, и большинство выпускников нашей школы традиционно дальше Томска не уезжали. Близость места будущей учёбы от родного дома была немаловажным фактором, в том числе и по экономическим соображениям. Шёл-то всего 1953 год.

Судя по успехам в школьных дисциплинах, у меня была ярко выраженная гуманитарная направленность. Идти учиться на филолога или историка мне не очень хотелось – в перспективе вполне реальным при этом было работать учителем в школе или что-то в этом роде. Хотелось бы чего-то более общественно значимого и важного, и к тому же я не оставлял мысли как-нибудь в будущем разобраться с вопросом нашего насильственного переселения с Урала в Сибирь и нашего спецпереселенческого положения, хотя к этому времени мы уже были сняты с учета как спецпереселенцы, о чём я еще расскажу особо.

Все годы своей сознательной жизни, вспоминая скупые и тоскливые разговоры мамы об их прежней жизни, случайные и короткие фразы отца, я, что называется, нутром чувал, что с ними, а заодно и с нами, их детьми, обошлись явно несправедливо. Хотелось дознаться до корней этой семейной трагедии и исправить ситуацию. Как, когда и каким образом, я тогда просто не задумывался, но хотелось узнать истину и по возможности сбросить этот гнет неполноценности, ущербности своего положения. Хотя, говоря честно, в обиходе, на бытовом уровне об этом нам особо никто и не напоминал. В то же время было ясно, что при определённых обстоятельствах в

той или иной серьезной ситуации об этом могут в любую минуту напомнить, упрекнуть, и тебе будет нечем крыть. Ты спасуешь, что называется, заткнешься, почувствуешь себя ущербным, второсортным, неполноценным. Этакое гаденькое чувство, которое подтачивает твой стержень.

Сказанное только что о некоем моём внутреннем состоянии никоим образом не связано с Галиной Дмитриевной и её советом относительно того, куда же мне пойти учиться после школы. В десятом классе, перед выпускными экзаменами, не могу вспомнить, при каких обстоятельствах, она вдруг сказала: «А что, Коля, не пойти ли тебе учиться на юридический факультет?». Такой факультет действительно за несколько лет до этого в Томском университете открылся.

Как я узнал позднее, юридический факультет в Томском университете был в исторической ретроспективе вторым по старшинству после медицинского и существовал до 1923 года, когда и был закрыт большевиками по той причине, что многие тогдашние профессора – юристы – в том или ином качестве входили в Омское колчаковское правительство. Вновь он был открыт в составе Томского университета в 1948 году после известного Постановления ЦК КПСС и Правительства СССР от 1946 года «О расширении юридического образования в СССР». В послевоенное время в стране остро ощущалась нехватка кадров юристов, тогда и были открыты юридические учебные заведения в ряде городов Советского Союза. Так что когда я поступил учиться в ТГУ в 1953 году, то оказался в шестом наборе студентов-юристов. В этот же год, до нашего поступления, весной, состоялся первый выпуск юристов Томского университета советской подготовки.

Добрые дружеские отношения с Галиной Дмитриевной сохранялись еще многие годы, и в один из своих приездов в Томск она была у нас в гостях. У нас с Галиной было уже двое детей, и мы советовались с Галиной Дмитриевной, как привить своим детям, Оле и Андрею, любовь к чтению книг. Думаю, что нам это удалось в полной мере.

Но... нарушая хронологию своего повествования, я, кажется, забежал излишне далеко. Вернёмся же в годы моей учебы в 29-й школе города Анжеро-Судженска.

К концу первого полугодия учебы в восьмом классе определился состав класса, постепенно складывался его костяк. Занятия спортом еще более сплачивали нас, участие в лыжных и других соревнованиях выявляли лидеров класса. Бесспорным лидером постепенно становился Коля Голдаев, крупного телосложения, физически хорошо развитый парень. К тому же и в учёбе он выглядел весьма прилично по всем предметам. Все невольно тянулись к нему.

Семья Голдаевых жила недалеко от школы, в ней было семеро детей, и мы нередко собирались в их квартире. Детям там предоставлялась полная самостоятельность, что тоже располагало к общению. Одним словом, шла обычная ребячья жизнь, но одновременно происходило и наше взросление.

В 10-м классе всех ребят, кому подошел возраст, вызывали в военкомат, где мы прошли медицинскую комиссию и были поставлены на воинский учет. Я к этому времени уже носил очки, так что медкомиссия признала меня по зрению не годным к воинской службе; мне был выдан «белый билет». Насколько я помню, никто из ребят нашего класса не служил в армии и не рвался поступать в военное училище. Детей военного времени не тянуло в армию.

В декабре 1952 года мне исполнилось 18 лет, а где-то в марте 1953 года состоялись выборы, кажется, в местные органы власти, и я как полноценный гражданин принял в них участие. Никакого впечатления на меня это не произвело. Так всё было организовано, что человеку оставалось лишь прийти на избирательный участок, получить бюллетень и опустить его в урну. Типичные советские выборы без выбора!

А вот ближе к весне 1953 года, когда уже не было трескучих сибирских морозов и снег начал активно подтаивать, в моей жизни случилось событие, которое определило всю мою последующую семейную жизнь.

Я влюбился, влюбился неожиданно, как-то одномоментно, разом, как от удара молнии. Так что и до сих пор не могу себе объяснить, как и почему это тогда произошло. До чего же удивительна и необъяснима природа этого чувства! То ничего не было, а то вдруг все вспыхивает, переворачивает, подчиняя весь строй твоей жизни этому чувству, и так держит тебя многие и многие годы, а в моем случае – фактически до конца жизни.

А что при этом разум человека? Он как-то руководит им, этим чувством, или разум при этом «отдыхает»? Просто регистрирует сей факт, переворачивает и перестраивает ход твоей жизни, подчиняет его твоей влюблённости, ведёт человека, его биологическую и нравственную природу к логической завершенности, к бракосочетанию с субъектом любви со всеми вытекающими из этого последствиями (появление детей, их жизнь, проблемы и взросление). Взрослея, дети уходят и отходят от тебя, обзаводятся своими семьями и детьми со всеми их проблемами и жизнью. Какой-то круговорот воды в природе!

Так вот, начало моей многолетней любви пришлось на весну 1953 года. Давненько же это было! Но было же, было, и Бог хранит нашу любовь уже почти 70 лет. Немало, немало, не правда ли, мой дорогой читатель?

...Это просто враки, будто с неба браки,
Из Анжерки самый прочный брак.

Так написали в своей песне, посвящённой серебряному юбилею нашей свадьбы, наши томские друзья Рита и Анатолий Грицановы, а когда я пишу эти строки, прошёл уже и бриллиантовый юбилей нашей совместной жизни.

Ну кто может сказать, что наша жизнь не удалась! Да, удалась, и слава Богу!

Но всё-таки, немного о начале этой любви. В десятом классе уже чувствовалось стремление парней и девушек к более близкому знакомству, неформальному общению, к флирту и ко всему тому, что способствует сближению. Предлогом к неформальному общению обычно выступал или какой-то праздник, или чей-то день рождения. Готовилась немудреная еда, спиртного было мизерное количество или вообще не было, но в обязательном порядке был или патефон, или радиола, приносились грампластинки с записями танцевальной музыки, и веселье было обеспечено. Не только девочки, но и многие парни нашего класса умели танцевать вальс, фокстрот, танго, краковяк или польку. Всё было целомудренно, никаких драк или публичного выяснения отношений.

Если был чей-то день рождения, то приносили самые немудреные подарки, нередко книги. Смех и шутки, легкие розыгрыши, мимолетные взгляды и улыбки, ничего более интимного почти не допускалось. Всё было впереди!

Очередная такая невинная вечеринка проходила в доме нашей одноклассницы Вали Морозовой. В какой-то момент я и Галя Танцерева оказались в небольшой отдельной комнате, сидели на кровати, о чём-то говорили и я, как-то даже неожиданно для себя, поцеловал её. Поцеловал робко, застенчиво, но поцеловал. Что тут началось! Безумный шквал взаимных поцелуев. Туман в голове и глазах. Прикосновение тел, блеск в глазах, беспорядочные поцелуи губ, глаз, щек. Прилив крови к лицу. Какое-то сумасшествие!

В этот вечер в танце карнавала,
Я руки твоей коснулся вдруг,
И нежданная искра пробежала
С пальцев наших встретившихся рук.
Где потом мы были, я не знаю,
Только губы помню в тишине...

До конца вечеринки я уже не отходил от Галины. С вечеринки мы шли по какой-то узкой тропинке. Впереди шла её подруга Лиза Фролова, а сзади мы, как приклеившиеся друг к другу через бесконечные поцелуи, бессвязные слова и объятия. До её дома было не так далеко, где мы и расстались.

Стало ясно, что жизнь моя с этой минуты резко изменилась. У меня появилась как бы другая жизнь, идущая параллельно с видимой, обычной жизнью. Мы оба ходили в школу, видели друг друга в классе, отвечали на уроках, что-то делали дома. Но одновременно постоянно и остро наблюдали друг за другом, отмечали все мелочи поведения, «болели» друг за друга.

Всё активнее таял снег на улице, весна, что называется, вступала в свои права, а с ней разгорались и наши чувства.

Назначались свидания, были какие-то совместные прогулки, при случае поцелуи. Я стал бывать в семье Галины, по-

знакомился с её старшим братом Александром, который уже работал в шахте, но был ещё не женат. Надвигались выпускные экзамены в школе, надо было к ним серьезно готовиться. Нередко мы готовились к урокам вместе.

Любовь вошла в мою и её жизнь, но это не отменяло наши основные обязанности и дела по школе и дому. Жизнь как бы вобрала в себя нашу любовь, а любовь стала её внутренней основой, но не изменила и не заменила саму жизнь.

Мы довольно успешно сдали экзамены в школе, получили свои аттестаты зрелости. Школьная пора жизни окончилась, впереди были вступительные экзамены в вузы. И как же здорово распорядилась с нами природа, что приурочила окончание школы к началу нашей любви!

Впереди была взрослая жизнь, и мы подготовились к ней в полной мере. А что, разве не так?!

Глава 3

О старших братьях и их влиянии на мою жизнь

Братьев, да и вообще детей старше меня, к моменту моего рождения в семье было двое: Дмитрий, 1922 года рождения, и Михаил, 1925 года рождения. Они были из Уральского периода жизни нашей семьи. Это их непосредственно «раскулачивали» и выселяли, выгнали из родительского дома в селе Соколки Белокатайского района Башкирии. Первое время они ютились по чужим домам, сперва у какой-то дальней бессемеинной родственницы, а потом во времянке, построенной ими где-то на дальнем поле их земельного надела, ожидая решения своей участи. Это их непосредственно после этого везли вместе с другими родственниками и людьми такой же судьбы в «телячьих» вагонах с Урала в Сибирь.

Как сообщает Михаил, «в нашей семье ехало 6 детей, бабушка, две женщины (мама и тётя Настя – жена дяди Ивана) и один мужчина – дядя Ваня». Кто были эти дети? Это были мои братья Дмитрий и Михаил, их родная сестрёнка Дуся, а также дети дяди Ивана – Тася, Нина и их совсем крошечный братик Коля. Далее Михаил рассказывает: «Дядя Ваня и моя мама по приезду в рабочий посёлок Анжеро-Судженск Западно-Сибирского края поздней осенью 1931 года пошли на работу. Дядя – в шахту, мама – на стройку, тётя Настя слегла в больницу и не встала, умерла вскорости. Умер и её месячный сыночек Коля. Младшая моя сестрёнка Дуся, грудной ре-

бёнок (около года), лишилась регулярного материнского молока, тоже заболела и умерла, а весной умерла и бабушка – на второй день Пасхи. Знакомые и соседи говорили, что так умирают святые».

И получается, что только одна семья в первый же год жизни в ссылке потеряла четверых: двоих взрослых и двоих детей. Так выглядела на практике пресловутая политика ликвидации кулачества как класса. Это была в прямом смысле слова физическая ликвидация этих людей. Нашей семье, можно считать, еще повезло – для промышленности требовался каменный уголь, и все мужчины из сосланных работали в шахте. Так как по природе своей они были работящими людьми, то и в шахтах работали весьма хорошо, и через некоторое время всех ссыльных в Анжерке переселили из землянок в одноэтажные деревянные бараки, о которых я еще напишу.

Только что названные мной дети были теми детьми из нашей семьи, которые знали, видели и общались с дедами и бабками, могли позднее что-то рассказать нам, детям из «сибирской» серии детей, какими они, эти наши дедушки и бабушки, были.

Мой брат Михаил оставил после себя несколько страниц воспоминаний, главным образом о своих детских годах и о том, как их выселяли и везли с Урала до Анжерки, как «устраивались» на новом месте и жили в первые годы, а также весьма скудную информацию о деде и бабушке по отцовской линии. Мои записи о начале их жизни в ссылке основаны на этих заметках Михаила. Иногда я буду их прямо цитировать.

Я же, как и другие младшие дети нашей семьи, никогда не видел и не знал никого из своих дедов и бабушек – деды и по

линии отца, и по линии матери были репрессированы и сгинули в неизвестности. Бабушка по маминой линии рано умерла, а бабушка по линии отца – «старая мама», Вера Михайловна Ведерникова, поехала вместе с остальными в ссылку в Сибирь и умерла в первый же год жизни на новом месте, в землянке, ничего не зная о судьбе своего мужа и не дождавшись возвращения из мест лишения свободы своего сына, моего отца.

Так и хочется в очередной раз с надрывом и болью громко крикнуть: «За что!?!». За то, что круглый год и всю жизнь работали как проклятые в своём хозяйстве и стремились жить как-то получше.

Но вернемся к моим старшим братьям, Дмитрию и Михаилу. Митя, как мы все и всю жизнь звали его, моего самого старшего брата, был первым ребенком у мамы, и из её рассказов я знаю, что Митя не ходил до 5 лет. У него было какое-то заболевание, но какое точно, мама не знала, вот просто не ходил – и всё тут. Позднее, ближе к призыву его на фронт, его несколько раз не брали, не проходил медкомиссию. Думаю, что этот факт задержки его с отправкой на фронт в начале войны мог явиться косвенной причиной того, что он вообще остался жив.

Общеизвестно, что многие мужчины 1922 года рождения будучи призванными в армию погибли в самом начале войны. Но это на уровне моей личной догадки, так как сам Митя воевал, сколько ему довелось повоевать, до тяжелого ранения ноги, весьма смело и, я бы даже сказал, бесшабашно. Человеком он был не очень разговорчивым, а о войне так и вообще в последующей жизни почти не говорил. Оно и было понятно. Все люди его круга воевали, и о чём тут можно было говорить.

Просто был на фронте, да и всё. О некоторых его действиях на фронте я ещё напишу, а здесь хочу сказать несколько слов о довоенных школьных делах и жизни моих старших братьев.

Митя пошел в школу в Анжерке в первый же год ссылки, то есть в 1931 году. Наша семья, как и все привезённые одним железнодорожным составом, жила первую зиму в землянке, а точнее – в той части земляного рва, которую они вырыли сами вдоль железнодорожной насыпи.

Стена к насыпи стала задней стеной землянки, к ней поставили столбы и соединили их жердями со столбами передней стенки. Сделали несколько дверей и небольшие окошечки. Слепили печурки. Соорудили подобие нар у глухой задней стены и проход у передней стенки вдоль всей землянки. Протянули полога, создав видимость комнат, заднюю стенку и потолок также обтянули пологами, чтобы не сыпалась подсыхающая земля. Через некоторое время, осмелев, по потолку этого жилища стали бегать мыши, иногда они падали на нары к людям.

Нары застелили привезенными с собой вещами, дети играли на них днём, здесь же лежали больные. Под нарами было сыро, холодно и темно. Самодельные печурки дымили, но кое-как грели. Топили в основном сырыми дровами, но поскольку Анжеро-Судженск – шахтерский город, то начали топить и каменным углем, которого приехавшие раньше не видели. Было странно наблюдать, как для лучшего сжигания угля его предварительно смачивали, поливали водой или посыпали снегом.

Первая зима в Сибири оказалась многоснежной, к тому же и буранной¹. Михаил сообщает: «Бураны были ужасные, ино-

---

¹ Буран – это когда зимой идет снег и одновременно дует сильный ветер, который несет снег, наматает его в большие кучи – сугробы.

гда не могли открыть входную дверь в землянку. Тогда юрко-го мальчишку через печную трубу поднимали (проталкивали) на крышу землянки, он отгребал одну дверь, через которую выходили взрослые и откапывали другие двери и окна и уходили на работу, а дети в школу».

Вот в эту зиму, в первую зиму ссылки, пошел в школу и мой самый старший брат Дмитрий. Михаил в своих записках по этому поводу отмечает: «Он уходил утром в буранную мглу, а я сидел на нарах и ждал его. Иногда мне казалось, что он заблудится, не найдет в буране нашу землянку, а я останусь без брата, как уже остался без сестры».

На следующий год пошла в школу наша двоюродная сестра, старшая дочь дяди Ивана – Тася.

Можно только догадываться, в какой бедности находились эти ребята, да и все окружающие дети ссыльных. Не было тетрадей, так Митя сшивал газеты по величине тетради и на них писал свои уроки, а ручку для письма он сделал таким образом: расклепал на обухе топора медную проволоку, обточил ее подпилком, вставил в самодельную ручку и так писал. Однако учился.

Вообще в нашей семье (и у родителей, в особенности у отца, и у детей) всегда было понимание того, что вырваться из сложившегося положения крайней бедности и абсолютной несправедливости можно только через учебу, знания и образованность.

Это было движущей мыслью и основанием с детских лет у каждого из нас. Потому четверо из шестерых детей в конечном итоге получили высшее образование, а я умудрился еще защитить и кандидатскую, и докторскую диссертации и стать профессором.

Я уже ранее отмечал, что сложилась такая ситуация, когда две семьи (наша и семья дяди Вани) вместе ехали в ссылку и вместе жили в землянке, как одна семья, тем более, что жена дяди Вани Настасья умерла в первую же зиму ссылки, а у мамы муж, то есть наш отец и родной брат дяди Вани, был в заключении. Многие посторонние просто считали нас одной семьей, пока не вернулся отец. Все дети были очень дружны между собой, а их после первого года ссылки осталось четверо: Митя, Тася, Миша, Нина. Они по возрасту были как бы двумя парами: Митя–Тася, Миша–Нина. И так они и в школу ходили один за другим.

Михаил сообщает, что он и Нина ещё до школы были обучены грамоте и счету. Учили их этому Митя и дядя Ваня, «...чтоб мы могли писать письма отцу в далекий Северный Край у северного моря; учили цифры, чтобы знать, какая очередь за хлебом, какая ближе, какая дальше; знать счёт денег: сколько сдадут, сколько доплатить, сколько останется на завтра». Так что еще до школы Миша и Нина умели читать, писать, считать, решать простые задачи, писать письма. Вернувшийся к этому времени отец даже ходил в школу и просил записать Мишу и Нину сразу во второй класс, но это не разрешили. И Мише, и Нине было скучно в первом классе. Учились они хорошо, в праздники на школьных утренниках получали премии. Ссылных было много, семьи у них были обычно многодетными, и потому школа работала в три смены. Миша отмечает: «Особенно тяжело было поздней осенью, рано темнело, грязь на дороге. Приходили домой из школы усталые, грязные и злые».

Все наши старшие дети окончили по 7 классов, а Митя успел окончить и восьмой класс. Надо заметить, что в те го-

ды учеба в старших классах (с 8-го по 10-й класс) была платной.

Отменили эту плату году в 1950; когда я пошел в 8-й класс, то за первое полугодие за меня было уплачено, а вот со второго полугодия эту плату отменили. Так что в том, что Митя оставил школу после 8-го класса, немалую роль могла сыграть и эта плата за учебу, но, возможно, и другие обстоятельства, в частности то, что семья продолжала влачить жалкое существование, всякая помощь ей в материальном смысле была не лишней.

Митя устроился на работу в подсобное хозяйство шахты 5/7 имени С.М. Кирова, которое располагалось в деревне Улановка, в 12 километрах от города. Это была обычная разнообразная сельхозработа: пасти скот, ухаживать за ним, возить для скота корм с полей и тому подобное.

У нас он появлялся крайне редко, и мама очень переживала, как он там один живёт. И вот однажды суровой зимней порой, уже в военное время, он неожиданно приехал к нам, в комнату на улицу Халтурина, дом 26. Приехал на лошади, запряженной в сани, которые были полны больших валунов соли, обычной пищевой соли, предназначенной для скота. Соль была укрыта пологом, и приехал он поздно вечером, затемно.

Надо сказать, что в первые годы войны пищевая соль в Анжерке была в страшном дефиците, ее попросту не было. Очевидно, ранее соль добывали в тех местах, которые были уже захвачены немцами. Я помню, что женщины из нашего барака, в том числе и наша мама, ходили в Анжерку к мясокомбинату и в отвалах собирали землю, в которой была растворена соль. Эту землю затем кипятили, отстаивали, и на

дно чугуна или кастрюли, в которых ее кипятили, выпадала соль. Ее собирали и этой соленой грязью и солили суп или другую еду. Так что приезд Мити с возом соли был чем-то сродни чуду. Ясно было, что если наши соседи по бараку и другие люди узнают об этом, то жди беды – соль попросту могли растащить. Было принято решение перенести всю соль в нашу комнату, посреди комнаты из неё получилась изрядная куча. Так она переночевала у нас, а рано утром Митя, мама и папа опять ее потихоньку перенесли в сани, накрыли пологом, и Митя поехал с ней в свою Улановку.

Конечно, был разговор старших, а не оставить ли нам кусок соли? Но никто не знал, насколько строго будут её принимать у Мити в Улановке, по весу или по числу кусков-валунов, и поэтому ограничились для себя тем, что смели с пола всю осыпавшуюся с валунов соль, оставить целый кусок не решились.

Митю призывали в армию для отправки на фронт из Улановки, райцентром для которой являлась железнодорожная станция Яя на Транссибирской магистрали. Призывали его несколько раз, и всякий раз не пропускали медики. Очевидно, в здоровье его был какой-то серьезный дефект, не зря же он начал ходить только в 5 лет.

Вызывали его в военкомат, потом он шел на медкомиссию, а затем призывная комиссия решала его судьбу. На это уходило 2–3 дня и никто не интересовался, где он будет ночевать, где и что он будет есть. Ночевал он обычно в холодном зальчике ожидания на станции Яя, а когда его отпускали, то шел пешком назад в свою Улановку. И так было то ли три, то ли пять раз!

Наконец, его всё-таки призвали и отправили в Новосибирск на сборный пункт, а после краткой подготовки – на фронт. Это было летом 1942 года!

По рассказам Мити, их часть где-то в излучине Дона попала в окружение и была рассеяна. Выходили из окружения кто как мог. Была знойная жара, пить было нечего и, как он говорил, его, сибиряка, поражали зрелые красные помидоры на деревенских огородах. Они заходили на огороды, рвали эти помидоры, высасывали из них жидкость, а остатки бросали.

После перехода какой-то речки их остановил заслон наших солдат во главе с офицером. Им приказали тут же концентрироваться. За день и ночь была собрана значительная группа, утром их построили, офицер обошел весь строй, спрашивая у каждого фамилию, из какой он части, сколько времени уже на фронте и какое у него образование. Рядом с офицером шел писарь, который всё это записывал.

Через некоторое время были зачитаны фамилии, и тем солдатам, которые были названы, было приказано выйти на 3 шага вперёд. Отобранные были построены в отдельную шеренгу, им было объявлено, что отныне они являются бойцами заградотряда.

Из этого можно сделать вывод, что описываемое событие в жизни моего брата Дмитрия имело место после 28 июля 1942 года, когда вышел (был подписан) знаменитый Сталинский приказ номер 227, называемый в Красной армии приказом «Ни шагу назад!»¹.

Всем бойцам названного заградотряда были выданы новенькие автоматы и обмундирование. Вскоре они заняли по-

---

¹ Полный текст названного Приказа Народного Комиссара обороны Союза ССР номер 227 от 28 июля 1942 года опубликован, в частности, в работе Е. Примакова «Россия. Надежды и тревоги» (М.: Центрполиграф, 2015. С. 203–209).

зиции в виде редкой цепочки в тылу одной из дивизий. Они имели приказ открывать огонь по своим, если те начнут отступать.

Из фронтовой жизни Дмитрия мне запомнился один рассказанный им эпизод.

Было какое-то затишье на фронте, фронт относительно стабилизировался, и немцы по ночам часто стреляли осветительными ракетами. Парашютики этих ракет были из шёлковой ткани и нередко использовались нашими бойцами в качестве носовых платков. Так вот, было ухарством ночью сползти на ничейную (нейтральную) полосу и отыскать такие парашютики. В очередную такую вылазку Дмитрий пополз вдвоём с напарником; увлекшись, они доползли до немецкой линии. В одном из окопов Дмитрий увидел у спящего немца винтовку с оптическим прицелом. Он решил ее забрать. Потянул сверху за ствол, но ремень винтовки был продет у немца между рук, и он проснулся: смотрит на Дмитрия снизу, а Дмитрий на него сверху.

«И что мне оставалось делать – рассказывал Дмитрий. Я бросил в окоп гранату и со всех ног бросился к своим окопам». Началась страшная беспорядочная стрельба. Дмитрий с напарником уходили к своим перебежками, поочередно отстреливаясь. В одной из перебежек около Дмитрия упала немецкая граната, отбросить ее он не успел. Она взорвалась, и Дмитрий получил ранение в ногу. Напарник вытащил его на себе, и Дмитрий был отправлен в медсанбат. Ранение оказалось тяжелым, несколько осколков гранаты попали в ногу, часть из них осталась в ноге и после операции в медсанбате. В госпитале он находился в городе Орске Чкаловской (ныне Оренбургской) области.

С Михаилом и его участием в Великой Отечественной войне обстояло всё несколько иначе. После окончания 7-го класса средней школы он поступил учиться в фельдшерско-акушерскую школу (медучилище) в городе Анжеро-Судженске. В то время в нашем городе было 2 средних специальных учебных заведения: горный техникум, который готовил кадры для работы в шахтах, и фельдшерско-акушерская школа, готовившая медицинских работников среднего звена, фельдшеров и акушеров. В годы войны все выпускники этой школы уходили на фронт, готовили их по ускоренной программе. Миша уходил на занятия, когда еще было темно, и приходил, когда уже было темно. Зимой в начале 1943 года он окончил фельдшерскую школу и, поскольку уже стоял на учете в военкомате, некоторое время ожидал призыва на фронт.

Как сейчас помню тот день, когда нам принесли повестку о призыве Михаила на фронт. Миша в это время катался на лыжах недалеко от дома. Горками для лыжников служили старые отвалы горной породы из шахт. Там мы, пацаны, обычно все и катались. И как только принесли нам повестку, я ее схватил и побежал к Мише, громко крича: «Миша, повестка!». Я не думал тогда, что для Миши это было не самым радостным известием. Но мне хотелось показать и сообщить всем лыжникам, что мой брат уходит на фронт. А катались там все мои сверстники, парни старше были на фронте или работали в шахте, и им было не до лыж.

Все лыжники собрались вокруг Миши, он снял лыжи и сказал, что уходит на фронт. Ребята угрюмо молчали – уже все знали, что уход на фронт – это возможность не вернуться, радоваться по этому поводу особенно нечего.

До отправки было еще несколько дней, у нас стали собираться по вечерам наши двоюродные сестры Тася и Нина, их подруги и просто малознакомые люди; все что-то делали: шили и вышивали носовые платки, вязали носки и варежки, что-то ещё штопали и шили, обсуждали новости с фронта. Собрался небольшой вещмешок. Всё делалось с особой любовью. Каково мне было через много лет узнать, что весь вещмешок с любовно сделанными вещами у Миши в поезде по дороге на фронт, украли. Вот сволочной народец! Миша сам об этом рассказал после возвращения с фронта.

Местом сбора был определен Новосибирск. Очевидно, там формировались все Сибирские команды призывников. Из Новосибирска ехали до Москвы воинским эшеленом из общих вагонов и далее тоже по железной дороге.

Особенно Мише запомнился последний перегон до фронта: их везли на открытой платформе под пронизывающим ветром, но воинского обмундирования ещё не выдали.

Мише было присвоено звание младшего лейтенанта, и он был назначен командиром взвода санитаров-носильщиков. Это те санитары, которые выносили раненых с поля боя, оказывали первую медицинскую помощь и доставляли тяжело-раненых до медсанбатов и санитарных поездов.

Миша любил рассказывать об одном случае, когда лично он вынес с передовой тяжело раненого командира части. Было это во время операции при взятии Кенигсберга (нынешнего Калининграда). Операция по окружению и взятию Кенигсберга была продолжительной, и бои шли весьма и весьма тяжёлые. На передовой был тяжело ранен командир части, полковник, и было много других раненных бойцов. Миша получил приказ: лично выдвинуться на передовую,

оказать возможную медпомощь командиру и вывезти его и других раненных с передовой. Это было днём, а вся местность до передовой активно простреливалась.

Миша взял с собой одного бойца – ординарца по фамилии Сказко. Это был солдат-украинец, небольшого роста, одет он был в ватник. Миша же был парнем достаточно высокого роста и одет был в свою офицерскую шинель. Взяв с собой необходимые медикаменты, они двинулись к передовой. Двигались перебежками, используя складки местности, и Миша вскоре заметил, что когда бежал солдат, то немцы не стреляли, а когда бежал он, то поднималась прицельная стрельба. И тогда он догадался, что его выдают рост и блестящие на солнце офицерские погоны.

Он поменялся одеждой с солдатом, одел на себя ватник, так они добрались до передовой. Миша оказал первую медицинскую помощь командиру, ночью его вывезли с передовой и отправили в госпиталь, Миша также организовал мобилизацию еще 52 раненных бойцов. За этот подвиг мой брат был награжден орденом Красной Звезды.

После ухода на фронт моих старших братьев в семье стало как-то сиротливо, грустно и беспокойно. Главным среди ежедневных забот и тягот стало ожидание писем с фронта. Приходили они не часто, но если вначале это были так называемые «солдатские треугольники», то позднее стали приходить конверты с разными рисунками и порой даже с короткими стишками под рисунками. Так, на одном конверте был нарисован солдат-связист с катушкой провода за спиной, а стишок гласил: «Связь – глаза и уши наши. Попрошу я как-нибудь, чтоб связист до сердца Маши мог бы провод протянуть!».

Пришло сообщение о тяжелом ранении Дмитрия. Мама, которая в последние годы нередко ездила по железной дороге и как-то освоилась в этих поездках, даже хотела поехать в далекий от нас город Орск на Южном Урале. Но как поедешь, если у тебя нет паспорта и тебя могут снять с поезда на любой станции. Надеялись, что Митя выживет, будет комиссован, то есть снят с воинского учёта, и выздоровев, приедет домой.

Митя выздоровел, но с военного учета его не сняли, домой не отпустили, а зачислили в так называемую трудармию, то есть определили ему род занятий и место работы. Как достаточно грамотного человека (8 классов средней школы) его направили на курсы бухгалтеров (сколько месяцев он там учился, не знаю), а затем – на одно из предприятий Орска работать в качестве бухгалтера. Сколько лет он там работал, не знаю, но помню, что домой, в Анжерку, он вернулся уже после окончания войны, в 1946 или 1947 году. Во всяком случае, домой он приехал позднее, нежели Михаил, который был демобилизован из действующей армии.

Война уже закончилась, а государство продолжало определять жизнь и свободу своих граждан, как подневольных крепостных. Процветал абсолютный тоталитаризм, никто не мог ничего сказать, полнейшее бесправие граждан. Узнаю тебя, Родина!

Старшие братья – Дмитрий и Михаил – сыграли значительную роль в моей жизни. Еще до войны, когда они были подростками и вместе со своими друзьями дружно по осени копали у нас картошку, а я приносил им воду для питья, я был рад и горд, что у меня есть старшие братья, что при случае я всегда в их лице буду иметь защиту и помощь.

Одно время в те годы они увлеклись разведением кроликов. Кролики ведь весьма плодовитые и быстрорастущие домашние животные. Соответственно, они прожорливые – им только дай траву, капустные листья и другой корм. Я с охотой ходил за кормом для кроликов и любил наблюдать, как они едят. Но кролики подвержены различным заболеваниям. Жаль было, когда они умирали. В особенности трудно было их сохранить зимой. Через год-полтора увлечение кроликами прошло, и в дальнейшем живности у нас долго не было – её негде было держать, все жили в одной комнате.

После ухода старших братьев на фронт на полатах, где мы спали с младшим братом Федором, остался больших размеров старый чемодан, полный учебников, других книг и тетрадей моих старших братьев. Горевшая посреди комнаты единственная электрическая лампочка, как правило, не отключалась и на ночь. Дождавшись, когда все уснут, я принимался разбирать книги и тетради. Тогда я впервые увидел в учебниках по истории жирно зачеркнутые портреты советских маршалов Тухачевского, Егорова, Блюхера, Уборевича. Рукой одного из братьев прямо на портретах было написано: «Враг народа!». Как же так? Это были выдающиеся люди, их портреты помещены в школьные учебники, и вдруг они оказались врагами народа! Спросить что-либо по этому поводу у кого-то из окружающих было просто невозможно. Никто ничего не знал, и вообще разговоров на политические темы никем не велось.

Так проснулся и сформировался у меня жгучий интерес к истории вообще и к истории нашей семьи в частности. И когда позднее, учась в университете, я узнал, что в научной библиотеке ТГУ есть изданные в свое время стенографиче-

ские отчеты по делам о тех или иных группах «врагов народа» и что эти книги можно прочитать, хотя они в то время находились в так называемом «спецхране», я при первой же возможности все их перечитал и пытался осмыслить. Все эти Троцкистско-Бухаринские, Зиновьевско-Каменевские и правые уклоны в партии и государстве, признательные показания самих обвиняемых, когда они признавались не только в том, что им предъявлялось, но и приводили сами новые «факты» и обстоятельства «злодеяний», пламенные речи гособвинителя Вышинского, чудовищные приговоры судов, расстрелы десятков лиц – это было что-то! Становилось ясно, что всякий отдельный человек – это всего лишь песчинка в жерновах государственной машины, винтик и шпунтик в ее безжалостном механизме.

В чемодане я нашел также Мишину тетрадь, что-то вроде дневника, в котором содержались выписки из прочитанных книг, записи о личной жизни, крылатые выражения и афоризмы. Запомнился такой пассаж: «Целовать курящую женщину – всё равно, что целовать табачную фабрику».

В нашей семье в те годы курил только отец. Впоследствии и он бросил курить, бросил резко, в один день. Я же никогда не курил вообще, как и мои старшие братья. В школьные годы я не помню, чтобы курил кто-то из парней нашего класса. В немалой мере этому способствовали занятия спортом – хотелось показать лучшие результаты, тут уж не до курева! О курении девушек в те годы у нас никто и нигде даже не упоминал. Впервые курящих девушек я увидел на юрфаке МГУ, когда учился в аспирантуре.

Прочитав всё, что лежало в чемодане, я, таким образом, получил некоторое представление о том, чем занимались, что

любили читать и что волновало моих старших братьев в юношеском возрасте. Хотелось поскорее вырасти и стать таким же. Почему-то была уверенность, что они вернутся с фронта живыми.

Михаил был демобилизован и вернулся домой году в 1946. Приехал вместе со своей женой Валентиной, которую нашёл где-то в армейских походах. Это была среднего роста весёлая, улыбчивая хохлушка (как она представилась) по фамилии Сютковская. Из родителей у неё была мать, которая проживала в городе Днепродзержинске. Как она попала в армейские круги и что она там делала, мне неизвестно, скорее всего, была на какой-то вспомогательный хозяйственной работе. Приехали они из Белоруссии, где в то время стояла их воинская часть.

Условия для проживания у нас были ужасные – вся семья в одной комнате. Свой дом к этому времени мы еще не купили. Понятно, что Миша и Валя хотели жить самостоятельно и поэтому вскоре уехали из Анжерки и не куда-нибудь, а на Кавказ, в Адыгею, в Армянский район. Как и почему именно туда, не знаю. Пожили они там года 2–3 и вернулись к нам в Анжерку.

За время их отсутствия приехал из своей трудармии Дмитрий. Помню момент встречи Мити и Миши. Это было в теплое время года. Митя увидел из окна нашей комнаты, что к бараку подходит Миша с чемоданом, а за ним идет Валя. В чем был, кажется, даже босиком, бросился Митя навстречу брату. Я смотрел из окна, как горячо и искренне они обнялись и замерли на месте. Не виделись же несколько лет, прошли фронт и остались живы! Тут будешь рад любой встрече, а то встреча в родном доме в родной семье. Разговоры, слёзы, объятия!

У Мити сразу сложились хорошие отношения с Валей. Митя вообще был человеком мягким и дружелюбным. Дружелюбным ко всем – к своим и чужим, к близким и соседям.

Жили всем кагалом в нашей комнате. Как и где помещались, сейчас не могу вспомнить. Помню, что Миша с Валей спали на полу посреди комнаты, стелили постель вечером, а утром убирали, чтобы можно было как-то пройти и другим.

Такие условия тяготили всех, и потому вскоре Миша с Валей, захватив с собой и Митю, уехали куда-то в северный Казахстан, кажется, в Семипалатинск.

Мы часто получали письма из Казахстана о том, как они – Митя, Миша и Валя – устроились, где и кем работают. Миша устроился фельдшером, заведовал здравпунктом при каком-то предприятии. Митю приняли на гормолзавод, и вскоре он стал начальником цеха, хотя специального образования у него не было. Учли, видимо, его общий жизненный опыт и работу в качестве бухгалтера в Орске. Вообще фронтовиков в те годы охотно брали на работу. Они отличались трудолюбием и дисциплинированностью, справедливым отношением к подчиненным, старательностью в работе. Как они устроились в жилищном отношении, я точно не знаю, но знаю, что к Мише и Вале приехала на жительство ее мать с Украины. Так что, надо полагать, и в бытовом отношении они были устроенны весьма сносно.

Однако и эта их попытка устроиться на долгую и спокойную жизнь в Казахстане продлилась не так долго и окончилась довольно неожиданно, недобрым образом.

Приехал к нам в Анжерку Митя и сообщил, что при проверке завода вскрылась недостача (или даже хищение) продукции, и его, как и других руководителей завода, уже допра-

шивали. Что именно вменяли в вину ему лично, не знаю, но грозились возбудить по заводу уголовные дела о хищении. Митя, испугавшись, не взяв документов, приехал с этой проблемой и тревогой к родителям. А как могли ему помочь наши родители – безграмотная мама и только недавно снятый со спецучета и работавший десятником вентиляции на шахте отец?

Посудили и решили, что возвращаться Дмитрию в Семипалатинск – это почти наверняка быть осужденным и получить срок. Человек он был там не местный, к тому же не казах – вот на него и могли все свалить.

Было решено, что надо устраиваться на работу в шахту. Отец при этом высказал и такое суждение: шахта как крупное и крепкое предприятие постоянно нуждается в работниках на основном производстве, под землей, может даже заступиться и поручиться за своего работника, не отдать его под уголовную ответственность. Подобные случаи на шахте бывали, и в данном случае этот момент может сработать. На том и порешили.

Отец, возможно, все же попросил за Митю, тем более сам он был по работе, как говорится, на хорошем счету, и Митю взяли на одну из основных шахтерских профессий – помощником клепильщика. Через какое-то время он стал клепильщиком, а позднее и забойщиком. Забойщики – основная профессиональная фигура на шахте, это те, кто непосредственно добывают, «рубят» уголь под землей.

Так Митя стал продолжателем династии шахтеров в нашей семье, продолжил дело отца. Хотя и случилось это вынужденно, под давлением обстоятельств, но по факту было именно так. Жизнь, как говорится, жестче. И проработал Митя на шахте всю последующую жизнь, естественно, и прожил он ее

всю в той же Анжерке, а вернее, в городе Анжеро-Судженске, в родном для меня городе. М-да!

Почему все же так непросто и нелегко решался вопрос о его работе в шахте? Да в первую очередь и главным образом потому, что работа шахтера под землей всегда была и остается работой весьма тяжелой, напряженной, изматывающей и опасной. Посудите сами. Надо же ежедневно, ритмично и без опозданий дойти (доехать) до шахты, переодеться там в грязную рабочую одежду, получить рабочий инструмент и осветительную лампу, спуститься на подъемнике в шахту, дойти (доехать) под землей до своего места работы (до выработки) и только после этого приступить непосредственно к работе, к добыче угля. Работа шахтера, в конечном итоге всегда оценивалась по количеству добытого угля. Но даже это еще не все.

Работа шахтеров под землей как была, так и остается по сей день опасной для жизни. Она в любой момент может эту жизнь попросту оборвать. Работа, что называется, с риском для жизни.

А если это шахта, загазованная метаном, который взрывоопасен? А шахта 5/7 имени С.М. Кирова в г. Анжеро-Судженске была загазованной, позднее она даже была отнесена к разряду сверхкатегорийных. И случаи взрывов газа и завалов людей в ней были не такой уж редкостью.

Один случай произошел в мои школьные годы, и я сам был в толпе тех, кто нес на кладбище гробы с телами шахтеров. Это не ликующая демонстрация, это крик и плач жен и близких погибших, это разрывающие грудь завывания труб и глухие удары барабана духового оркестра. Это нечто! Это боль и ужас большой массы людей. Вам такое случалось переживать? А мне да!

Задолго до этого, еще в военные годы, в страшную и опасную для жизни аварию попал мой отец. Его заклинило между стеной выработки и катившейся вагонеткой. По сути, его тело в районе груди оказалось своеобразным клином. Ему сломало несколько ребер, и он долго лежал в больнице, а потом ходил с перевязанной грудью.

Случай этот разбирался на комиссии по травматизму. Что особенно возмутило отца после этого разбирательства, это один из вопросов: «Не сделал ли он это умышленно, подставив свое тело под идущую вагонетку?» Поиски врагов и дезорганизаторов производства после известного «шахтинского дела» доходили до абсурда. Можно было подумать, что человек рисковал своей жизнью, чтобы навредить производству.

В Митином случае ничего подобного уже не было, но так вот, легко и просто могло засыпать человека и... ничего. Трудности профессии, случайный производственный травматизм.

Сам Митя через несколько лет работы в шахте лично мне рассказывал об аварии, в которую он попадал. Произошел очередной обвал породы, и его засыпало так плотно, что он не мог пошевелиться. Порода откуда-то сверху все сыпалась и сыпалась. Митя говорил мне: «Я мог пошевелить только левой рукой и ей отгребал породу от себя, чтобы не завалило совсем и не перекрыло воздух. Лежу, отгребаю рукой и думаю: Вот скоро меня засыплет совсем, и представил себе, как придете вы, мои братья, на мои похороны, как будет организована вся эта церемония».

Его спасли другие шахтеры, которые ниже того места, где он лежал, организовали так, что осыпавшаяся потоком порода грузилась в вагонетки и отвозилась куда-то в другое место.

С очередной порцией осыпавшейся породы он и вывалился в вагонетку, так и спасся.

Отец, конечно, знал обо всех опасностях работы в шахте, но другого варианта с трудоустройством Мити на тот момент просто не было. Митя проработал в шахте, считай, всю жизнь, во всяком случае, до пенсии. Жил позднее в своем доме, который мы коллективно в свое время построили для его семьи, недалеко от нашего отцовского дома в Судженке на «8-й горе», все в том же Анжеро-Судженске.

После того, как наши родители через много лет после описываемых событий переехали из Сибири на Урал, в те места, где проживали до выселения, Митин дом стал для меня единственным родным домом в Анжерке, сюда я изредка приезжаю и до сих пор.

Мои старшие братья, Дмитрий и Михаил, конечно же, сыграли огромную роль в моем становлении как человека и личности, хотя в профессиональном смысле наша жизнь протекала на разных орбитах, среди разного круга людей: Митя – рабочий, Миша – врач, а я юрист, но мы были детьми одних родителей, выросли в одной среде и умели слушать и слышать друг друга, руководствуясь в главном одним принципом – «прежде думай о Родине, а потом о себе».

Не сочтите, что это излишне пафосно. Главное в том, что они у меня были, мои старшие братья!

Глава 4

Студенческие годы (1953–1958)

Экзаменационная пора в школе прошла без особого напряжения. Учителя уже знали уровень возможностей каждого выпускника, и полученные оценки воспринимались как итоговые и закономерные. Основная масса одноклассников поступала в вузы соответственно своим пристрастиям и способностям. Ведущими вузами в Томске тогда, как и в настоящее время, были университет и политехнический институт. Вот в эти вузы наши одноклассники в основном и подали документы. Лена Сердюкова и Люба Корнейчук – на филологическое отделение, Коля Голдаев, Володя Каширов, Толя Мальцев, Клара Воронова – на недавно открывшийся в ТГУ радиофизический факультет, Боря Першин, Раиль Ишкильдин и кто-то еще – в политехнический институт на горномеханический факультет, моя Галина – на биолого-почвенный, а я, естественно, на юридический факультет университета.

Можно сказать, что приехали в Томск мы практически одной группой и довольно загодя до начала вступительных экзаменов: знали, что здесь будут читать обзорные лекции по отдельным предметам и проводить консультации. Хотелось почувствовать уровень требований, посмотреть и познакомиться с выпускниками школ из других городов, да и узнать получше город, в котором нам предстояло жить и учиться.

Все мы поселились в разные общежития, а вот Раиль Ишкильдин остановился в одном из частных домов на улице Татарской, где до этого снимал квартиру какой-то его родственник, обучавшийся на факультете повышения квалификации при политехническом институте. В этой квартире мы по вечерам и собирались, обменивались информацией. Это был наш своеобразный штаб.

Уже начинались годы довольно высоких конкурсов среди абитуриентов. По мере приближения к вступительным экзаменам напряжение нарастало, а затем начались первые неудачи и провалы. Так, Коля Голдаев, весь ушедший в это время почему-то в спортивные занятия, в особенности в игру в баскетбол, не прошел собеседование на радиофизический факультет, а моя Галина, ну прямо как снег на голову, получила «двойку» на первом же экзамене по немецкому языку. Это было для нас с ней ударом ниже пояса. Она так страшно плакала и убивалась под кустом черемухи в университетской роще, что унять ее просто не удавалось. Она не могла не поступить, рвалась же наша любовь, куда еще больше-то!

Вот тут мы все коллективно вечером в нашем «штабе» и начали соображать, искать выход. И ведь мы его нашли! Судьба нам улыбнулась. Ни о каком возврате домой в Анжерку речи даже не шло. Выход надо было найти здесь и сейчас...

Не знаю, откуда и каким образом, но нам стало известно, что в Томском медицинском институте открывается новый санитарно-гигиенический факультет и на него объявляется прием абитуриентов. Галина сдала туда документы, набрала 18 баллов из 20 возможных и была в итоге зачислена.

Забегая вперед, могу сказать, что ни на какой санитарно-гигиенической работе она ни дня в будущем не работала, всю

жизнь занималась терапией, то есть лечебной работой, и некая «закавыка» возникла лишь при защите ею кандидатской диссертации на кафедре госпитальной терапии, где она фактически проработала всю свою трудовую жизнь.

Так мы (я и она) преодолели первую в своей жизни неудачу и блестяще из нее вышли. Бывают же на свете чудеса! На кой черт был ей нужен этот биолого-почвенный факультет ТГУ, где выпускали каких-то ученых агрономов, когда она всю жизнь вместо этого проработала врачом-терапевтом, да еще и на соответствующей кафедре своего родного института, где и защитила в свое время кандидатскую диссертацию.

Нет, ничего не скажешь, с женой мне в жизни здорово повезло. Да и сама она у меня просто молодец! Вот, ударился в лирику...

Чтобы закончить рассказ, как же сложилась дальнейшая жизнь и судьба двух моих самых близких на тот период друзей – Коли Голдаева и Коли Феденева, сообщаю: Коля Феденев успешно поступил и окончил механико-математический факультет ТГУ, а Коля Голдаев спускался по лесенке вниз тех факультетов, где сдавались экзамены по аналогичным предметам, что и на радиофизический факультет; остановился он на геолого-разведочном. Очевидно, в вузах тех лет была такая возможность, что по результатам вступительных экзаменов документы могли передаваться на другие факультеты, где конкурс был ниже. Особых лавров на этом поприще он не снискал, его жизнь окончилась где-то в геологической партии в г. Новокузнецке.

А вот Коля Феденев, окончив мехмат, получил назначение на Чкаловский авиазавод в Новосибирске, со временем перешел на работу в Новосибирской институт инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТ) на кафедру общей мате-

матики, где успешно защитил кандидатскую диссертацию. Увы, он тоже закончил свой жизненный путь. И как же я был раздосадован тем, что меня не известили о его смерти, и тем, что его дочь решила кремировать его тело.

Не надо на Руси кремировать тела усопших, земли у нас много, хватит на всех, и живущих и умерших. Пусть лежат ее лучшие граждане в родной земле, хоть изредка напоминая нам об их прежнем существовании и укоряя нас за столь безалаберное к ним отношение после их смерти, что мы наблюдаем на большинстве погостов наших сел и деревень.

Так вернемся к такому важному периоду в хронике моей жизни, как студенческие годы.

Я набрал 23 балла из 25 возможных (в те годы при поступлении на юрфак сдавали экзамены по пяти предметам: русский язык и литература устно и письменно, история, география и иностранный язык), – и был зачислен в студенты юридического факультета ТГУ.

Что для меня было при этом достаточно неожиданным и весьма неприятным, так это то, что мне не предоставлялось общежитие. Я как-то этого не ожидал, но... Ожидал, не ожидал, никого это не интересовало. Создалась новая реальность, и надо было находить ее решение.

С предоставлением мест в общежитиях для проживания студентов в Томских вузах в те годы было действительно плохо. Моя жена Галина будучи студенткой Мединститута в течение всех шести лет учебы места в общежитии так ни разу и не получила.

Никого не интересовало, где, каким образом и за сколько ты найдешь для себя жилье. Места в общежитии для тебя нет. Хочешь учиться – ищи для себя жилье и устраивайся, как хочешь.

Трое парней, я, Левка Хромов и Валерий Стайн, оказавшись в одинаковом положении с жильем, объединились, нашли и сняли комнату в частном доме по улице Карташова, 20. Перенесли туда свои нехитрые пожитки и стали обустраиваться на жительство.

Решили, что жить будем коммуной: сбрасываться по какой-то сумме денег на питание, приобретать элементарные продукты и по очереди готовить сами еду.

Занятия в университете начинались в 8.30 утра. Это было для нас рановато. Надо же было встать, что-то перекусить и успеть в университет к 8.30. Будить нас было некому, вставали, как проснемся, поэтому нередко опаздывали на первую пару. У студентов, живущих в общежитии, таких проблем фактически не было.

Мужским студенческим общежитием в те годы были комнаты второго этажа БИНа (один из корпусов университета, что и сейчас находится рядом с Научной библиотекой ТГУ на проспекте Ленина, 34, где располагаются деканаты некоторых факультетов и учебные аудитории).

Вскоре меня избрали комсоргом нашей учебной группы, и Володя Гавриленко – студент 3-го курса и секретарь комсомольской организации юридического факультета – сумел убедить декана факультета А.И. Кима все же найти для меня место в общежитии, чтобы я как комсорг группы жил, что называется, не на стороне от студенческой массы, а в самой её гуще. Нашли мне место, втиснули еще одну кровать в комнату № 21 БИНа, и я стал жить в общежитии.

Но на втором курсе мне вновь не дали места в общежитии, и я перебивался весь учебный год на положении «зайца» на одной кровати с Васей Грязевым.

Это был замечательный человек, один из немногих студентов-фронтовиков тех лет на факультете; сотрудничал по общественной работе в стенгазете юридического факультета, а позднее и в многотиражке ТГУ. К тому же он писал стихи, которые изредка публиковались в названных газетах.

Он рассказывал, что повестку на фронт ему принесли и положили прямо на парту в школе. Родился и жил он в одном из районов Новосибирской области. После возвращения с фронта окончил школу рабочей молодежи, работая одновременно на заводе токарем, и лишь после этого поступил на юрфак ТГУ в один год со мной, то есть в 1953 году.

Как оказалось, жил он в студенческие годы на одну стипендию, мать его была учительницей младших классов в сельской школе.

В начале третьего курса, где-то в октябре–ноябре 1955 года, когда мы с Галиной решили пожениться, Вася выступил одним из активных организаторов нашей «комсомольской» свадьбы. Написал по этому поводу стихотворение, сам его прочитал на свадьбе и подарил нам.

Оно у нас сохранилось, и я с удовольствием привожу его как дань глубокой памяти незабвенного моего друга и прекрасного человека – Василия Михайловича Грязева.

*На память Ведерникову Николаю
в день его свадьбы*

Пожелания от друзей

Шагая через ряд преград,
Друзья! Нас третий год подряд
Одной мечтой объединило.
Студентов дружба нас сроднила.

И мы в среде своей находим
Любовь, сочувствие, подмогу,
Мы сообща себе возводим
Прекрасной юности дорогу.
И пусть по ней, невзгод не зная,
Пройдут Галина с Николаем.
Пусть счастье наших молодых,
Вовек не покидает их.
Пускай они, любя друг друга
Полюбят трудных буден дни,
Чтоб мелочью напрасною они
Семейного не наполняли круга.
И чтобы они, добиваясь цели,
В жизни много и славно трудились.
И любовь сохранить бы сумели,
И друг другом повсюду гордились.
Мой тост, друзья, за молодых.
Так выпьемте ж за счастье их!
И пусть их жизнь из года в год
Весне подобная цветет!

Не могу не продолжить рассказ о Васе Грязеве, поскольку, окончив юридический факультет ТГУ в 1958 году в возрасте, намного старшем нас, Вася был сразу же направлен на работу судьей в Заводский район города Кемерово. Там он женился на молодой девушке, работнице этого же суда, у них были дети.

Через несколько лет, очевидно, чувствуя, что ему осталось немного жить, он прилетал к нам в Томск. Так вот, рейс Кемерово–Томск посадили на аэродроме в Анжеро-Судженске по причине случившегося у Васи во время полета сердечного приступа. Его хотели снять с рейса, но он настоял на его про-

должении. Так Вася побывал у нас с Галиной в гостях. Он прямо нам сказал: «Я прилетел попроситься с вами!»

Действительно, вскоре его не стало. И все, что было связано с Васей Грязевым, осталось лишь в наших сердцах и памяти. Спи спокойно, Дорогой Друг! Ты сполна выполнил свой долг перед Родиной и нашей профессией!

Что называется, свадьба отгремела, начались тяжеловатые будни. После учебы и занятий общественной работой в комитете комсомола университета по организации художественной самодеятельности времени на устройство семейных дел просто не было.

Идиотизм положения заключался в том, что Галина жила со своей подружкой Марией на квартире в одном из домов на Татарской улице. Это было недалеко от мединститута и от университета, что вроде бы было неплохо. А тут на тебе, еще и я на своих законных основаниях как супруг Галины. Согласитесь, выглядело это явно несуразным.

Начали думать, как найти какое-то другое место для проживания. Нашли еще одну семейную студенческую пару и сняли вместе с ними полуподвальное жилое помещение на переулке Нагорном где-то в районе Обруба. Но жизнь двумя семейными парами в одной квартире явно не пошла. Раздражения и недомолвки нарастали. Надо было разъезжаться. Но куда? Дело было зимой.

И мы с Галиной напросились приютить нас хотя бы на время в только что полученную моим братом Михаилом и его женой Валею с их двумя детьми квартиру по улице Набережная реки Ушайки. Это была квартира, переделанная из какого-то служебного помещения, с печным отоплением и выходом в коридорчик, где располагались входные двери двух соседних квартир.

И вот в таких обстоятельствах Валя с Мишей приютили у себя еще и нас. Так мы прожили весь четвертый курс. Летом после окончания четвертого курса Галина, будучи беременной на большом сроке, прошла хирургическую практику, а 2 сентября 1956 года родила дочь Олю.

Вот она, ранняя женитьба и появление детей. Осенью 1956 года, перед началом пятого курса, перед нами вновь острейшим образом встал вопрос: а где мы будем жить в Томске теперь уже втроем?

После четвертого курса я должен был ехать на месяц в военные лагеря – это помимо занятий на военной кафедре, где мы изучали 122-миллиметровую гаубицу. Орудие это стояло прямо в одной из комнат военной кафедры, которая располагалась в корпусе по улице Никитина, 17.

Для закрепления теоретических знаний и в качестве подготовки к госэкзамену по военному делу следовало пройти месячные сборы в военном лагере в г. Юрге, где надлежало сдать экзамен и получить звание лейтенанта запаса.

Галина готовилась стать мамой, и ей не хотелось быть одной в это непростое время. Зная, что я могу быть освобожден от воинской обязанности по зрению (у меня еще со школы была близорукость), она уговорила меня пойти на медицинскую комиссию от военкомата. Комиссия освободила меня от воинской обязанности, я не поехал в военные лагеря и по окончании университета получил «белый билет», то есть стал невоеннообязанным.

Оля наша родилась в г. Анжеро-Судженске Кемеровской области, то есть в том месте, где начиналась наша переселенческая жизнь. Позднее, став взрослой, она нередко корила нас за место ее рождения. Она прожила в этом городе всего лишь первые 20 дней своей жизни, и мы увезли ее в Томск.

Как мы с ней садились в Анжерке на поезд, это надо было видеть. Поезд был проходящий, стоял в Анжерке несколько минут, народу в вагон лезло много. Не помню уже, кто из нас как-то пробился в тамбур вагона, и мы передали сверток с Олей над головами людей в вагон. Доехали до станции Тайга, там была пересадка на поезд до Томска. Поселились на ранее описанной квартире брата Михаила и его семьи. Таким образом, нас в этой квартире стало семеро. Как-то вроде бы все относительно устроилось.

Но через несколько месяцев Оля заболела коклюшем. Это такой надрывный кашель, приступообразный. Наиболее верный способ излечения от него – это смена места проживания ребенка. Было решено увезти Олю к родителям Галины в Анжерку. Занимали они тогда полдома на улице Красная, квартира была очень маленькая.

Когда через месяц Галина приехала навестить родителей и Олю, обнаружилось, что Оля сидела в ящике из-под почтовой посылки на печке, прямо над плитой, то есть все время находилась в тепле. При этом она еще была закутана в пуховую бабушкину шаль. От коклюша не осталось и следа. Было решено оставить ее еще на несколько месяцев в Анжерке у бабушки.

Так что раннее детство Оли прошло в Анжерке, а к весне, на время сессии ее снова привезли в Томск. Галина готовилась к очередным экзаменам со своей подружкой Марией Кичигиной, а Оля ходила между ними, играла в свои игрушки или спала в кровати.

Такая вот жизнь была у семейной студенческой пары.

На пятом курсе у меня было несколько больше свободного времени: то преддипломная практика, которую я проходил в

организационно-инструкторском отделе облисполкома, то выделялось время для написания самого дипломного сочинения и его защиты, а затем и для непосредственной подготовки к сдаче государственных выпускных экзаменов.

Прошло распределение на места будущей работы. Каждый выпускник заслушивался перед комиссией, состоявшей из представителей разных юридических ведомств: прокуратуры, МВД, судов, адвокатуры. В основном предлагались должности следователей.

Одним из главных критериев для меня было получить место, где предоставлялось какое-то жилье – через год оканчивала учебу в мединституте Галина, и у нас уже была дочь. Надо было думать об их устройстве.

Поскольку у меня были хорошие, почти отличные, показатели по результатам учебы, я шел на комиссию вторым, после Елеонского, получившего диплом с отличием. Мне предложили место старшего следователя в Управлении внутренних дел Красноярского края с предоставлением жилплощади. Я согласился, расписался в соответствующем журнале, и на этом процедура распределения была закончена.

Последним актом моей учебы в университете была сдача государственных экзаменов. Шел конец июня 1958 года. В июле мы должны были получить дипломы и разъехаться по местам распределения на работу. И вот где-то в это время я случайно встретился с А.И. Кимом, нашим деканом и моим научным руководителем дипломной работы. Неожиданно услышал от него: «Коля! А не хочешь ли ты пойти на работу секретарем Вокзального райисполкома города Томска?» От неожиданности я только сумел ему ответить: «Андрей Иванович! Вы же знаете мою проблему, мне нужно жилье!». На что

он мне резонно заявил: «Так райисполком и есть то место, где дают квартиры».

В то время, фактически уже закончив юридический факультет, я был так далек от реального решения элементарных житейских вопросов в жизни, что абсолютно не представлял себе механизма их решения. Семью завел, дочерью обзавелся, а где, каким образом и перед кем ставить эти задачи, мне и в голову не приходило. Представлялось, что эти вопросы будут решаться как бы автоматически, сами собой. Ближайшие дни, недели и месяцы меня быстро вернули к реалиям жизни, и с меня слетела всякая наивность. Хронология развития событий и их решений была примерно такой.

Я согласился с предложением А.И. Кима, и он направил меня к секретарю Томского облисполкома П.Е. Беленко. Поскольку преддипломную практику я проходил в организационно-инструкторском отделе Облисполкома, я знал расположение соответствующих кабинетов и вскоре был принят Беленко. Состоялся краткий разговор, мне был подготовлен соответствующий документ о направлении на работу в Вокзальный райисполком Томска, с которым я и явился туда.

В Вокзальном райисполкоме в это время решались непростые организационно-кадровые вопросы: приходил новый человек на должность председателя райисполкома – бывший директор шпалопропиточного завода Липницкий Моисей Семенович, увольнялась и уходила из райисполкома бывший секретарь райисполкома как не справившаяся со своими обязанностями. На место секретаря райисполкома возвращали проработавшего ранее много лет на этой должности некоего Румянцева Константина Константиновича. Именно он, человек, что называется, бывалый и мудрый по

жизни и вводил меня в курс дел на ближайшее время. Но это было несколько позднее.

А сейчас состоялась ознакомительная беседа с председателем райисполкома Липницким, и поскольку я в перспективе планировался на роль ответственного секретаря райисполкома, мне было предложено прийти еще на следующий день для личной ознакомительной беседы с первым секретарем Вокзального райкома партии, разумеется КПСС.

К этому времени я уже был кандидатом в члены КПСС. Независимо от моей партийной принадлежности должность ответственного секретаря райисполкома, как и любого другого работника райисполкома, была номенклатурой райкома партии, так что подобного рода беседа была в порядке вещей.

К сожалению, я не помню сейчас фамилию этого первого секретаря Вокзального райкома КПСС, но он произвел на меня вполне благоприятное впечатление. В беседе принимал участие и председатель райисполкома М.С. Липницкий.

В целом беседа была благожелательной. Секретаря райкома партии интересовало, чем я занимался на общественной работе во время учебы в университете и не работал ли я хотя бы на какой-то работе на производстве.

Как известно, я поступил в университет сразу по окончании средней школы, о чем и сказал во время беседы. Ту же и было видно, что это весьма и весьма огорчило секретаря райкома. Конечно, им бы хотелось иметь претендента с большим знанием жизни, но, увы и ах, весь опыт жизни мне предстояло начинать получать в будущем, в том числе и под руководством уже названных мной людей, но потом, а не сейчас.

Ни о зарплате, ни о жилье вопросы просто не поднимались. Для меня это было несколько странноватым, а для них,

очевидно, настолько мелким и не значимым, что и не стоило упоминания.

В итоге у меня сложилось впечатление, что если я и не приду на работу в райисполком, это будет не такой уж большой потерей для руководства.

И тогда я решил, что у меня есть целый месяц до официальной даты явки на будущее рабочее место, может, есть смысл съездить и посмотреть, а что же я могу получить, вернее, потерять, по месту, на которое я назначен комиссией по распределению молодых специалистов; распределен же я был на должность старшего следователя Управления внутренних дел закрытого города («почтового ящика») в Красноярском крае.

Здесь следует сказать еще об одном далеко не радостном обстоятельстве. Незадолго до окончания нами университета в каком-то очередном выступлении тогдашний руководитель партии и, соответственно, страны Н.С. Хрущев заявил, что в стране перепроизводство юристов. Вот так. Перепроизводство и баста! В качестве справки по этому вопросу могу напомнить, что юридический факультет в Томском университете был восстановлен в 1948 году, оканчивал я его в 1958 году. То есть ровно через десять лет после его восстановления в стране оказалось уже перепроизводство юристов. Никаких аргументов и цифр при этом Хрущев не приводил. Не царское это дело, кому-то что-то доказывать.

По приезду в Красноярск я явился в Управление внутренних дел края, был помещен в большущую комнату, что-то вроде спортзала, где мне отвели кровать как спальное место. И вот здесь мне бывалые мужики из разных мест и служб внутренних органов края первым делом и разъяснили, что

такое «перепроизводство юристов»: «Ну, сейчас у кадров будет проблема, куда тебя пристроить».

На следующий день я установил адрес нужного мне управления. Это оказалось управление колониями заключенных, то есть лиц, отбывающих наказание за совершенные преступления. Расследовать предстояло совершенные этими заключенными новые преступления.

Когда я зашел в комнату, где размещались следователи, то увидел там весьма солидных по возрасту и при довольно больших званиях крепких мужиков. Они с интересом рассматривали меня, задавали самые разные вопросы, а затем предложили зайти в кабинет начальника, где я опять представился, что-то говорил о себе, отвечал на вопросы. Сей начальник меня также спросил о следующем: «Скажите, а сколько лет учатся в университете, два или три года?» Этот вопрос окончательно добил меня, стало ясно, каков уровень образованности у моих будущих коллег. Никакого старшего следователя я здесь никогда не получу. И вообще меня здесь не ждали и не ждут!

На мой вопрос, на какую должность я могу рассчитывать, мне было сказано, что скоро приезжает выпускник среднего учебного заведения МВД, так он будет старшим опером, а я у него будет опером, место моей работы будет в колонии, там же будет жилье.

На мои слова, что через год окончит мединститут моя жена и ей тоже потребуется работа, начальник воскликнул: «Вот хорошо, мы получим еще одного специалиста. Найдем и для нее работу, там же, в колонии».

Колония заключенных располагалась на другом берегу Енисея. Кроме железнодорожного, другого моста через Ени-

сей тогда, как мне помнится, еще не было. На другой берег реки добирались на катерах. Так что жизнь предстояла мне и моей семье весьма устроенная и веселая. Я представил, как моя подрастающая дочка будет бегать по территории колонии, сам я буду вести оперативную работу с «зека». Буду я белой вороной со своим университетским значком, да еще и в прямом подчинении у какого-то мента-лейтенанта. И если поставят меня здесь на партийный учет, то с партбилетом меня отсюда не отпустят. И рвать отсюда надо когти поскорее!

Тем более, что я уже прошел все собеседования, и меня ждет работа в родном Томске. Нет пока ясности с жильем, но говорил же Андрей Иванович, что райисполком – это то место, где дают квартиры. Что-нибудь придумаем, посмотрим на месте, а пока надо поскорее рвать когти из этого Красноярска.

Бедность у меня была такая, что денег на обратную дорогу, даже на поезд, не хватало. Я нашел в Красноярске свою одноклассницу по студенчеству Тамару Жерносекову, занял у ее родителей денег на обратную дорогу и, не сказав никому ни слова, что было, конечно, с моей стороны не совсем прилично, выехал в Томск.

По приезду я вышел на работу в Вокзальный райисполком города Томска и 4 августа 1958 года был зачислен заведующим общим отделом райисполкома. Основным направлением моей работы был разбор и регистрация поступающей в райисполком почты, в том числе изучение жалоб и писем трудящихся и подготовка на них ответов.

Глава 5

На низовой советской работе

Моя работа в аппарате Вокзального райисполкома г. Томска началась 4 августа 1958 года. Сразу по возвращении из Красноярска я пришел в организационно-инструкторский отдел Томского облисполкома, где получил за подписью секретаря облисполкома бумагу, гласившую, что выпускник юридического факультета Томского университета направляется на работу в Вокзальный райисполком.

Поскольку все согласования были проведены заранее, меня тут же зачислили на должность заведующего общим отделом райисполкома с конкретным поручением заниматься разбором поступающей в райисполком почты. В основном это были жалобы граждан по различным вопросам, которые я прочитывал и расписывал руководителям соответствующих отделов, председателю райисполкома или его заместителю.

Вокзальный райисполком в то время возглавлял Моисей Семенович Липницкий – бывший директор шпалопропиточного завода, находившегося в этом же районе, а его заместителем была Зинаида Ивановна Колюшкина – бывший директор одной из средних школ района. Обязанности секретаря райисполкома исполнял Румянцев Константин Константинович. Он работал секретарем райисполкома ранее, но его решили заменить и избрали даму из учителей, которая не справилась с этой работой, как тогда говорили, «завалила» ее.

Вот на это место и планировалось в будущем поставить меня. А пока вновь вернули на эту должность К.К. Румянцева, поскольку впереди была такая достаточно непростая и ответственная работа, как подготовка и проведение выборов в местные Советы, в том числе и в наш районный Совет депутатов трудящихся, с последующим формированием всех ответствующих структур райисполкома.

Не справившаяся с работой секретарь райисполкома была уволена, на ее место возвратили бывшего в уже достаточно зрелом возрасте К.К. Румянцева, а меня зачислили заведующим общим отделом, чтобы я мог ознакомиться с работой райисполкома, что называется, изнутри, набраться необходимого опыта и знаний для будущей работы.

Не могу не признать, что все это было и продумано и логично! Так и надо бы работать с кадрами в настоящее время.

Так вот, в один из первых дней моей работы мы идем с К.К. Румянцевым в одну из ближайших столовых пообедать, и он мне говорит, что ему позвонили недавно из Управления внутренних дел области и спросили: «На каком основании Ведерников работает в Вокзальном райисполкоме, и почему это райисполком взял на работу выпускника юрфака университета, который по плану распределения выпускников должен работать следователем УВД в Красноярске?». Опытный Константин Константинович на это ответил: «Мы ничего не нарушали, Ведерников прибыл в Вокзальный райисполком по бумаге из облисполкома, на основании которой он и был зачислен в штат райисполкома». Управление внутренних дел само являлось одним из управлений облисполкома, так что поднимать из-за меня шум и демонстрировать принципиальность па уровне облисполкома УВД было, что называется, не

с руки. Так что вопрос этот не получил какого-либо продолжения, и для меня все осталось так, как и было уже решено.

Правда, через несколько дней я получил письмо от своих родителей из Анжерки, в котором они меня спрашивали: «Что ты такого натворил, к нам приходили из милиции и интересовались, где ты находишься и чем занимаешься?»

Родители ответили, что я живу и работаю в Томске и больше ничего не знают. Так вопрос был закрыт и с этой стороны.

Но вообще-то все это выглядело несколько комично. С одной стороны, на самом высоком уровне было заявлено, что юристов у нас в стране перепроизводство и, казалось бы, устраивайся на работу, кто куда может, а с другой – нет, брат, не кто куда хочет, а куда ты направлен по государственному плану распределения выпускников вузов. Я и приехал в Красноярск, где непосредственно в Управлении почтового ящика номер такой-то должен был работать, согласно распределению, старшим следователем, и где высокий начальник, очевидно, руководитель этого управления, спросил, «сколько же лет учатся в университете: два или три года? И это в 1958 году!

А другой начальник, поменьше рангом, мне объявил: «Вот к нам приезжает выпускник средней школы милиции, он будет назначен старшим оперработником в колонию, а ты пойдешь к нему рядовым опером». Нас вообще не готовили к работе операми в колониях, а тут я, выпускник университета, попал бы в прямое подчинение к выпускнику среднего учебного заведения системы МВД. Можно представить, какая «веселая» жизнь меня ожидала.

Надо было бы, конечно, по-хорошему, хотя бы сказать какому-то начальству в Красноярске, что меня не устраивают

данные мне предложения, и я возвращаюсь в Томск. Но встает большой вопрос: какой была бы реакция этих руководящих милицейских товарищей на такое заявление и доехал бы я после этого до своего Томска?

Случилось так, как случилось, и последующие мои шаги показали, что поступил я тогда правильно. Родной Томск, родной факультет стали колыбелью моей последующей жизни.

В должности заведующего общим отделом я проработал месяца полтора, в основном готовил ответы на жалобы граждан и вел контроль за прохождением жалоб у других работников исполкома.

Но вскоре меня уговорили возглавить жилищно-коммунальный отдел. Прежний заведующий этого отдела решил сменить место жительства, и ему было поставлено условие, чтобы он нашел себе замену. Не очень представляя весь объем работы на этом месте, я дал согласие и только позднее понял, на что я согласился. В состав райжилкомхоза входило пять домоуправлений, ими надо было руководить и контролировать их работу. Кроме этого, непосредственно в штате отдела было несколько техников по различным направлениям работы – строительству, благоустройству и т.д.

В отделе ЖКО была также бухгалтерия, где концентрировалась информация по уплате населением платежей за ЖКХ. Райжилкомхоз также вел работу по предоставлению жилплощади нуждающимся гражданам района.

Но свободного жилья практически в районе не было: сам райисполком ничего не строил, а из находившихся на территории района предприятий жилье строил фактически только завод «Томскабель». В связи же с началом зимнего периода прекращалось какое-либо передвижение граждан, и список

очередников на получение жилья «замирал». В этих условиях часы приема граждан, которые я обязан был осуществлять два раза в месяц, превращались для меня в сухую пытку и войну нервов. Вскоре я понял, что погрязну в этой мелочной, бессмысленной работе, пора как-то переходить на чисто юридическую работу по специальности.

К этому времени у меня сложились неплохие отношения с прокурором города (районных прокуроров в Томске в то время не было). Именно в прокуратуре города и лично у прокурора я получал санкции в виде соответствующих постановлений на выселение людей, самовольно занимавших освободившееся жилье. А такие случаи были не редки.

Поскольку я юрист и достаточно грамотно писал проекты постановлений о выселении самовольно вселившихся, он – прокурор – предложил мне перейти к ним на работу на должность помощника прокурора. Выселяли мы всегда на законных основаниях, и я даже не задумывался о возможных последствиях. Я просто рьяно исполнял закон, как и положено всякому юристу.

Председатель райисполкома М.С. Липницкий, когда я приходил к нему посоветоваться по поводу очередного предстоящего выселения, говорил мне: «Если не будем выселять самовольщиков, то скоро нас самих выселят из кабинетов!» Так-то оно так, но...

И вот, как говорится, в один прекрасный день сижу я в своем кабинетике заведующего жилищно-коммунальным отделом на первом этаже двухэтажного деревянного здания райисполкома на ул. Р. Люксембург, № 39, и вдруг вваливаются ко мне какие-то люди, в том числе большого роста упитанный полковник милиции. Заходит он смело, по-хозяйски и

спрашивает: «Ты Ведерников?» Отвечаю: «Да». И далее этот полковник заявляет: «Ты вот недавно выселил таких-то людей, а хоть посмотрел, откуда ты их выселил? Вообще-то на улице зима».

Почему-то у людей было такое представление, что зимой не могут выселять, хотя в законе никакой такой оговорки не было, я это знал, но люди почему-то в это верили. Вот и этот грозный полковник милиции, очевидно, окончивший когда-то в молодости какое-нибудь милицейское училище, тоже верил в то, что зимой выселять нельзя, и потому так грозно и наступал на меня.

Закон же однозначно предписывал, что граждане, самовольно занявшие государственную жилплощадь, должны освобождать ее по постановлению прокурора, исполнять которое и должна была эта самая милиция. Исходя из того, что и в этом случае я действовал строго по закону, никакого страха у меня не было.

Всем составом этой комиссии мы поехали, посмотрели, откуда выселили этих людей, нашли какой-то вариант с их дальнейшим проживанием. Но... Этот случай заставил меня глубоко задуматься: что есть закон и что есть реальная жизнь! И так ли уж верна фраза «Пусть рухнет мир, но торжествует юстиция!».

Может быть, этот и подобные ему иные конкретные жизненные ситуации и привели меня в дальнейшем к тому, что я избрал темой своих научных исследований проблему личности преступника, ее изучение и учет данных о личности при решении самых разнообразных жизненных ситуаций, в том числе и в случае совершения человеком преступления.

Но это было потом, позднее, годы спустя.

Сейчас же, после приезда ко мне комиссии и разрешения данной конкретной ситуации, я вспомнил такую дисциплину из нашего юридического образования, как «Прокурорский надзор», лекции по которой нам читал тогдашний прокурор Томской области Борис Лаврович Корсаков. Это был весьма образованный и опытный юрист. Направлен он был в Томск из Москвы, проработал положенный срок и вновь уехал в Москву. Насколько я помню, в дальнейшем он работал главным арбитром РСФСР – была такая государственная структура при исполнительных органах власти, пока уже в 90-е годы прошлого века эти функции не стали исполнять арбитражные суды.

Так вот, Б.Л. Корсаков на одной из своих лекций рассказал нам такой случай. Какой-то прокурор выселил однажды семью как самовольно вселившихся, а семья эта со всем своим скарбом приехала под окна обкома партии и разгрузилась там, устроив цыганский табор. В итоге разбирательств прокурор этот был снят с работы. И Борис Лаврович по этому поводу нам говорил: «Я лучше троих арестую, чем одного выселю». Вот это мне и пришло на память после поездки с комиссией по поводу выселения семьи, к которому я имел непосредственное отношение. Люди ведь, в принципе, не виноваты, что у них нет жилья.

Никаких отрицательных последствий для меня эта история не имела, но прыть свою по поводу выселений я поумерил, а случай этот и выводы из него остались в моей памяти и по сей день.

Мне стало также ясно, что райисполком – это такое низовое звено. Здесь масса работы, здесь с тебя всегда будут спрашивать, а возможности решать какие-либо проблемы

людей у тебя мизерные. Я это понял и стал искать возможности для перехода на чисто юридическую работу. Но я не мог уйти, например, на работу судьей, так как мне не исполнилось еще и 25 лет. Короче, я решил перейти на работу в прокуратуру города помощником прокурора.

Разбор персонального дела на бюро райкома КПСС

Поскольку я работал в аппарате органа власти, в райисполкоме, прокурор города обратился к первому секретарю горкома партии с просьбой, чтобы мне разрешили уволиться с этого места работы и перейти к нему помощником прокурора. Прокурору в этом было отказано, о чем он мне и сообщил.

Позднее, несколько лет спустя, когда я уже работал на юридическом факультете университета, прокурор этот рассказал мне дословно, как проходил его разговор с секретарем горкома партии обо мне. Секретарь горкома: «Что? Кем он работает? Завкоммунхоза? Там матерят, там плюют на него. Попал, пусть сидит!»

Но человек я упорный и решил предпринять следующий шаг. В это время уже всюю шла избирательная компания по выборам в местные Советы, меня уже выдвинули кандидатом в депутаты коллективы двух предприятий района – химико-фармацевтического завода и мебельной фабрики.

В каком-то частном разговоре в райисполкоме я сказал, что по закону о выборах требуется мое письменное согласие на выдвижение кандидатом в депутаты. Так вот, я не дам такого согласия, не буду избираться депутатом и, таким обра-

зом, освобожусь и уйду с этой работы. Это я тогда так наивно полагал. Я же все делаю по закону. Но... не по реальной жизни, как это оказалось в скором времени.

Это мое высказывание быстренько кем-то было доведено до сведения райкома партии, и вскоре мне передали, что я должен явиться в райком партии на заседание бюро. Я прихожу в райком, он был недалеко от райисполкома, на Белом озере. На заседании присутствовали три секретаря райкома, мой непосредственный начальник – председатель райисполкома как член бюро, еще несколько человек, в общем кворум был собран, так что были все основания, чтобы со мной разобратся как следует и в случае необходимости принять персональное организационно-кадровое решение.

Состоялось рассмотрение моего персонального дела. Мне было сказано, что я бегу от трудностей в работе, что я пришел работать в райисполком, чтобы получить квартиру (к тому времени я ее действительно получил), что не дорожу доверием трудовых коллективов тех предприятий, которые уже выдвинули меня кандидатом в депутаты районного Совета, и т.д. и т.п. Мой аргумент, что я хочу пойти на работу по специальности в прокуратуру, на них не произвел впечатления. Мне было заявлено, что работать надо там, где считает целесообразным партия (считай – райком партии), а не там, где мне больше нравится.

Не могу не признать, что разбирательство явилось для меня мощным воспитательным зарядом. В результате такой проработки я снял свое заявление о том, что не дам письменного согласия на выдвижение кандидатом в депутаты, и подтвердил, что остаюсь на работе в райисполкоме.

Так что в марте 1959 года я был избран депутатом Вокзального районного Совета депутатов трудящихся г. Томска, на первой же сессии Совета – членом исполкома и уже на заседании исполкома – секретарем исполкома.

История же получения мной квартиры, о чем мне не преминули напомнить на заседании бюро райкома партии, – первой в моей жизни квартиры, была таковой.

Примерно через месяц после начала работы в райисполкоме на одно из заседаний какой-то комиссии у председателя райисполкома, которые были у него не редкостью, пригласили меня. Мое рабочее место в то время было в приемной председателя, так что войдя в дверь кабинета, я и оказался на заседании. Тихо сажусь на стульчик у входа. Сидят за большим столом члены исполкома, еще какие-то солидные люди. Председатель райисполкома говорит: «К нам прибыл на работу молодой выпускник юридического факультета университета. У него разбег по должностям от секретаря райисполкома до Председателя Президиума Верховного Совета СССР». Все дружно рассмеялись, а он продолжает: «Человек он молодой, но уже есть семья, ребенок. Нуждается в жилплощади. Как, товарищи, поставим на очередь?» Все дружно закивали головами: «Конечно, поставим!».

Так был решен вопрос о постановке меня в очередь на получение жилья. Через несколько дней я получаю квиточек, где сообщается, что я поставлен в очередь на получение жилплощади и у меня очередь «22У».

В очередной раз идем с К.К. Румянцевым в ближайшую столовую обедать, и я его спрашиваю: «Вот мне дали такую бумажку, – показываю ему, – а что это означает?» Он отвеча-

ет: «Это означает, что как только первая квартира в районе освободится, та и твоя».

И фактически так это и было.

Во вновь отремонтированном трехэтажном деревянном доме, недалеко от райисполкома, за время ремонта дома освободилась одна небольшая однокомнатная квартира. На нее претендовали ближайшие соседи, и они ее уже заняли, но по иску райисполкома судом им было отказано в праве на эту квартиру.

Все это было задолго до моего появления в райисполкоме. Выжидали сроки вступления решения суда в законную силу, и когда они наступили, мне выписали ордер. Оставалось практически вселиться. Не без помощи милиции мне это удалось сделать. Так мы получили первую в нашей жизни квартиру и смогли забрать к себе нашу дочь, которая жила до этого у бабушки в другом городе.

Так вот, на описанном мной ранее заседании бюро райкома партии мне сказали: «Так ты что, пришел сюда квартиру получить? Квартиру получил, а работать кто должен за тебя?».

Мне тогда все вспомнили: и то, что я молодой член партии, что должен работать там, куда направляет партия, и т.д. и т.п.

Так что снял я свои возражения и дал согласие остаться на работе в райисполкоме.

Все правильно. Никакого протеста или чувства возмущения от результатов этого заседания у меня не было.

Почему-то студентов юридического факультета в те годы воспитывали так, что наиболее «правильной» работой по специальности считалась работа в органах прокуратуры и МВД на следственных должностях. В адвокатуру почти никого не распределяли – это была не государственная структу-

ра. Работа в нотариате была самой низкооплачиваемой и не престижной, в судьи попадали редкие единицы, так как подавляющему большинству выпускников к моменту окончания факультета не исполнялось 25 лет – минимально необходимый возраст для занятия должности судьи.

По существу же работа в должности ответственного секретаря райисполкома была самой что ни на есть юридической работой. Именно у секретаря райисполкома хранилась гербовая печать с наименованием исполкома, и лишь после визирования решения исполкома секретарем и проставления печати документ получал юридическую силу. Работа с депутатами и их комиссиями, контроль исполнения наказов избирателей, заверения печатью пособий матерям-одиночкам, подготовка и выдача документов об отводе земельных участков под индивидуальное жилищное строительство – все это чисто юридические правовые действия по организации жизни граждан и решению их насущных проблем.

Другое дело, что работа эта была какой-то колготной, сутливой, весьма разноплановой. Вечно не хватало времени на все, тянуло к более упорядоченной работе.

Я, кстати, на так называемой, низовой советской работе в то время был единственным в Томске из выпускников юрфака. Но зато позднее, годы спустя, когда в Томске вновь возродили районное деление, во многих райисполкомх секретарями исполкомов стали работать выпускники юридического факультета университета.

Осознание того, что специалисты права, выпускники юридических факультетов университетов могут обеспечить более высокий уровень работы, приходило постепенно и в другие сферы жизни, в том числе и в юридические, структуры.

Приведу такой пример. Я уже был преподавателем на юридическом факультете ТГУ, когда однажды появился у нас председатель Кемеровского областного суда, приехал к декану поговорить о том, чтобы выпускников нашего вуза направляли на работу в судебные органы. Так сказать, устанавливал контакты. И я присутствовал при этом разговоре. Что его привело, почему он приехал? А он рассказывает, что проанализировал работу судов нескольких областей и выяснил, что в Томском областном суде гораздо меньше отмен приговоров и решений, чем в Кемерово. И он спрашивает у председателя Томского областного суда о причинах такого положения и получает ответ: «У нас же работают выпускники юридического факультета ТГУ».

Так председатель Кемеровского облсуда понял, что надо брать на работу судьями хорошо подготовленных людей. И вот тогда меньше будет отмен решений и повысится качество работы судов. Короче, доходило до руководителей разного уровня, что соответствующие должности должны занимать юристы с нормальным образованием, и тогда работа будет лучше, и уровень законности – выше. Вот вам и перепроизводство юристов!

Короче говоря, я дал согласие, меня избрали депутатом районного Совета, а на первой же сессии – еще и членом исполкома. На первом заседании исполкома я был избран ответственным секретарем райисполкома и с марта 1959 года начал работать на той должности, на которую шел в райисполком. Меня просто не могли поставить на работу ответственным секретарем исполкома сразу, потому что я не был депутатом, да и руководство райисполкома хотело увидеть меня в деле, в работе с людьми.

Кадровый вопрос в советское время был одним из наиболее тщательно прорабатываемых. Прежде чем назначить человека на руководящую должность, к нему присматривались, проверяли на конкретных делах. Это были не случайные назначения.

Хотелось бы при этом отметить и еще один аспект кадрового вопроса. К сожалению, и в те времена, о которых я пишу, да и поныне, должности, где требуются юридические знания, занимают далеко не всегда люди с юридическим образованием.

Отсюда порой и промахи, и ошибки в работе.

Вспомните хотя бы знаменитое восклицание одного из бывших Председателей Государственной Думы: «Парламент – это вам не место для дискуссий!» И смех, и грех!

В 80-е годы прошлого столетия у нас неоднократно раздавались голоса (и даже содержались записи в тех или иных официальных документах) о необходимости разработки и утверждения перечня должностей, для занятия которых необходимо иметь юридическое образование. Но подобного рода предложения так и не осуществились, не реализовались. А здравый смысл в этом есть и смысл большой!

Глядишь, мы бы и продвинулись вперед в плане реализации одной из конституционных характеристик нашего государства как правового.

Это уже из области мечтаний и пожеланий автора как юриста и судьи Конституционного Суда России.

Глава 6

Снова в Томском университете.

Аспирантура в Москве

В июне–июле 1959 года Галина закончила мединститут. К этому времени уже было известно, что она начнет работать в небольшой больнице Вокзального района г. Томска, что располагалась тоже на улице Розы Люксембург, недалеко от здания райисполкома, в качестве дежурного врача.

Я отбыл в первый в своей жизни трудовой отпуск. Ездили мы с Галиной куда-то в район Сочи «дикарями», а по дороге на юг на несколько дней задержались в Москве. Не побывать в Москве в те годы считалось неприличным. Останавливались у родственников какой-то подружки Галины, спали на полу. Приходили на место ночлега, как говорится, «без ног», что-то ели и падали спать как убитые. Хотелось многое посмотреть в Москве, ну и что-то прикупить в качестве подарков.

В обратную дорогу с юга мы собирались ехать не через Москву, так что все покупки пришлось везти с собой на юг, а уже оттуда домой, в Томск. Ездили в те годы поездами, дорога занимала не одни сутки.

В Москве, как водилось в те годы, первым делом посетили Мавзолей Ленина. Не помню точно, было ли в нем еще тело Сталина, но ритуал прохода через мавзолей оставил сильное впечатление. После мавзолея, как был проложен маршрут, прошли мимо могил за мавзолеем, вдоль Кремлевской стены.

Посетили могилу поэта Сергея Есенина на Ваганьковском кладбище, в памяти осталась неухоженность могилы. На месте самоубийства Галины Бениславской, в ногах могилы Есенина, вообще торчал какой-то кусок металлического рельса.

Побывали на Ленинских горах (сейчас Воробьевы горы), около здания нового МГУ. Строили-то его в основном заключенные. Ходила легенда, что один из них с верхних этажей этого здания «спланировал» на куске фанеры за пределы охраны. Я и подумать тогда не мог, что через несколько лет буду жить в этой высотке.

Отметились на стадионе в Лужниках, и, как водится, постояли в очередях в ГУМе, ЦУМе и Детском мире, что-то купили, а больше для того, чтобы могли дома сказать, что мы в них были. Надо же было получить действительное представление обо всех этих местах. В противном случае наша провинциальная жизнь в Томске представлялась просто неполноценной.

Вернулись из отпуска. Галина стала работать дежурным врачом в своей больничке, а я продолжил работу в райисполкоме.

Вскоре в райисполком поступило Постановление Совета Министров РСФСР «Об укреплении материально-технической базы жилищно-коммунальных служб местных органов власти» (цитирую по памяти), которым предписывалось провести укрупнение домоуправлений с целью усиления их материально-технической базы. Предлагалось создавать при них различного рода мастерские и другие технические подразделения, чтобы проводить текущий ремонт жилого фонда на более высоком уровне.

Правильное и своевременное постановление. Жилой фонд, в особенности в деревянных домах, ветшал, полы, окна и

двери сгнивали, у слесарей не было инструмента для ремонта сантехники. Как бывший заведующий райжилкомхоза я принимал самое непосредственное участие в решении всех этих вопросов.

Но на этом перестроечные веяния в начале 60-х годов прошлого века, когда Н.С. Хрущев прибрал к рукам все высшие посты в СССР, не закончились. Не помню уже, каким нормативным актом, но вскоре нам, райисполкомовским работникам, было сообщено, что в областных и краевых центрах, в которых насчитывалось менее 500 тысяч жителей, ликвидируется районное деление. Говоря попросту, это означало, что во всех городах с населением меньше 500 тысяч человек, райкомы партии и райисполкомы как органы власти подлежали ликвидации.

Правда, последним пунктом этого постановления предусматривалось, что все высвобождающиеся при этом работники должны быть трудоустроены.

Не знаю, остался ли в живых еще кто-то, кроме меня, кого непосредственно это коснулось, кто был таким поворотом в своей судьбе расстроен, но меня лично это ничуть не расстроило, а скорее развеселило и обрадовало. То, что я не останусь без работы, я ничуть не сомневался, а если вспомнить, что всего за полтора года до этого я сам искал способы уйти из райисполкома на другую, чисто юридическую (как мне казалось) работу, то и совсем у меня не было причин расстраиваться. Я был молод, поднабрался кое-какого жизненного опыта, знал почти все городское начальство и к любому мог при случае запросто зайти и порешать те или иные вопросы. У нас была какая-никакая квартира, жена трудоустроена...

Я сидел у себя в кабинете секретаря райисполкома и, об­разно говоря, успевал только получать телефонные звонки с предложениями о работе.

В те годы почти напротив здания нашего райисполкома рас­полагался областной суд. Председатель этого суда Скрябин не­редко за­хаживал к нам в райисполком, и я его хорошо знал. Так вот он одним из первых предложил мне работу в Томском обл­суде. Но с сожалением пояснил, что не может меня сразу же взять на должность судьи, так как к этому времени мне еще не исполнилось 25 лет. Это был минимальный возраст для судьи и в те годы. Идти в облсуд на другую должность мне как-то не захотелось, и я ответил, что подумую.

В один из дней у меня состоялся телефонный разговор с Владимиром Петровичем Бурчаниновым, кандидатом юриди­ческих наук, в то время старшим преподавателем кафедры уголовного права, процесса и криминалистики родного мне юридического факультета Томского государственного универ­ситета. Он предложил мне пойти работать ассистентом на названную кафедру и преподавать студентам криминалистику.

Криминалистику изучали в то время на 4-м курсе дневного обучения, лекции по этому предмету нам читал кандидат юри­дических наук некто Кисенишский Марк Моисеевич. Он был из числа высланных (удаленных из столиц) евреев. Работал до это­го, скорее всего, адвокатом и ждал своего часа, чтобы поскорее уехать из Томска. Читал в пределах учебника, не стремясь заин­тересовать нас особо этой интереснейшей дисциплиной.

Владимир Петрович Бурчанинов приехал в Томск и стал работать на факультете, когда я уже «прошел» криминали­стику. Но вот теперь ему дали ставку ассистента, и он искал себе помощника. Тут я ему и подвернулся.

Я взял время подумать над этим предложением, но посоветоваться у меня практически было не с кем. И я стал рассуждать по этому вопросу сам с собой.

Криминалистика как наука была всегда интересным предметом для молодых и любознательных студентов-юристов. Тут у меня сомнений не было. Но вот сработаемся ли мы с Владимиром Петровичем... Даже мой маленький жизненный опыт говорил, что в этом вопросе может быть всякое. Далее рассуждал я так: ну, если не сработаемся, то я всегда могу уйти с факультета на практическую работу и на приличное место. Людей, поработавших «в науке», на преподавательской работе, как правило, всегда довольно охотно брали на практическую работу. Зато в любом случае надо мной не будет довлеть какое-то обязательство в виде распределения или еще что-то. Право выбора работы всегда будет за мной, а это было для меня уже немаловажным обстоятельством.

И дальше мыслил следующим образом. Не пойдет у меня преподавательская работа – всегда смогу уйти на практику. А если пойдет – «не боги горшки обжигают», то открывается перспектива заняться и научной работой, попробовать себя в науке, а если и дальше пойдет, – то двинуться по дороге к кандидатской научной степени.

Мне отчаянно хотелось с кем-то более опытным посоветоваться, а посоветоваться-то было не с кем.

Вот это мое крестьянско-пролетарское происхождение, да еще и весьма подмоченное высылкой в Сибирь. Вроде нас (нашу семью) и сняли с учета, но пятно-то осталось, его всегда можно было использовать против меня.

И я рискнул, дав Владимиру Петровичу Бурчанинову согласие прийти на работу ассистентом кафедры уголовного

права, процесса и криминалистики. Это было в ноябре 1959 года. Состоялась также моя встреча и с Александром Львовичем Ременсоном, который и возглавлял эту кафедру. Эта была уже встреча не студента с преподавателем, а человека, приходящего в коллектив кафедры, с ее руководителем. Я понимал, что буду младшим на кафедре. Но отношение ко мне было равным, товарищеским, и это воодушевляло.

С места в карьер начал вести практические занятия со студентами. Учебные группы на занятиях по криминалистике были в половинном составе студентов, то есть в группе было 12–13 человек, что давало возможность во время занятий подойти почти к каждому студенту и что-то подсказать или помочь при работе с фотоаппаратом или еще с каким-либо прибором.

В.П. Бурчанинов приехал к нам из Киева, где работал экспертом в лаборатории (позднее – НИИ) судебных экспертиз, был уже кандидатом юридических наук, много внимания и времени отдавал формированию (собираанию) вещественных доказательств с мест уже прошедших через суды уголовных дел, приобретению достаточного числа фотоаппаратов и отработке у студентов навыков фотографирования как неременного способа фиксации мест происшествия (преступления). Студентов это интересовало, и занятия проходили довольно продуктивно. Но и занятий было довольно много, так что свободного времени у меня было в обрез. Приходилось пополнять свои знания, что называется, на бегу.

Со временем встал вопрос о теме моей будущей научной работы как диссертационного исследования. Я мало что соображал пока по этому поводу и в основном полагался на мнение В.П. Бурчанинова. С его легкой руки было решено заняться мне изучением личности преступника в процессе расследования.

Прямых публикаций по этой теме в то время почти не было. Лишь в 1961 году появилась напечатанная в Госюриздате небольшая брошюра М.Г. Коршика и С.С. Степичева «Изучение личности обвиняемого». Я изучил ее досконально. Уже было отчего оттолкнуться, тем более, что В.П. Бурчанинов сказал мне, что он лично знает М.Г. Коршика и может меня с ним познакомить.

По вопросу о поступлении в аспирантуру было решено сориентироваться на кафедру криминалистики МГУ, для чего обратиться с ходатайством от имени ТГУ в Минвуз СССР для выделения места в целевую аспирантуру. Целевая аспирантура означала, что выделяется место для поступления вне конкурса, но претендент обязан вернуться после окончания аспирантуры в тот же вуз, из которого он поступает. Меня это вполне устраивало, и я стал усиленно готовиться к сдаче экзаменов.

Было и такое условие: в случае сдачи до поступления в аспирантуру кандидатских экзаменов по философии и иностранному языку претендент освобождается от сдачи вступительных экзаменов по истории КПСС и иностранному языку. Я успешно сдал эти экзамены в Томском университете и поехал в Москву в полной уверенности, что мне нужно будет сдавать лишь экзамен по специальности.

Каково же было мое удивление по приезду, когда мне сообщили, что от экзамена по истории КПСС я не буду освобожден, хотя кандидатский экзамен по философии мной был уже сдан. Это было требование для всех поступающих в аспирантуру МГУ в тот год. Приходилось лишь удивиться, но экзамен по истории КПСС мне пришлось все же сдать. Я сдал оба экзамена на «отлично» и был зачислен в аспирантуру кафедры криминалистики.

Но прежде чем перейти к описанию моего первого «поколения» Москвы, хотелось бы отдельно остановиться на одном инциденте, случившемся со мной в первый (доаспирантский) период моей работы на юридическом факультете ТГУ.

Инцидент на собрании юридического факультета с В.А. Елеонским

Планы приема студентов на юридический факультет Томского университета в первые десять лет после его восстановления в 1948 году были весьма скромными. На курсе было всего 50 человек, по две учебные группы.

Так вот, в параллельной группе нашего курса был студент Володя Елеонский. Учился он весьма успешно. Сессии сдавал обычно на одни «пятерки» и где-то на курсе третьем стал Ленинским стипендиатом, то есть стал получал Ленинскую стипендию, которая в денежном выражении где-то в четыре раза превышала обычную простую государственную стипендию¹. По комсомольской линии его избрали членом бюро факультетской комсомольской организации, кажется, он даже избирался секретарем комсомольской организации факультета.

Когда мы уже учились на 4-м или 5-м курсе среди студенчества университета, главным образом на естественных факультетах, произошли какие-то политические выступления,

---

¹ После распада СССР и образования новой России Ленинские стипендии были упразднены и в новой России специальным Указом Президента Б.Н. Ельцина были учреждены одна тысяча стипендий Президента Российской Федерации, примерно по одной стипендии на вуз. Президентские стипендии так же, как и Ленинские, были в 4–5 раз выше обычной стипендии студента.

ряд студентов были задержаны и позднее осуждены. Другие были исключены из комсомола и университета.

В срочном порядке был переизбран состав комитета комсомола университета, и тут вдруг достаточно неожиданно возшла звезда Володи Елеонского: он был избран секретарем комитета комсомола университета и проявил особое рвение в преследовании всех инакомыслящих.

Разного вида наказания, в том числе и исключение из комсомола, а как следствие – отчисление из вуза, посыпались как из рога изобилия. Искоренялась всякая крамола, железной рукой наводились дисциплина и порядок.

Тут мне приходит на память судьба историка Коли Черкасова. К этому времени он уже окончил университет и то ли поступал, то ли уже учился в аспирантуре. Никакой особой активности в рассматриваемых событиях он, насколько мне помнится, не принимал. Вся его активность уходила в занятия спортом. Но почему-то и он был исключен из комсомола и уволен из университета.

Несколько лет после этого он работал на Томском электромеханическом заводе, пока не пришла пора хрущевской оттепели. Его приняли на работу в Томский университет, где он успешно защитил диссертацию и работал много лет преподавателем.

Можно только предполагать, что под сурдинку расследуемого события были «подгробены» другие неблагонадежные или замеченные в неблагонадежности субъекты, их как следует приструнили. Другого объяснения политике чистки рядов в университете просто не вижу. Правда, никто из студентов юридического факультета под такую раздачу не попал. Вот на таком фоне росла и продвигалась вперед карьера

нашего Володи Елеонского. Через пару лет он станет первым секретарем Томского обкома комсомола.

Еще студентом В. Елеонский женился на студентке из нашей группы, которая была томичкой, и перешел жить к ее родителям. Но парень он был, как бы сказать покорректнее, с неустойчивой психикой, характер имел взрывной и был не сдержан в поступках.

Однажды в зимнее время он и его жена Зина возвращались из гостей, поссорились в трамвае. Володя сошел, и будучи в изрядном подпитии, идя по дороге, упал на улице и заснул. В спящем состоянии был обнаружен милицейским патрулем и доставлен в медвытрезвитель. Карьера крупного комсомольского деятеля закончилась – он был снят с работы и исключен из комсомола.

Через какое-то время Володя Елеонский оказался на нашем факультете в должности ассистента кафедры уголовного права и под руководством А.Л. Ременсона начал успешно работать над кандидатской диссертацией.

Я работал на факультете уже третий или четвертый год, изучал литературу по личности преступника, в том числе имевшуюся в Научной библиотеке ТГУ, включая научные труды Государственного института по изучению преступника и преступности. Это были четыре выпуска трудов этого института, а также работы других авторов конца 20-х – начала 30-х годов прошлого века по криминологии.

Это были исследования основоположников советской криминологии. Именно тогда я прочитал первые работы А.А. Герцензона, с которым позднее познакомился лично.

При названном выше Государственном институте, между прочим, существовала криминологическая клиника, где со-

держалось несколько десятков заключенных – своеобразный изучаемый контингент. Это показывает, насколько основательно стремились подойти к решению задачи выяснения причин и ликвидации преступности в первые же годы советской власти наши отечественные исследователи.

В трудах того периода достаточно часто употребляется такой термин, как «психоанализ». Этот термин, как и все учение о психоанализе, был предложен и широко использовался в трудах выдающегося австрийского психиатра Зигмунда Фрейда. Но и его учение о психоанализе, и его труды были отвергнуты позднее ортодоксами марксизма, и к тому времени, когда я только начинал свое исследование о личности преступника, даже термин «психоанализ» был под запретом. Его связывали в то время с теорией прирожденного преступника, что начисто отрицалось советским уголовным правом.

Так вот, в одной из своих публикаций начала 60-х годов прошлого века я употребил этот термин, просто назвав его в числе других методов, которые применяются при изучении личности преступника.

И вот на одном из собраний преподавательского коллектива нашего факультета, никаким образом не предупредив меня, что называется, без объявления войны, ни в какой связи с рассматриваемым на собрании вопросом Елеонский выступил с обвинительной речью, адресованной коллективу всего факультета, сделав это в предельно иезуитской манере. Не называя какой-либо конкретной фамилии, а в общей форме заявив, что в наше время на факультете пропагандируются лженаучные реакционные теории, такие как психоанализ, давно осужденные партией. При этом он не назвал моей фамилии, и получалось так, что подобного ро-

да теории проповедуются чуть ли не всем коллективом факультета.

Вначале я даже не сообразил, что речь идет обо мне, крутил головой и вглядывался: кого же он имеет в виду. И только через несколько его фраз я понял, что он имеет в виду меня.

Закончил он свое выступление так, что дал понять: в этом был виноват весь факультет, поскольку он не дает отпора так называемым буржуазным поползновениям в своем коллективе.

Типичное для подонков сталинских времен заявление, когда винят весь коллектив, объявляя о наличии в его рядах идеологического врага народа. Всякий коллектив в такой ситуации, стремясь снять с себя обвинения в недопустимой политической слепоте, обычно обрушивался в полной мере на конкретного виновника и, как правило, или изгонял его из своих рядов, или требовал покаяния, заверений исправить случившееся и не допускать подобного впредь.

Елеонский закончил свое выступление достаточно театрально: «Я сейчас иду читать лекцию студентам и не знаю, что им сказать по этому поводу». Как хотелось сказать ему, что если ты не знаешь, что сказать студентам, то и не ходи к ним.

Коллектив факультета не мог не отреагировать на подобного рода выступление. Партийное бюро факультета создало комиссию в составе трех преподавателей разных кафедр, которая пригласила меня, и началось разбирательство.

В составе комиссии был В.Д. Филимонов. Он ознакомился с моей публикацией и пояснил остальным, что термин этот употреблен в числе других методов, и автор статьи не пропагандирует его, а лишь называет, не уяснив всей глубины его реакционности. Мне было вынесено порицание.

Будь это в пресловутые 30-е годы, в отношении меня были бы приняты более жесткие меры, которые могли бы привести к каким угодно административным последствиям. Начавшаяся вскоре волна «оттепели» в политике постепенно приводила к изменению подходов к изучению проблемы причин преступности и личности преступника. Становилось уже неприличным в качестве причин преступности в СССР все валить на пережитки прошлого (имея в виду пережитки капитализма) и ничего не говорить о причинах преступности отечественного характера, экономического свойства или личностно-психологического свойства.

Проблема причин преступности в человеческом обществе, скорее всего, относится к категории одной из «вечных» проблем человечества и вряд ли имеет какую-то одну природу происхождения. Здесь сочетаются и «внешние», экономические, условия жизни людей, и «внутренние», социально-психологические, свойства личности каждого отдельного индивида.

Но это сейчас можно так более или менее смело рассуждать и советовать, но тогда на собрании повисла некая гнетущая тишина, и все расходились молча и с унылым видом. Я-то знал, что от такого, как Елеонский, можно ожидать всякую пакость.

Елеонский не задержался на факультете. Вскоре после защиты кандидатской диссертации уехал в какой-то вуз в Казахстан, а через некоторое время оказался в Рязанской высшей школе МВД СССР, где готовили работников для системы исправительно-трудовых учреждений и где начальником школы оказался наш выпускник и ученик профессора А.Л. Ременсона – профессор А.И. Зубков. Вот Саша Зубков и

пригрел в Рязани Елеонского, где он благополучно вскоре и закончил свой жизненный путь.

В середине 60-х годов прошлого столетия возродившаяся наука советская криминология реабилитировала и труды Фрейда, и его психоанализ и многое другое из разрабатываемых за рубежом криминологических теорий и новинок, за что ее отцы и мать–основатели И.Н. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, а также кто-то еще получили Государственную премию.

В аспирантуре юридического факультета МГУ

Отбившись с помощью настоящих коллег от нападков Елеонского и дождавшись от Минвуза ССР выделения места в целевую аспирантуру МГУ, я спустя некоторое время оказался в аспирантуре юридического факультета МГУ в Москве.

Моим научным руководителем стал заведующий кафедрой криминалистики юрфака профессор Александр Николаевич Васильев. Кафедра также согласилась и с предложенной мною темой диссертации – «Изучение личности преступника в процессе расследования». Благо у меня уже была написана первая глава диссертации по этой теме, а также были опубликованы две или три статьи.

Несколько слов о моем научном руководителе. А.Н. Васильев был в полной мере личностью исторического масштаба. Кое-что из своей жизни он рассказал мне со временем сам.

До перехода на научную и преподавательскую работу он окончил институт красной профессуры – была такая форма подготовки советских ученых где-то в начале 30-х годов прошлого столетия. После этого он работал в аппарате Президиума Вер-

ховного Совета СССР и в первые годы Великой Отечественной Войны развозил по фронтам государственные награды.

Позднее в течение 14 лет он был Прокурором Москвы. Это были тяжкие сталинские времена. Не хочется описывать здесь, в какой обстановке приходилось ему исполнять обязанности прокурора, но одну его фразу я все же здесь приведу. Он рассказывал: «Пригласят, вроде бы, только чтобы присутствовать на том или ином совещании. Но вдруг попадаешь в какие-то жернова, обвинения сыплются на тебя, и думаешь: Господи, как бы выйти живым из этого зала».

Александр Николаевич был также главным обвинителем от Советского Союза на процессе главных японских военных преступников. Процесс этот был длительный, он пробыл в Японии полтора года, хотя во многих источниках главным обвинителем от СССР на этом процессе указывается член-корреспондент Академии Наук СССР, профессор-юрист Голунский. Но Голунский пробыл в Японии месяц или полтора и был отозван, а А.Н. Васильев пробыл там до конца судебного разбирательства.

Авторитет его на факультете был непререкаемым, не говоря уже о кафедре. Когда я выходил на защиту диссертации, первым оппонентом был назначен профессор Сергей Сергеевич Остроумов, читавший курс судебной статистики. Ознакомившись с моей диссертацией, он пригласил меня на беседу. Я пришел. С.С. Остроумов принимал зачет у студентов. Я дождался окончания этой процедуры, и мы стали говорить о моей диссертации. Неожиданно Сергей Сергеевич спросил меня: «А какие такие положительные качества вы нашли у преступников?». Я несколько растерялся и стал отвечать: «Известный же факт, что многие заключенные добровольно

уходили на фронт во время войны и даже совершали подвиги. Так что у них была любовь к Родине. Многие из них сохраняли и проявляли любовь к матери, к семье». Остроумов остановил меня, сказав: «Ну, раз Александр Николаевич так считает, так и решим!»

Забегая вперед, хочу сообщить, что через ряд лет нам с Михаилом Константиновичем Свиридовым удалось уговорить Александра Николаевича приехать в Томск, в ТГУ, где он прочитал для наших студентов ряд лекций.

Так что с научным руководителем в МГУ мне явно повезло, и я поддерживал самые уважительные отношения с ним до конца его жизни. Неоднократно бывал у него в гостях в Москве, равно как и его принимал у себя дома во время его пребывания в Томске.

Не могу не сказать несколько слов еще об одном далеко не ординарном человеке на кафедре криминалистики МГУ в те годы. Я имею в виду одного из основателей советской криминалистики, человека с огромным экспертным опытом, интересной судьбой – профессора Бориса Ивановича Шевченко. Его научная работа «Научные основы трасологии» не потеряла своей актуальности и по сей день.

Борис Иванович имел привычку писать свои статьи и рецензировать чужие научные работы в помещении криминалистической лаборатории кафедры. Он сидел за столом, писал и правил тексты часами напролет. Уходил он обычно довольно поздно, пешком, и было весьма любопытно и поучительно пройтись с ним по центру Москвы.

Он работал в экспертных учреждениях НКВД с 20-х годов прошлого столетия, с момента их образования. Причем он не был членом КПСС.

И вот когда в конце 30-х годов XX века стали усиленно искать «врагов народа», то в отношении Бориса Ивановича всплыл факт пребывания за границей какой-то его родственницы. Это было достаточным основанием, чтобы он попал в очередной список врагов народа с известными последствиями для него. Он через знакомых девчат из аппарата одного из замов руководителя НКВД СССР решил попасть к нему на прием, чтобы дать какие-то пояснения по этому факту (он никогда этой родственницы не видал) и попытаться остаться на работе.

Когда он зашел в кабинет этого зама, хозяин кабинета обувал сапоги за своим письменным столом. Сапог явно не налезал на ногу, а хозяин кабинета усиленно тянул, чтобы все же его надеть. И вот в такой момент Борис Иванович доложил о своем прибытии и остановился посреди кабинета. Хозяин кабинета, не поднимая головы из-за стола и все еще пытаясь одеть этот чертов сапог, громко крикнул: «А, это тот, у которого родственники за границей!»

Борис Иванович далее мне сказал: «Я все понял, говорить о чем-либо было бесполезно. Я повернулся и вышел из кабинета».

Борис Иванович вышел из здания наркомата и больше в него не вернулся – он перешел на нелегальное положение. Скрывался ряд лет и уже после войны и всех этих громких процессов об очередных «врагах народа» сумел легализоваться и стал работать.

Идя как-то с ним в Москве по Петровке и переходя улицу, я сказал ему, что я в Москве гораздо увереннее, чем в Томске, перехожу улицы будучи уверенным в московских водителях, что они вовремя остановятся. На что он мне заметил: «Но помни, всегда найдется мудака!» и тут же рассказал о

конкретном случае из своей жизни, в котором водитель проезжавшей машины совершил ДТП в безобидной ситуации.

Вот таким был Борис Иванович Шевченко. Он мог устроить безобидный розыгрыш для другого, задать на полном серьезе какой-нибудь нелепый вопрос или скаламбурить безобидную шутку. С ним было одновременно и легко, и весело, но и нюх не следовало терять.

Кандидатский экзамен по криминалистике я сдавал всей кафедре прямо в конце ее очередного заседания в присутствии гостя кафедры, профессора-криминалиста из Чехословакии. Получил «пять». Так закончились для меня все в жизни учебные экзамены.

Диссертацию я представил к защите досрочно, в январе 1966 года. Нормально защитился и начинал привыкать к первому для себя научному титулу – кандидата юридических наук, в котором я был не прочь предстать поскорее перед своей кафедрой в Томском университете.

Дружба с Борисом Голдаевым. Знакомства с Владимиром Высоцким, Алексеем Аджубеем

Да, аспирантура в МГУ дала мне многое: знакомство с рядом выдающихся наших ученых-юристов, расширила круг моих друзей и добрых знакомых из среды криминалистов, я поучаствовал в учебном процессе кафедры криминалистики МГУ, разобрался в хитросплетениях отношений многих и многих людей из среды юристов, я просто повзрослел и поумнел как жизненно, так и профессионально. Все это здорово помогло мне в последующие годы.

Годы аспирантуры пришлись на время «хрущевской оттепели» и хрущевских шараханий во внутренней, да и во внеш-

ней политике. Чего только стоил один карибский кризис, в особенности, когда я услышал о нем на лекции Алексея Аджубея – зятя Н.С. Хрущева. О самом Аджубее в те годы ходила такая присказка: «Не имей 100 рублей и не имей 100 друзей, а женись, как Аджубей!»

Как я уже где-то упоминал, первый год очной аспирантуры я жил в главном корпусе МГУ на Ленинских горах в зоне «Б» на 17-м этаже. И жил я не среди аспирантов-юристов, а среди аспирантов-философов, так что был в курсе дел не только того, что обсуждалось на юрфаке и его кафедрах, но и что интересного происходило на ряде кафедр философского факультета. Так вот, на одной из кафедр родилась идея приглашать для выступлений перед студентами и аспирантами-философами наиболее ярких на тот момент политиков и ученых, чтобы на основе их выступлений затем подготовить учебник по научному коммунизму. Предмет такой в те годы ввели в учебные планы гуманитарных факультетов вузов, но вот что конкретно следовало преподавать, читать в лекциях и о чем вести речь на семинарах по этому предмету, было не очень ясно. Идея вроде была и неплохая: раз мы идем в перспективе к коммунизму, то надо же готовить и соответствующие кадры будущих ученых и преподавателей, да и просто как-то развиваться в этом направлении.

Мои друзья аспиранты-философы сообщали мне о выступлении таких приглашаемых, и я решил сходить на выступления некоторых из них.

И вот однажды они мне говорят, что вскоре состоится выступление Алексея Аджубея. Я твердо решил сходить и послушать этого неординарного человека. Он окончил в свое время факультет журналистики МГУ и начинал свою карьеру в газете

(то ли в «Спорте», то ли в «Комсомольской правде»). Вскоре он женился на дочери Хрущева Раде, и его карьера быстро пошла в гору. Кстати, супруга его, Рада, долгие годы работала заместителем главного редактора журнала «Наука и жизнь». Я люблю почитать этот журнал и в наше время. Советую и другим.

В те годы, о которых я сейчас пишу, Алексей Аджубей уже был членом Президиума Верховного Совета СССР и, кажется, советником по особым поручениям МИДа. Во всяком случае, он выполнял ряд ответственных поручений во время «карибского кризиса», о чем довольно подробно рассказал в этой лекции. Я запомнил такую его фразу: «Во время карибского кризиса я мотался между Кеннеди (Президент США) и Кастро» (лидер кубинской революции и глава Республики Куба). Во время первого посещения Президента США Джона Кеннеди он услышал от последнего такую фразу: «Господин Аджубей! Терпение американского народа лопнуло!», – это был намек на то, что мир на грани войны. Кастро же был против обратного вывоза советских ракет с Кубы, в то время как руководство нашей страны, не желая испытывать терпение американцев, решило все же эти наши ракеты с Кубы забрать назад, вывезти с острова. Вот эту ситуацию и имел в виду Аджубей, говоря, что он мотался в это время между Кеннеди и Кастро.

Так вот о той мелочной, казалось бы, детали, о которой рассказал Аджубей при очередной встрече с Кеннеди. Аджубей, заходя в кабинет Кеннеди, прежде всего сказал: «Извините господин Президент, я не зарегистрировался». Имелась в виду обязательная регистрация в США его, Аджубея, как представителя Коммунистической партии при въезде в США. Очевидно, в те годы такая регистрация была обязательной.

Кеннеди на это ответил: «Ну, ваша партия давно зарегистрировалась здесь» – и, подавая Аджубею заколку к галстuku, добавил: «Заколите этой заколкой свой галстук, и Вас никто не остановит в США!»

Это стиль американцев: на фоне самых серьезных вопросов подпустить этакий пустячок, за которым скрывается глубокий смысл.

Да, я не пожалел, что сходил и послушал лекцию Аджубея. И мог ли я в то время представить, что через двадцать с лишним лет кое-что из рассказанного Аджубеем опыта общения с американскими высшими чинами мне может пригодиться при посещении США и общения с судьями Верховного Суда этой страны, да и с другими лицами.

Всякие знания не бывают лишними.

И еще об одном эпизоде из времен моей аспирантуры в МГУ. Я уже где-то отмечал, что это были годы «хрущевской оттепели». Я давно уже прочитал ходившую из рук в руки в машинописном варианте повесть А.И. Солженицына «Раковый корпус». А тут подоспел и «Один день Ивана Денисовича» в «Роман-газете»¹. В те годы были и другие публикации о

---

¹ В советское время Роман-газета представляла собой смесь журнала, потому что выходила на регулярной основе несколько раз в год, и книги, потому что в одном издании выходил роман или повесть одного автора. Роман-газета с повестью А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» вышла в 1962 году. После снятия в 1964 году Н.С. Хрущева до начала горбачевской «перестройки» в 80-х годах XX века больше не издавалась. Более того, экземпляры этой повести в качестве запрещенной литературы изымались органами КГБ СССР из личных библиотек граждан до начала перестройки.

жутких сталинских репрессиях, например, «Барельеф на скале» Алдана Семенова в журнале «Знамя».

А тут вдруг появилась и получила хождение в некоторых кругах одна весьма небезобидная, но и талантливо написанная песенка. Дошла она и до нас, была тут же освоена и даже однажды публично спета.

Одним словом, мы, три аспиранта МГУ (я, Женя Мальцев из Перми – юрист и Саша Прохоров из Иваново – философ) были в гостях у одной нашей дежурной по этажу в ее семье, где-то в Кузьминках. Это было далековато от метро, и когда мы в изрядном подпитии возвращались домой в общежитие МГУ, сев в автобус на задний ряд, вдруг громко грянули эту песню о товарище Сталине как большом ученом.

Автобус затих, но москвичи – народ опытный, они явно подумали, что это спланированная провокация, и никто нам не мешал петь. Поступок на грани хулиганского, а в те времена, пожалуй, экстремистского. Но... нам сошло с рук. Прочтите и вы и оцените этот текст.

Товарищ Сталин, Вы большой ученый,
В языкознанье даже корифей.
А я – простой советский заключенный,
Не коммунист и даже не еврей,
За что сажу, по совести, не знаю,
Но прокуроры видимо правы.
И вот сажу я в Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке Вы.
То дождь, то снег, то мошकारа над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Где вы из Искры разжигали пламя,
Спасибо Вам, я греюсь у костра!

Вчера мы хоронили двух марксистов,
По-братски не укрыли кумачом
Один из них был левым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем.
И перед тем, как навсегда проститься,
Он прошептал заветные слова:
«Прошу в моем я деле разобраться»
И тихо крикнул: «Сталину ура!»
Живите тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придется сгинуть мне
Пусть будет больше чугуна и стали
На душу населения в стране.

Наутро стало не по себе. Ведь взрослые же люди, и у Жени Мальцева, и у меня были дети. Вот что делают водка и потеря чувства ответственности. Надеялись, нас никто не знает и не узнает. Одним словом – пронесло!

Когда я начал учиться в аспирантуре, моя Галина упорно приезжала в Москву и занималась поиском работы для себя, да еще и с жильем. На Ленгорах ей категорически не разрешали бывать даже временно.

Её поиски увенчались успехом. Она нашла место врача-терапевта в санатории для коммунистов – старых большевиков, который располагался в поселке Кратово (недалеко от знаменитой на всю страну Малаховки¹) по Казанской желез-

---

¹ В 70-е годы двадцатого века режиссер Леонид Гайдай снял очень популярную в Союзе комедию «Джентльмены удачи». Сюжет этой картины развивался вокруг погони за преступниками, которые украли ценный древний шлем и спрятали его под лед в реке возле деревни Малаховка под Москвой, которая является соседней с Кратово.

нодорожной ветке. Это было тогда минут 45–50 на электричке от Казанского вокзала. Ей дали комнату в трехкомнатной квартире одного из двух домов на территории этого санатория. Место работы рядом, но... у нее же не было с собой никаких вещей, кроме того, что она привезла с собой в чемодане, да и денег, как говорится, в обрез.

Я решил, что все, что можно увезти из своей комнаты на Ленгорах, увезу в Кратово. Так я увез матрас и подушку, настольную лампу, прикроватный коврик, что-то из посуды... Дежурная по этажу, все та же милейшая Мария Васильевна, по дороге от которой мы спели в автобусе песенку про Сталина, все это знала и, как могла, мне помогала и прикрывала. В один из вечеров мои друзья-аспиранты, решили ее разыграть, и когда она пришла в комнату моего соседа по блоку (блок состоял из общей прихожей, с одной стороны которой располагался туалет, а с другой – душ, и двух жилых комнат – по комнате на аспиранта; условия по тем временам были шикарные), кто-то вдруг сказал: «Мария Васильевна, а ведь Ведерников увез и унитаз из блока!» И милейшая Мария Васильевна бросилась в туалет проверять эту информацию. Раздался хохот! Розыгрыш удался.

Кое-как мы собрали что-то из мебели, из посуды и стали жить с Галиной в Кратово. Интересно отметить, что при этом санатории было подсобное хозяйство, в том числе дойные коровы, и для обслуживающего персонала продавалась качественная и свежая молочная продукция.

Летом мой отец привез к нам наших детей, Олю и Андрея! Осенью Оля пошла в первый класс Кратовской сельской школы, а Андрей ходил в тамошний же детский сад.

Я успешно завершал диссертацию, она получила положительный отзыв кафедры и рекомендацию к защите. У меня появилось свободное время. Знакомились с Галиной с Москвой, посетили некоторые спектакли в театрах.

В это время стала греметь слава Театра на Таганке. Но попасть туда для нас казалось невозможным. Однажды мы остановились перед афишей спектакля этого театра по повести Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Я эту книгу уже прочитал. Она была вновь издана в период оттепели. Читая внимательно афишу, я обратил внимание на упоминающуюся в ней несколько раз фамилию Б. Голдаев.

Как я уже описывал в главе про школьные годы, Борис Голдаев был младшим братом моего школьного и студенческого друга Николая Голдаева. Борис был младше Николая на два года; когда мы учились в 10-м классе, Борис учился в 8-м, и я его прекрасно знал.

Я знал также, что он служил в морфлоте на Дальнем Востоке и уже там выступал в армейском ансамбле песни и пляски. Доходили до меня слухи и о том, что он поступил в какое-то театральное училище. Но то, что он здесь, в Москве, да еще и в труппе гремевшего на всю Москву театра, я и представить не мог. Я сказал стоявшей рядом Галине: «А не тот ли это Борька Голдаев, который учился в нашей школе в Анжерке? Надо бы разузнать».

Кое-какая смелость в московской жизни у меня уже появилась, и в один из ближайших дней я заявился с утра со служебного входа в Театр на Таганке. Охрану театров тогда осуществляли штатные пожарные этих же театров. Я спросил у остановившего меня пожарного: «Скажите, пожалуйста, у вас в театре работает артист Борис Голдаев, и не из Сибири

ли он, и нет ли его сейчас в театре?» И получил ответ: «Да, он из Сибири, и сейчас он в театре на репетиции». Я попросил: «Нельзя ли ему передать, что его ждет на служебном входе земляк из Сибири Николай Ведерников».

И вскоре ко мне вышел прямо в театральной одежде тот самый Борис Голдаев. Мы горячо обнялись, и он попросил меня подождать до конца репетиции.

Дождался. Поехали в артистический ресторан на улице Горького (ныне Тверская). Рассказали друг другу свои жизненные перипетии. Договорились, что мы придем на ближайший спектакль, в кассе будут для нас контрамарки.

Так мы стали завсегдатаями Театра на Таганке, на тот момент являвшегося одним из самых ярких театров Москвы. Во время антрактов я свободно проходил за кулисы, о чем-то с Борей и его коллегами разговаривали. Он знакомил меня с артистами, представлял как своего друга из Сибири. Если я приходил с Галиной, то, как правило, после спектакля ехали ужинать в их ресторан на ул. Горького. Пили все довольно умеренно, пьяных я не видел.

Интересно было наблюдать, как артисты из разных театров встречались в этом ресторане: обязательные объятия, порой поцелуи, реплики, похлопывание по спине, как будто не виделись сто лет.

Однажды Борис сказал нам, что недалеко от нас сидит в своей компании Владимир Высоцкий. Мы как-то прохладно на это среагировали, и Борис нас вроде бы даже пристыдил: «Да вы что, Высоцкого не знаете? Он же пишет забойные песни!». Мы что-то сказали не очень определенное.

Это была середина 60-х годов, и Владимир Высоцкий только набирал свою популярность. Всенародная любовь и

обожание были впереди, поэтому нам, не москвичам, было в то время простительно такое поведение.

Тогда Борис пошел к столику, где сидел Высоцкий, и привел его к нам. Познакомились. Высоцкий в итоге пересел за наш стол.

Как я узнал позднее, Борис Голдаев в это время был секретарем парторганизации театра, как бы некое партийное начальство. Так что, сами понимаете, вести себя с ним надо было повыдержаннее.

Поговорили о Сибири. Я рассказал Высоцкому кое-что из истории Томского университета.

Что стоит он посредине березовой рощи, к которой примыкает Сибирский ботанический сад, где растут пальмы и мимозы, а рядом находится могила основателя этого сада, который на личные деньги привез в Томск 60 подвод¹ саженцев разных деревьев и основал этот сад. Это был будущий академик Порфирий Никитич Крылов.

Я давно понял, что их (москвичей) надо чем-то удивить, заинтересовать, тогда, может быть, и заедут в то место, откуда ты родом.

Кстати, в одном из первых своих фильмов, «Казнены на рассвете», Борис в сцене суда, а это был фильм о судьбе старшего брата Ленина – Александра, прямо заявляет, что он студент из Томска.

Ресторан стал закрываться, хотя работал он на час дольше, чем все другие рестораны Москвы. Метрдотель громко предлагал всем заканчивать ужин. Борис и Владимир Высоцкий

---

¹ Подводой называлась телега с грузом, которая перевозилась лошадью.

стали договариваться между собой, куда и к кому они еще поедут продолжать. Приглашали с собой и нас. Хотелось, конечно, «залиться» с ними еще куда-нибудь, но... В Кратово одни в квартире были наши двое детей, и, скрепя сердце, мы отказались, объяснив причину отказа.

Тогда они пошли проводить нас до метро. Пошли вниз по улице Горького к Манежной площади. Там мы и расстались, пообнимавшись по актерской манере. А поехали тогда Борис с Володей Высоцким продолжать свой загул к сестрам Вертинским, известным теперь артистам кино. Мы же с Галиной доехали до Комсомольской площади и пересели на электричку до Кратово. Дети уже спали, но свет, как водится, горел во всей квартире.

Позднее я познакомился с большинством артистов труппы театра на Таганке, бывал с ними на их «левых» концертах, видел, как их принимает публика. Успех, да и только!

Чтобы увидеть полную самоотдачу игры Высоцкого бывал и на дневных спектаклях.

Из Москвы я приехал с магнитофонной записью песни Высоцкого, которую спустя несколько лет, после выхода фильма «Вертикаль» с Высоцким в главной роли, не побоюсь сказать, пела вся большая страна.

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а так,
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош.
Парня в горы бери, рискни,
Не бросай одного его,
Пусть он в связке одной с тобой,
Там поймешь, кто такой!

С Борисом Голдаевым установились искренние, дружеские отношения. Чувствовалось родство сибирских душ.

В день защиты моей диссертации, 15 января 1966 года, мы (я и Галина) организовали прямо на кафедре криминалистики МГУ, пока шли защиты других аспирантов, что-то вроде скромного распития коньяка. Денег на банкет у меня просто не было.

Я было заикнулся о банкете с А.Н. Васильевым. Он, конечно, видел мое нищенское положение и сказал, как отрубил: «Не надо! Купи себе лучше магнитофон!»

Так что на импровизированном распитии коньяка присутствовали только мой второй официальный оппонент, заведующий отделом из Института прокуратуры, кандидат юридических наук С.С. Степичев и мой будущий друг, профессор, а тогда аспирант-заочник нашей кафедры, В.Б. Ястребов, организовавший выступление на моей защите в качестве неофициального оппонента прокурора – практика из спецпрокуратуры, кто-то еще из аспирантов кафедры и мы с Галиной. Так скромно выпили за мой успех и разошлись.

Но выйдя из помещения юрфака МГУ, который тогда размещался на улице Герцена, 11 (это здание примыкало к зданию Московской консерватории), мы с Галиной решили заехать в Театр на Таганке, дождаться окончания вечернего спектакля и уговорить Бориса Голдаева поехать к нам в Кратово, где и отметить в кругу нас, сибиряков, мою защиту. Мы же уже тогда окончательно решили, что в самые ближайшие дни уедем в Томск. Галина будет делать свою диссертацию. А я был в Москве в целевой аспирантуре, и поэтому мне надлежало непременно вернуться в Томск, в ТГУ.

Так и сделали. Приехали на Таганку, дождались выхода Бориса, сообщили ему о моей успешной защите и предложили ему поехать к нам в Кратово отметить это событие. Он согласился. Спиртное и кое-какая закуска у нас были, и мы поехали.

Там мы рассказали ему наши планы. Он очень уговаривал нас остаться в Москве, обещал обеспечить посещение любого спектакля в Московских театрах. А потом почти до утра читал нам пьесу Эрдмана «Самоубийца», которую Таганка тогда планировала поставить. Это была острая сатира на советскую действительность. Постановка в Таганке не состоялась, но наслушались остроумия Эрдмана и едких реплик героев пьесы в ту ночь мы вволю.

Утром Борис уехал в Театр на репетицию, а мы стали готовиться к переезду, а вернее, к возвращению в Томск.

Организационных вопросов было немало. По защите надо было выправить стенограмму заседания Совета, отзывы официальных и неофициальных оппонентов, заключение диссертационного совета и т.д. и т.п. Надо было также собрать вещи, загрузить их в контейнер, оформить его доставку в Томск. Собрать детей, Олю выписать из Кратовской школы, Андрея – из детского сада.

Я сейчас даже точно не помню, ехали мы из Москвы в Томск поездом или летели на самолете. Скорее всего, все же летели! Мы ведь так торопились в родные места и к своим людям! Чудики!

Глава 7

Рубежные вехи жизни и работы в Томском университете

Сразу же после моей защиты кандидатской диссертации в МГУ и оформления необходимых документов для отправки диссертации на утверждение в ВАК мы выехали в Томск, так как Галина Степановна спешила попасть на работу в свою клинику госпитальной терапии. Но встретили ее там не очень приветливо. В телеграмме о возвращении на кафедру она сообщила также и о своем желании в недалеком будущем поступить в аспирантуру, что шло вразрез с планами других претендентов; это породило напряженность в ее отношениях с коллегами. Сказались наша явная неопытность и поспешность.

Мое возвращение в коллектив кафедры и факультета проходило весьма радушно и благожелательно. Этому способствовало еще и то, что в эти годы происходило значительное расширение учебной базы юридического факультета: ежегодно увеличивалось число принимаемых студентов на дневное отделение, открылось вечернее отделение, шел прием и на заочное отделение.

Увеличению числа студентов-заочников в Томском университете способствовало и такое событие. При проверке работы на высоком государственном уровне существовавшего тогда Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), ныне Московская государственная юридическая академия

(Университет) им О.Е. Кутафина, были вскрыты большие организационные и методические неполадки в его работе; на уровне Министерства было принято решение о передаче факультетов этого вуза в ближайшие по территории учебные заведения. Так, в состав Томского университета были переданы Алтайский, Красноярский и Новосибирский факультеты ВЮЗИ с их контингентом преподавателей и студентов. На каждом из этих факультетов было примерно по тысяче студентов-заочников и по десятку преподавателей.

Переварить такое число студентов, организовав там надлежащее, на университетском уровне, преподавание всего цикла предметов юридического профиля представлялось невыполнимой задачей. На факультете было принято решение, что мы можем принять в свое лоно Алтайский и Красноярский факультеты, а Новосибирский факультет следует передать под юрисдикцию Свердловского юридического института (ныне Уральская государственная юридическая академия). Министерство согласилось с нашим предложением, и мы приступили к реформированию под университетские программы обучения Барнаульского и Красноярского факультетов ВЮЗИ. В Томске было увеличено вдвое число кафедр, соответственно, резко обострилась и проблема кадрового обеспечения преподавания ряда дисциплин.

С согласия вышестоящих инстанций было принято решение оставить на факультете для подготовки в качестве преподавателей ряд выпускников нашего факультета. Так, мне помнится, что в первый же год после случившегося расширения мы оставили для преподавательской работы семь выпускников, в том числе В.И. Савича, В.К. Гавло и других. В ближайшие годы все они были направлены в целевую ас-

пирантуру других ведущих вузов страны, и большинство из них стали кандидатами, а некоторые затем и докторами наук.

Я принимал самое непосредственное участие в решении всех этих организационных и кадровых вопросов, так как в эти годы неоднократно избирался секретарем партийной организации факультета. Вместе с деканом факультета А.И. Кимом, а позднее – А.А. Любавиным и В.Н. Щегловым – и решались все эти вопросы.

Мое продвижение по научно-педагогической стезе также складывалось достаточно успешно и как бы даже независимо от меня самого. Мы (я, Галина Степановна, наши дети Оля и Андрей) вернулись в Томск в конце января 1966 года, а где-то к летним отпускам выяснилось, что нашего в то время декана факультета и заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики доцента А.А. Любавина приглашают на работу заместителем директора по учебной работе в только что организованный в Ленинграде Институт повышения квалификации следственных работников прокуратуры СССР.

Вообще кадры из Сибири куда-либо в другие места в те годы отпускали весьма неохотно. Эти вопросы в первую очередь решались вначале в партийных органах, а затем уже на соответствующем административном уровне. В данном случае относительно Александра Алексеевича Любавина все эти вопросы, видимо, были обговорены заранее, и потому все решилось довольно быстро и хорошо.

Александр Алексеевич в свое время обучался на юридическом факультете МГУ, там же закончил аспирантуру по уголовному процессу и защитил кандидатскую диссертацию. К нам в Томск он приехал уже будучи кандидатом наук.

Так счастливо его судьба совершила очередной разворот, а у нас освободилось место заведующего кафедрой.

Деканом факультета в это время вновь назначили А.И. Кима, который и предложил мне стать исполняющим обязанности заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Где-то в сентябре–октябре 1966 года.

По-прежнему остро стояла проблема укрепления кадрового состава кафедры, да и не только нашей кафедры уголовного процесса и криминалистики. Появлявшиеся в те годы в Томске на юридическом факультете преподаватели с учеными степенями, как правило, подолгу в Сибири не задерживались и под тем или иным предлогом из Томска уезжали. Так, после нескольких лет работы с факультета уехали доцент-международник Б. Мелехин, преподаватель истории политических и правовых учений кандидат юридических наук О. Жидков, преподаватель административного права, кандидат юридических наук Н. Куфакова. Не задержался надолго и уже достаточно известный и интересный в научном плане теоретик права В.М. Горшенёв и другие.

Становилось ясным, что наиболее надежным способом формирования преподавательского состава кафедр является подготовка их из числа выпускников нашего факультета. Надо растить свои кадры: предлагать лучшим выпускникам своего факультета оставаться на преподавательской работе, создавать им условия для творческого роста, публиковать их научные статьи, создавая «задел» для будущих диссертаций. Возможно также направление их в целевую аспирантуру тех вузов, где есть соответствующая аспирантура и диссертационные советы. Такой путь прошел я сам, этот же путь активно использовал при «выращивании» последующих кадров

наших криминалистов (пока не были созданы условия для образования соответствующего диссертационного совета в Томском университете). Этот путь в свое время прошли направлявшиеся мной в МГУ В.К. Гавло, В.И. Черкашин, В.Е. Шабалин, Ф.В. Исмагилов. Все они успешно закончили аспирантуру кафедры криминалистики МГУ и вернулись после этого кандидатами наук в Томский университет.

Так был завершен процесс подготовки кадров ученых-криминалистов в Томском университете; была также создана база для организации в ТГУ своего специализированного диссертационного совета по уголовному процессу и криминалистике.

Увеличение числа остепененных кадров на кафедрах факультета, появление ряда докторов наук, профессоров по разным специальностям дало возможность не только открыть у нас аспирантуру по ряду отраслей юридической науки, но и создать на юрфаке диссертационные советы. Пошли защиты кандидатских и докторских диссертаций. Так, мой ученик, ныне доктор юридических наук, профессор Р.Л. Ахмедшин, получил возможность провести непосредственно в Томске, в «родных стенах», успешные защиты своей кандидатской и докторской диссертаций! Параллельно с ним в Томске же в разные годы прошли успешные защиты кандидатских диссертаций других моих учеников – И.Т. Кривошеина, Д.Н. Мезинова, И.С. Чадновой, Н.С. Дергача, И. Тазина.

В 60–70-е годы прошлого столетия не было принято после защиты кандидатской диссертации тут же форсировать работу над докторской. Разрыв в десять лет между защитами считался вполне приличным: кандидат наук должен «дозреть» до докторской степени, зарекомендовать себя активно работаю-

щим научным работником, выступить не на одной научной конференции по проблеме предполагаемой докторской диссертации, иметь научные публикации.

Именно в середине 60-х годов прошлого столетия в научных кругах СССР активизировались исследования по вновь реанимированной у нас науке – советской криминологии. Справедливости ради следует отметить, что по данной отрасли правовой науки экспериментальные исследования проводились в СССР еще в 20–30-е годы прошлого столетия. Существовал даже Государственный институт по изучению личности преступника и преступности. Этот институт периодически издавал научные труды. В библиотеке Томского университета имеются четыре выпуска трудов этого института, которые были мной внимательно изучены.

Однако в середине тридцатых годов, через несколько лет после его создания, институт этот был, по существу, разгромлен, большинство сотрудников подверглись репрессиям. Последний директор этого института А.С. Шляпочников отсидел в лагерях двадцать лет, вернулся глубоким стариком, но был принят на работу в созданный в 1963 году Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Генеральной прокуратуре СССР, где и проработал несколько лет до своей кончины.

Названный Всесоюзный институт и стал головным научно-исследовательским центром по возрождению на новой основе давно подзабытой науки – советской криминологии.

Выдающуюся роль в возрождении, утверждении и развитии криминологии сыграли первые директора этого института – Игорь Иванович Карпец и Владимир Николаевич Кудрявцев. Позднее они и внесшая значительный вклад в станов-

ление криминологии как науки и учебной дисциплины в системе юридического образования профессор МГУ Нинель Федоровна Кузнецова стали лауреатами государственной премии за воссоздание и развитие криминологии в СССР.

В связи со сказанным о криминологии и криминологах могу добавить почти анекдотический факт, имеющий отношение лично ко мне.

Уже в наше время, несколько лет назад, будучи членом Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК) России, которая утверждает все научные и ученые степени и звания в стране, я довольно близко познакомился с другим членом ВАКа, профессором все того же Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Генеральной прокуратуре РФ Сергеем Петровичем Щербой.

И вот однажды он мне говорит: «Слушай, Коля, тут у нас в институте как-то проводили очередную «чистку» библиотеки, и мне попал в руки автореферат твоей кандидатской диссертации об изучении личности преступника в процессе расследования преступлений от 1965 года с интересной резолюцией тогдашнего директора Института И.И. Карпеца. Хочешь, я его принесу тебе?»

Я, конечно, тут же ему ответил: «Принеси, интересно будет глянуть».

Он принес мне этот автореферат, и что я увидел. Прямо на корке автореферата рукой Карпеца написана резолюция А.А. Герцензону: «А не взять ли нам тов. Ведерникова?», а ниже – дата и подпись Карпеца.

И тут мне вспомнился момент моей защиты кандидатской диссертации, когда ранее назвавшийся больным Алексей

Адольфович Герцензон неожиданно пришел на защиту и прибыл на ней до конца. Теперь стало ясно, что пришел он на мою защиту, выполняя резолюцию директора института, чтобы лично составить представление о соискателе как о возможном сотруднике института.

Институт, воссозданный, как я уже ранее отмечал, лишь в 1963 году, к тому времени к проблеме личности преступника еще и не подошел, но уже было ясно, что в недалеком будущем он этой проблемой криминологии займется. Через год-полтора это и произошло.

Так что прояви я некоторую активность и настойчивость, мог бы стать сотрудником Института прокуратуры уже в 1966 году. Но мы, чудики из Сибири, тут же после защиты уехали из Москвы в Томск.

Если рассуждать об этом с позиций сегодняшнего дня, то может показаться, что я упустил прекрасную возможность стать москвичом и сотрудником набирающего силу и известность учреждения. Что бы я «выиграл» в этом случае и что у меня получилось в действительности при возвращении в Томск?

Докторскую диссертацию по проблеме личности преступника в Москве я наверняка защитил бы раньше. Но в московских условиях я вряд ли избрался бы народным депутатом, а затем и судьей Конституционного Суда России. Так что не стоит сожалеть об упущенных возможностях, надо верить в свою судьбу и работать на будущее.

Вернувшись в 1966 году в Томск, в ТГУ, в ту же квартиру, которую я сумел получить, а вернее, переделать из помещений двух бывших домоуправлений на улице Водяной, 26, я понял, что условия проживания у меня явно не подходящие.

Практически у меня не было не только кабинета для работы, не было и рабочего стола.

В нашей объединенной семье (к нам в Томск переехала к этому времени семья моего тестя – отца моей жены, состоящая из трех человек) было два ученика: младший брат моей жены Володя Танцеров, будущий адвокат и лауреат золотой медали имени Плевако за адвокатскую деятельность, и наша дочь Оля. Им же надо было где-то выполнять школьные письменные задания. Мне выпадало время для подготовки к занятиям и написания научных статей, как у радищевского крестьянина для работы на себя – лунные ночи и праздничные дни.

Одним словом, надо было или разъезжаться с родительской семьей Галины Степановны, или получать квартиру большей площади. О моих жилищных условиях был хорошо осведомлен мой научный наставник и коллега Владимир Петрович Бурчанинов. Он и ставил вопрос на факультете о необходимости улучшить мои жилищные условия при всяком удобном случае. И вскоре такой вариант подвернулся.

Наш деревянный дом на улице Водяной в срочном порядке начали вдруг ремонтировать. Это было в начале зимы. Ничего взамен даже временно власти нам просто не предлагали. Выезжайте куда хотите, мы начинаем ремонт дома.

По счастливой случайности в это время город выделил как фронтовику новую четырехкомнатную квартиру тогда еще доценту Борису Лазаревичу Хаскельбергу. Он тоже уже несколько лет жаловался на холод и неустроенность своей квартиры, которая располагалась в Университетской роще, в так называемом «московском бараке», на месте, где сейчас выстроен спортивный корпус ТГУ.

У этого «московского барака» была своя история, но его сейчас нет, вроде как и не о чем говорить.

Одним словом, Б.Л. Хаскельберг переехал в новую квартиру, а мы всей своей большой семьей въехали в его бывшую, прямо зимой, не делая никакого ремонта. Но я сразу решил, что летом придется заняться ремонтом, благо столярный цех и другие хозяйственные службы университета находились недалеко от этого одноэтажного деревянного барака.

Так что с начала лета и отпускного времени я занялся ремонтом квартиры. У этой квартиры была большая, метров 30 квадратных, прихожая. Я решил, что из этой прихожей я выгорожу кухню, построю и оборудую отдельные ванную и туалет, ну и останется еще место для коридорчика.

Когда мы сняли полы, вытащили половые балки, и я спустился как бы в подполье квартиры, то обратил внимание на какое-то мелькание света за стеной дома. Оказалось, что это были видны ноги людей, проходивших по дорожке, которая шла недалеко от нашего крыльца. Вы представляете, какой холод шел через эти щели сибирской зимой! И почему это Хаскельберг жаловался на холод в квартире? А ведь дело можно было поправить довольно просто. Были устроены внутренние завалины вдоль стен комнаты, положены новые половые балки и постелен новый деревянный пол. Помещение для кухни было обустроено в виде арки, построено помещение для ванной комнаты и туалета, поставлено соответствующее оборудование. Квартира стала смотреться совсем по-новому.

Позднее, года через три после нашего вселения в эту квартиру, руководством университета было принято решение о сносе этого «московского барака», чтобы на его месте постро-

ить спортзал. Когда соответствующая комиссия пришла к нам, увидев ухоженную и наново отделанную квартиру, была озадачена тем, что следовало принять решение о ее сносе.

К этому времени дом на Водяной улице был отремонтирован, и туда переехала семья родителей Галины. Нашей семье из четырех человек было предложено временно переехать в двухкомнатную квартиру по улице Учебной. Поскольку квартира в Университетской роще была гораздо большей площади, я добровольно соглашался поселиться в квартиру меньшей жилой площади, руководство университета взяло на себя обязательство о предоставлении мне в будущем квартиры, равноценной той, что была в бараке.

Через несколько лет такая возможность появилась – и мы вновь переехали, теперь уже с улицы Учебной в расположенный на территории Ботанического сада университета бывший ректорский дом. Квартира находилась в крайне запущенном состоянии, но площадь ее была весьма большой, да и место расположения было просто великолепным – в центре города, рядом с университетом и к тому же среди деревьев сада.

Вновь пришлось заняться капитальным ремонтом, в результате чего у меня появился отдельный кабинет. Вдоль стены гостиной комнаты были устроены полки для книг, детям было не так далеко ходить в школу.

Бытовая сторона жизни была устроена, и я решил вплотную заняться докторской диссертацией.

С проблемой исследования была полная ясность – надо было с более широких позиций подойти к проблеме изучения личности обвиняемого в уголовном судопроизводстве, дать само понятие личности обвиняемого, обосновать предмет и пределы ее изучения, определиться с методикой собирания

сведений о личности в процессе производства следственных и судебных действий, чтобы следователь и суд могли объективно подойти к оценке личности обвиняемого и отразить это в обвинительном заключении и приговоре суда как итоговых документах всякого уголовного дела.

С первых же лет после возвращения из аспирантуры, я включил в учебный план лекционного курса по криминалистике в качестве отдельной темы лекцию по изучению личности обвиняемого в процессе расследования, главным образом с тем, чтобы заинтересовать этой проблемой студентов. С годами у меня появились желающие заняться этой проблемой в виде курсовых и дипломных работ. В качестве практического материала они изучали конкретные уголовные дела. Таким образом, у меня накапливалась информация по состоянию изучения личности преступника в следственной и судебной практике.

Позднее из этой лекции я сделал уже небольшой спецкурс, а после защиты докторской – полноценный спецкурс по проблеме изучения личности преступника. Соответственно, у меня появились ученики и будущие диссертанты...

Замечу в этой связи. Недавно мне пришлось принять участие в похоронах нашего выпускника, моего несостоявшегося аспиранта, но весьма активного участника моей избирательной компании, о чем я ранее писал, Константина Пуговкина. Так вот, на Троекуровском кладбище собралось тогда около трех десятков выпускников юрфака ТГУ, и один из них – Володя Вихлянцев, который в свое время писал дипломную работу под моим руководством, подойдя ко мне сказал: «Николай Трофимович, я помню каждое ваше замечание по моей дипломной работе». Что может быть дороже такого признания для любого преподавателя. Так что, господа хорошие,

работайте со своими учениками, и вы будете долго еще в их благодарной памяти!

Одним словом, по временным рамкам тех лет я понял, что пришло время заняться мне вплотную докторской диссертацией.

А тут подвернулся случай проверить это мое намерение мнением уважаемого мной ученого. В Томске, в том числе на базе юрфака ТГУ, в то время проводили свое исследование ряд ученых из Института государства и права АН СССР под руководством академика В.Н. Кудрявцева. Я был с ним знаком и ранее, в бытность его работы еще заместителем по науке директора Всесоюзного института Прокуратуры СССР. Позднее он был и директором этого учреждения, а после стал директором Института государства и права АН СССР, вице-президентом Академии наук.

У него возникло желание съездить на один из первых атомных реакторов, что находился в десятке километров от Томска, в нынешнем Северске. Мне предложили его сопровождать. Ехали мы в машине вдвоем, о чем-то говорили, и в один из моментов я его спросил: «Владимир Николаевич, я вот решил вплотную заняться докторской. Как вы считаете, можно мне?».

Он помолчал некоторое время и ответил: «Что же, я думаю, что можно, имя у вас есть!»

Так я получил как бы благословение от нашего патриарха юриспруденции, и это меня окрылило. Было это где-то в середине семидесятых годов прошлого века.

В те годы довольно широко практиковался в вузах СССР перевод преподавателей, решивших работать над докторской диссертацией, для её завершения, на должность старшего научного работника (докторанта) на два года. По этому во-

просу имелось специальное постановление Правительства СССР; ежегодно по стране выделялись для этого ставки – порядка одной тысячи. Платили, правда, не такие уж большие деньги, 250 рублей в месяц (кандидат наук, доцент зарабатывал 300–400 рублей), но ты полностью освобождался от учебной работы, да и общественные поручения в эти годы тоже стремились не давать.

Было еще и такое условие. Через год пребывания в докторантуре надлежало заслушать такого человека на ученом совете вуза, который принимал решение: продлевать еще на год твое пребывание в докторантуре или прервать. Ставки каждому вузу выделялись Министерством высшего образования под конкретное лицо. Так что контроль был приличный.

Тем не менее через ряд лет даже у нас на факультете появились люди, которые пробыли в такой докторантуре по паре лет, но так и не защитили докторских диссертаций.

Это были, блаженной памяти, Н.Р. Сапунов, В.М. Чернов. Были и такие, кто после года пребывания в докторантуре сами прерывали этот срок и возвращались на преподавательскую работу.

В 1978 году я пошел в докторантуру, через два года представил на кафедру диссертацию, как говорят в наших кругах, обсудился, поправил кое-что в ней после обсуждения. И встал передо мной немаловажный вопрос: а где, в каком диссертационном совете и в каком вузе её защищать?

В Томском университете в те годы все еще не было диссовета по юриспруденции.

Я поехал в близкий для меня юрфак МГУ, и поскольку диссертация моя по ходу ее написания все больше клонилась в сторону уголовно-процессуальных, а не криминалистиче-

ских проблем, обратился к заведующему кафедрой уголовного процесса, крупному специалисту и весьма известному ученому Дмитрию Степановичу Кареву. Я знал его еще со времен своей аспирантуры, когда он был деканом юрфака МГУ. У него была традиция раз в год собирать на встречу и разговор всех аспирантов факультета.

Хорошая традиция!

Дмитрий Степанович встретил меня великолепно. Он пригласил меня к себе домой, мы обговорили с ним все организационные вопросы будущего обсуждения на кафедре и принятия к защите моей диссертации. В завершение нашей встречи он пригласил меня в ресторан при Доме журналистов СССР (он был членом Союза журналистов СССР), где мы ловко зашли в зал, обойдя немалую очередь желающих туда попасть. Когда нам накрыли столик на двоих, первым тостом Дмитрий Степанович провозгласил следующее: «Выпьем за то, чтобы тебя в моем возрасте уважали так же, как меня!» Ну что тут добавишь? Для меня в те годы это было целой наукой жизни.

Я как-то недавно поспрашивал у некоторых молодых юристов-ученых. Они даже фамилии Карева не слышали. А ведь это был автор многих изданий учебников по уголовному процессу в советские годы и один из авторов УПК РСФСР 1926 года! Он был также начальником секретариата нашей делегации на Нюрнбергском процессе, о чем рассказывал на курсах повышения квалификации заведующих кафедрами уголовного процесса задолго до моего визита к нему с диссертацией.

Я был у него где-то в октябре месяце, уехал окрыленным, хотел быстрее всё по диссертации завершить и везти ее в МГУ. Но в последних числах декабря того же года произо-

шло непоправимое – Дмитрий Степанович Карев скоропостижно, прямо в метро, упал и скончался.

К руководству кафедрой уголовного процесса МГУ пришел профессор Б.А. Галкин, но он был назначен сначала исполняющим обязанности заведующего кафедрой. Пока он не был назначен приказом именно заведующим кафедрой, без всякой приставки «и. о.», моя диссертация лежала на их кафедре без какого-либо движения. Так прошло восемь месяцев!

Никакого научного консультанта тогда докторантам не полагалось. Я снова поехал в МГУ и обратился за помощью к моему бывшему научному руководителю по кандидатской диссертации, заведующему кафедрой криминалистики МГУ, профессору А.Н. Васильеву. Был назначен рецензент от кафедры уголовного процесса, доцент Э.Ф. Куцова. Состоялось обсуждение диссертации на кафедре уголовного процесса, на которое, кстати, пришел А.Н. Васильев, и было вынесено положительное решение.

Я встретился с председателем диссертационного совета профессором Г.А. Кригером, получил от него положительную резолюцию на моем заявлении с просьбой принять диссертацию к защите и начал переговоры с возможными оппонентами. Оппонентами по защите диссертации у меня были заведующий сектором уголовного судопроизводства Института Прокуратуры СССР, профессор А.Д. Бойков, заведующая кафедрой уголовного процесса ВЮЗИ, профессор П.А. Лупинская и уже упоминавшийся мной ранее Лауреат Государственной премии, профессор кафедры уголовного права МГУ Н.Ф. Кузнецова. О таком созвездии оппонентов можно было только мечтать! Ведущей научной организацией по диссертации был назначен Харьковский юридический институт.

Нельзя при этом не упомянуть еще об одном обстоятельстве, которое в общем-то усложняло процедуру защиты диссертаций. В это время вступало в действие новое Положение о защите диссертаций. В нем, в частности, впервые были установлены предельные размеры объемов кандидатской и докторской диссертаций.

Докторская диссертация должна была быть, как правило, не более 300 страниц текста, хотя по гуманитарным наукам разрешалось иметь объём на 20–30% более этой цифры.

В стране началась печально знаменитая антиалкогольная компания. Всякие банкеты после защиты были строжайше запрещены. Были также другие ограничения и запреты.

Представьте себе: прошла успешная защита, к которой человек (автор диссертации) шел десять и более лет! И чтобы по завершении этого дела русский человек не мог выпить – да это же форменное издевательство!

Я на время защиты остановился в Москве на квартире, которую снимал наш выпускник, милицейский полковник, приехавший сюда на курсы повышения квалификации в Академию МВД. Вот на эту квартиру, сколько человек я смог усадить в пару машин «Волга», мы и приехали отметить мою защиту. Водку я достал в магазине, в котором работала теща моего московского друга-сибиряка, бывшего актера театра на Таганке Бориса Голдаева.

Вспоминая все это сейчас, я просто ничего не могу сказать, кроме как: «Ну, черт знает, что!»

Зато у меня дома, в Томске, была совсем иная картинка. Время ведь в Томске на 4 часа раньше московского. Поэтому когда закончилась моя защита, там был уже глубокий вечер, но мои близкие друзья уже собрались в нашей квартире в Бо-

таническом саду. По получении сигнала из Москвы об успешно прошедшей защите там началась хорошая сибирская пьянка.

Приличное спиртное у меня хранилось в тумбочке для швейной машины (моя Галина в детстве и молодости неплохо шила). Так вот, они выкатили на середину нашей самой большой комнаты (ее площадь была 34 кв. м) эту тумбочку под звон стоящих в ней бутылок и начали их опорожнять.

А я в это время, как мог, крутился в московской квартире. Благо Борис Голдаев пришел со своей женой Галиной, и она, многоопытная москвичка, активно мне помогала. Так и отметили эту защиту враз, но в разных точках нашей необъятной Родины.

В последующие дни я занимался правкой стенограммы защиты диссертации, подготовкой других документов для отправки в ВАК СССР. Когда вернулся в Томск, то сразу почувствовал, что что-то со мной произошло, некоторые люди изменили ко мне отношение и не всегда в лучшую сторону. Это меня иногда прямо озадачивало. Успех-то мой радует не всех?

Вначале я как-то даже не очень обращал на это внимание, но не зря же я все-таки занимался проблемой личности человека. Изменение отношения к себе я ощущал просто физически. За время моей докторантуры, а также пока я занимался организацией своей защиты, мне, во-первых, никто ничем не помогал в решении ряда вопросов, а во-вторых, уходил я в докторантуру с поста заведующего кафедрой, а когда вернулся на преподавательскую ставку, место заведующего кафедрой было уже занято, им стал М.К. Свиридов, которому до защиты докторской было еще далековато. Так, защитив док-

торскую диссертацию, я стал рядовым доцентом кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Сама по себе защита докторской диссертации в смысле увеличения зарплаты или еще какой-либо материальной выгоды ничего не дает. Надо становиться профессором, получать это звание опять через ВАК и только после этого – претендовать на должность профессора кафедры, которая предусматривала более высокий оклад.

Оказалось, что если бы я был уже на должности заведующего кафедрой, я бы мог получить звание профессора буквально через два-три месяца, будучи же доцентом на кафедре я должен не менее года проработать на должности профессора кафедры, а потом уже выдвигаться на присвоение звания профессора, по получении которого мог получать оклад профессора кафедры.

Но никто не торопился с быстрейшим получением мной звания профессора. Более того, придя однажды на заседание ученого совета факультета, на котором, как меня заверял декан В.Ф. Волович, должен был рассматриваться вопрос о представлении меня к получению звания профессора кафедры, я не обнаружил такого вопроса в повестке дня данного заседания. Подошел с этим вопросом к Воловичу, но в ответ получил какое-то невнятное бормотание то ли о перегруженности повестки дня, то ли о неподготовленности вопроса.

Стало ясно, что идет саботаж решения моего личного вопроса. Кому-то из моих коллег хотелось меня затормозить, затереть, задвинуть куда подальше.

М-да! Представление меня на должность профессора кафедры уголовного процесса и криминалистики все же вскоре состоялось. Я честно проработал год на этой должности,

после чего был представлен в ВАК к получению звания профессора. Получив и это звание, я тут же стал думать о создании в ТГУ самостоятельной кафедры криминалистики.

Когда я вернулся из Москвы после защиты, оказалось, что у нас с Галиной приближается весьма примечательная дата – серебряная свадьба, то есть двадцатипятилетие совместной жизни. Тут уже, как говорится, не открутишься, надо готовиться к юбилею.

У нас уже сформировался к этому времени довольно дружный коллектив родственников и друзей, где-то порядка двадцати человек. Великолепным бриллиантом в этой компании была чета супругов Грицановых: он – Анатолий Степанович Грицанов, с которым я был знаком еще со студенческих лет по совместному участию в художественной самодеятельности факультета, хотя он был и старше меня на три курса, она – весьма милая и симпатичная доцент филологического факультета – Маргарита Васильевна.

Анатолий Степанович прилично играл на гитаре и пел, а Маргарита Васильевна писала прекрасные тексты песен.

Гитара в пьяной компании – это всё! Подпеть может каждый, а вот запеть и довести песню до конца – дано не каждому.

Так вот, на наш серебряный юбилей они пришли не с пустыми руками, а с новой песней на слова Риты, которую я здесь и привожу полностью, с посвящением. Пусть хотя бы в моих записках прозвучат слова этой прекрасной пары, почему-то рановато ушедшей в мир иной.

Первая песня Грицановых была написана в октябре 1980 года, а вторая – на год позднее – к моему дню рождения, в декабре 1981 года. Хочу обратить внимание читателей, что если первая песня заканчивается пожеланием мне стать док-

тором «в законе», то в первом куплете второй песни, которую я тут же привожу, они как бы объявляют от моего лица – «я к именинам утвердился в докторах». К этому времени я уже получил из ВАКа СССР диплом о присуждении мне ученой степени доктора юридических наук.

*Г. и Н. Ведерниковым
в связи с защитой докторской
и серебряной свадьбой
посвящается*

На мотивчик старый
Мы берем гитару,
Это надо просто понимать:
С детства слышал «Мурку»
В темных переулках,
Пела её вся Анжерка-мать.
Со шпаной водиться –
Жизни научиться,
Много он, как видно, повидал.
Если и позднее
Всю свою карьеру
с личностью преступника связал.
Что же то за личность?
В обществе приличном
Вроде даже стыдно говорить.
На блатном жаргоне
Это «вор в законе»,
Чем сумел он Колю покорить?
То ли обвиняемый,
То ли подсудимый?

Два ученых мужа вели спор.
Впрочем, для науки
(Как и для «малины»!)
Это просто праздный разговор.
Пусть же знают в ВАКе
О базовом Юрфаке,
Что богат учеными людьми,
Ты, Кирилл, – угрюмый,
Хорошо подумай,
Верное решение прими.
Все мы умилялись,
Хоть и удивлялись,
Как ты диссертацию писал?
Дом в Курлеке строил,
Бал весной устроил,
Да еще в Киреевске пивал.
Всяк умеи жениться,
Но прожить решится
Двадцать пять с женой уже не всяк!
Я скажу вам – враки,
Будто с неба браки, –
Из Анжерки самый прочный брак.
Тут, как говорится,
Надо «освежиться» –
Для того мы здесь и собрались,
Чарки поднимаем
И тебе желаем
Доктором «в законе» становись.

*А. и М. Грицановы
26/X 1980 г. Томск*

Н.Т. Ведерникову

Кому фонарики качаются уныло,
А я дорогою иду в прожекторах ,
Все засветилось, ведь так случилось –
Я к именинам утвердился в докторах.

Как сразу все вокруг приятно изменилось,
Я сразу вырос у Воловича в глазах:
Хочу – останусь тут, а если позовут,
Возьму я кафедру в столичных городах.
Теперь я вроде как король на именинах,
Как будто дали мне от счастья ключи,
Да что-то сердце жмет, хоть верю – от забот,
Поди спасут меня придворные врачи.
Еще светлее заживем, когда в Курлеке
Построю дачу я немного погодя,
Скажу я вам, друзья, фамилия моя –
От слова «вёдро», значит – «ясно», «без дождя».

Я здесь собрал вас до утра повеселиться
И поделиться, как успехов достигать:
А просто в меру пью, жену люблю свою
И ног не дам кому попало целовать.

Красивей всех других жена моя моя Галина,
И про детей моих давайте пропоём,
В науку дочь пошла, а сын-то – вот дела!
Повсюду признан дискотеки Королем.
Тебе желаем мы здоровья и успехов,
Блистай талантами, по жизни проходя,
Согласны все друзья: фамилия твоя –
От слова «вёдро»: значит – «ясно», «без дождя»

19 декабря 1981 года

Пора было начинать действовать и по вопросу создания в Томском университете самостоятельной кафедры криминалистики. Новая кафедра в вузе создается при наличии соответствующей специализации доктора наук, профессора и ряда других преподавателей с учеными степенями, а также при наличии достаточной учебной нагрузки, исчисляемой в учебных часах. Такое обоснование с приложением списка всех планируемых в её составе преподавателей я написал. Оно было одобрено решением Ученого совета Университета и с соответствующим письмом ректора отправлено в Министерство высшего образования РСФСР.

Так в Томском университете в 1983 году была создана новая самостоятельная кафедра криминалистики. На тот момент это была вторая кафедра в университетах Советского Союза. Кафедра достаточно успешно функционирует уже почти сорок лет.

Глава 8

Путь в народные депутаты России

В сентябре–октябре 1989 года я находился в командировке в Москве. Однажды вечером в квартире своей дочери Оли, в московском районе Солнцево, с интересом и весьма внимательно смотрел по телевизору передачу студии «Пятое колесо» из Ленинграда. Шел рассказ некоего народного депутата СССР, профессора-юриста А.А. Собчака о его работе – расследовании в качестве председателя парламентской комиссии в те дни дела о так называемой «Тбилисской трагедии» – разгоне стихийного митинга в центре столицы Грузии.

В отличие от времени, когда я пишу книгу воспоминаний и в вашем телевизоре от 15 до бесконечности телевизионных каналов, в 1989 году жители нашей огромной страны могли смотреть только два телеканала: первый и второй, которые подвергались жесткой цензуре.

И только жители тогда еще Ленинграда и Москвы могли смотреть телеканал из «Северной столицы», на котором в то время и могла появиться такая нецензурируемая студия, как «Пятое колесо». Тогда как у жителей Томска, где я проживал в то время, и других городов СССР возможность смотреть больше двух телеканалов появилась только в 1991 году.

Может быть, в силу абсолютной новизны для моего двухкнопочного представления о мире телевидения и осталась в моей памяти зарубка от этой телепередачи.

Вернусь к «Тбилисской трагедии». Разгоняли эту демонстрацию-митинг солдаты кадровой воинской части, которые применили при разгоне солдатские саперные лопатки. Несколько человек при этом были убиты и ранены.

Демонстрировавшиеся кадры этого разгона с хронометражем времени, пронзительным голосом Собчака, его обличительными репликами по ходу действия произвели на меня достаточно жуткое впечатление.

И в то же время необычная для советского времени открытость и откровенность о таком неординарном событии говорила, что перестройка действительно в стране идет, поэтому резкие перемены в жизни нашего государства неизбежны.

Я был один в комнате, смотрел и слушал весьма и весьма заинтересованно. В голове роились разные мысли, и одной из них была следующая: «Как это так? Никому не известный доселе какой-то профессор с юрфака Ленинградского государственного университета (ЛГУ) на глазах становится трибуном и обличителем существующих порядков в стране!». Я бывал до этого дважды на юрфаке ЛГУ как член Головного Совета по праву МинВуза РСФСР, но никогда не слышал о каком-то там Собчаке. И тут на тебе! Трибун, обличитель, кладет направо и налево, всесоюзная известность.

Суть митинга в Тбилиси состояла в том, что Грузия явно была намерена де факто выйти из Союза, как к этому времени уже вышли из него прибалтийские республики.

А что же РСФСР, Россия? Ее общипывают со всех сторон, тянут из нее, а мы там, «во глубине сибирских руд», сидим и ничего не делаем. Молча наблюдаем за этими процессами, нашего голоса почти нигде не слышно.

Почему какой-то Собчак на глазах становится глашатаем и трибуном, а я, вроде бы тоже не последний профессор-криминалист, пребываю в неизвестности? Кое-какой внутренний потенциал у меня имеется, и почему бы не попробовать его реализовать на благо грядущих перемен в стране. Не попробовать ли и мне тем или иным законным образом участвовать в надвигающейся избирательной компании по выборам народных депутатов РСФСР, не выдвинуться ли кандидатом в депутаты?

Конечно, можно было организовать и самовыдвижение. Закон это позволял. Тем более, что мне был известен опыт такого пути избрания народным депутатом СССР выпускникам юрфака Томского госуниверситета (ТГУ), работавшего в Кемеровском университете деканом юридического факультета, Юрия Голика. Он выдвинулся кандидатом в депутаты на собрании коллектива Кемеровского университета и на этом же собрании получил голосов больше, чем ректор университета, а на заключительном этапе своей избирательной компании победил набравшего в то время известность начальника Кемеровской железной дороги, будущего весьма известного политического тяжеловеса и многолетнего Губернатора Кемеровской области, уважаемого мною Амана Гумировича Тулеева.

Пример был, и пример довольно яркий, но я все же решил поосторожничать. В практике самовыдвижения есть элемент выскочки: «Смотри, какой выискался!»

Выдвижение от коллектива или какой-либо общественной организации как бы дает опору на стоящий за спиной коллектив или эту общественную организацию. Тебя посчитали достойным, ты не одинок... И я решил, что наиболее подходя-

щим вариантом для меня будет выдвижение кандидатом в народные депутаты от такой солидной и достаточно научно значимой общественной организации, как Томская областная организация общества «Знание».

В те годы в Томске по инициативе первого секретаря обкома КПСС Е.К. Лигачева работа этого научно-просветительского общества была поставлена действительно на хорошем организационном уровне. Периодически в районы области выезжали своеобразные «научные десанты» из ученых разных специальностей, и там, непосредственно в трудовых коллективах или местных клубах и домах культуры, проводились на достаточно высоком уровне лекции и выступления представителей различных наук.

Томск и его вузы всегда занимали одно из ведущих мест в стране по числу ученых разных отраслей знаний, были у них и достижения. Но главное – люди с интересом слушали своих ученых, узнавали, чем они занимаются и что есть интересно во всех науках. Я лично прочитал не один десяток лекций по своей любимой криминалистике, интерес к этой науке у людей был всегда, а в моей голове имелось достаточно число забавных или курьезных фактов из ее истории, которые были интересны, да и полезны для простых граждан.

Думаю, что подобного рода выступления юристов имели и некоторое общепрофилактическое значение: задача борьбы с преступностью никогда ранее не забывалась и не снималась с уголовно-правовых наук. К большому сожалению, это направление в правовой науке, да и в пропаганде вообще, в наше время в значительной мере утрачено и забыто.

Томскую областную организацию общества «Знание» в те годы возглавлял известный профессор-медик, вскоре ставший

академиком и директором одного из медицинских академических научных институтов Томска Евгений Исакович Гольдберг. Жаль, бесконечно жаль, что он так рано ушел из жизни.

Он учился в Томском мединституте в те же годы, когда в нем учился и мой старший брат – фронтовик Михаил, некоторое время они даже занимались в одном научном студенческом кружке.

Будучи активным лектором общества «Знание», после защиты докторской диссертации в начале 80-х годов XX века я был председателем областной секции по пропаганде права.

Так что по возвращении из командировки в Москву я переговорил с Е.И. Гольдбергом о возможном выдвижении меня кандидатом от общества «Знание», и такое собрание вскоре состоялось. Так, в октябре 1989 года я стал кандидатом в народные депутаты РСФСР по Томскому избирательному округу № 698.

В состав 698-го избирательного округа входили два территориальных района: Ленинский район города Томска и пригородный Томский сельский район.

После официальной регистрации в качестве кандидатов в депутаты всех выдвинутых граждан началась избирательная кампания. На одно место по 698-му избирательному округу было выдвинуто 8 кандидатов, так что конкуренция предстояла нешуточная.

Сама эта ситуация, когда на одно место по округу выдвинуто несколько кандидатов, была в то время в новинку, поскольку предполагала конкуренцию и предвыборную борьбу. Среди кандидатов в депутаты по 698 округу наиболее активными были двое: директор свиноводческого комплекса П.П. Кошель и директор птицеводческого комбината В.Е. Портнов. До определенного момента, о чем я скажу не-

сколько позднее, активно вел себя и еще один кандидат – главный врач Томской психбольницы М.И. Петров. Но с самого начала было ясно, что задачу избраться ставил перед собой и выдвинутый по нашему округу секретарь обкома КПСС Поморов Александр Андриянович.

Агитационная компания проходила в виде собраний – встреч с избирателями в помещениях отдельных предприятий или учреждений округа, а в Томском сельском районе – в клубах или красных уголках сел и деревень. Каждому из кандидатов предоставлялось время для выступления по его программе, а затем устно или в письменном виде также каждому задавались вопросы и предоставлялось время для ответов на них. Если вопросов к кандидату не было, то время для повторного выхода на трибуну и не предоставлялось. Такой порядок был принят нами самими по взаимной договоренности и представлялся вполне нормальным.

Организацией подобного рода наших собраний-встреч занимались райкомы партии, то есть районные комитеты КПСС. Они формировали график встреч, обеспечивали при необходимости нашу доставку в тот или иной населенный пункт, заранее оповещали о них население и соответствующих руководителей предприятий или сельских Советов.

Интернета, ютуба и социальных сетей, которые позволяют обращаться к гражданам напрямую, в те времена еще не было, а выпустить кандидатов в народные депутаты на государственное телевидение для руководства КПСС было страшно. Хотя раза два за всю избирательную кампанию нам предоставляли возможность показаться по местному телевидению. Мы сидели при этом за одним столом и каждому из нас давали по несколько минут для выступления.

Оценивая всю эту организационную сторону нашей избирательной кампании в конце 1989 – начале 1990 года, можно только удивляться, что проводила это та самая «руководящая и направляющая», то есть КПСС, единственная в то время в стране политическая партия, хотя на этих собраниях именно её больше всего и критиковали. Она же – КПСС – отвечала за все в стране, и получалось так, что какой бы вопрос ни поднимался, без критики действий партийных органов было просто не обойтись.

Во всяком случае, так получалось у меня и при критике действовавшей в то время Конституции СССР 1977 года, и при освещении проблемы построения правового государства у нас, и относительно выполнения продовольственной Программы СССР, принятой на майском Пленуме Центрального комитета (ЦК) КПСС 1982 года, сроком окончания которой был заявлен 1990 год, а на полках продуктовых магазинов к этому времени продуктов становилось все меньше и меньше. Пришлось вновь, спустя 45(!!!) лет после окончания Великой Отечественной Войны, вводить распределительные продуктовые карточки и талоны для гарантированного приобретения гражданами основных продуктов питания – круп, муки, яиц, сахара.

Мне бы могли возразить, что критиковать – не строить. Первое нам всегда удавалось лучше. Но ведь чтобы строить новое, надо же вначале разобраться со старым. Так меня всю предшествующую жизнь в этой же самой КПСС и учили. Я со студенческих лет был членом КПСС и четко знал, что критика и самокритика – это движущие силы Советского общества. Так думал я, так делал я, и потому доставалось от меня Поморову – чисто партийному функционеру – на наших собраниях и встречах всякий раз, что называется, «по полной».

И вот когда по ходу компании всем кандидатам стала ясна серьезность моих намерений на победу в этих выборах, один из заявленных игрушечных претендентов – главный врач психбольницы Петров – не выдержал и перед началом очередной встречи в пригородном поселке, где зал был полон, еще за кулисами вдруг напустился на меня с какими-то упреками, и главным из них прозвучало следующее: «Мы тут все стремимся, чтобы помочь Александру Андрияновичу Поморову, а ты...» и чуть ли не с кулаками набросился на меня.

На что я тут же среагировал: «Ах, так! Так вы тут все, чтобы помочь Александру Андрияновичу! Я в таком случае сейчас вынесу все это на трибуну!» И мы стали выходить на сцену.

У меня хватило ума и выдержки в своем выступлении не упомянуть об этом инциденте за сценой, но выступал я, видимо, в этот раз довольно резко и целенаправленно против Поморова, в результате чего из зала сразу после выступления мне передали записку кого-то из присутствующих: «Николай Трофимович, спокойнее, Вы и так побеждаете!». Записка была без подписи, и никто ко мне после встречи не подошел. Скромные и честные люди, сибиряки. Такие моменты окрыляют и не забываются!

У меня сохранились некоторые записки граждан, присутствовавших на подобных встречах, с вопросами ко мне. По ним видно, что граждан интересовали самые разные проблемы. Так, на ряде встреч меня спрашивали о имевших место 9 апреля 1989 года и уже упоминавшихся мною тбилисских событиях – разгоне митинга-демонстрации. Люди чувствовали, что это симптом будущего развала Советского Союза и были этим обеспокоены.

Повышенный интерес томичей к этому событию объяснялся еще и тем, что, по информации Собчака, команду на применение силы при разгоне названного митинга якобы дал Е.К. Лигачев, ставший к этому времени вторым лицом в руководстве КПСС, а значит, и страны в целом. Ранее же Лигачев много лет работал первым секретарем обкома КПСС именно в Томской области.

Было много вопросов относительно исключения из Конституции СССР статьи 6 о руководящей и направляющей роли КПСС в обществе и государстве. Я однозначно выступал за исключение этой статьи из Конституции СССР и в противовес этому предлагал закрепить в новой Конституции положения о многопартийности.

Если в обществе есть разногласие, оно должно иметь возможность выражаться и в разных организационных структурах, а избиратель при голосовании должен иметь право выбора, ему должна быть предоставлена такая возможность. Собственно, этой позиции я придерживался и в дальнейшем, в частности, по «делу КПСС», когда уже стал судьей Конституционного Суда РСФСР.

И вина, и беда КПСС была не только в том, что она была единственной в стране политической партией; ещё большая её вина в том, что партия – по смыслу этого слова есть лишь часть, поэтому одна партия не может быть выразителем дум и чаяний всего народа. КПСС практически узурпировала в государстве всю власть и объявлялась при этом выразителем мыслей, намерений и дел всего народа.

Рассмотрим эту ситуацию хотя бы применительно к тому же Вокзальному району г. Томска, где я начинал свою трудовую деятельность. Все важнейшие вопросы жизни населения

этого района решались, по сути, не на сессиях районного Совета депутатов трудящихся и в его исполкоме, как постоянно работающем органе власти района, а в райкоме КПСС и на бюро этого райкома. Если в райисполкоме вопросы решали председатель райисполкома и другие руководители районных служб как члены исполкома (начальник райотдела милиции, главный врач районной больницы и другие), то в состав бюро райкома партии, состоящий практически из одних партийных работников, председатель райисполкома – действительного по идее властного органа района, избранного народом, входил в состав бюро райкома КПСС в единственном числе.

И что, спрашивается, он в этом райкоме партии вообще мог сделать, если бы даже и захотел сделать что-то, отличное от решения остальных членов райкома? Вот ведь какой была структура всех органов государственной власти. Властные решения принимались не в советских органах власти, а в партийных политических органах. Даже партийное собрание коммунистов аппарата райисполкома могло принять решение по какому-либо вопросу и обязать председателя райисполкома выполнить это решение. Правда, при этом делался такой ход: собрание обязывало как бы не председателя райисполкома, а коммуниста такого-то выполнить то или иное решение партийного собрания парторганизации райисполкома.

Такое построение власти в СССР было на всех этажах управления снизу доверху. Поэтому не стоит удивляться, что даже некоторые кандидаты в народные депутаты РСФСР полагали, что, повысив, например, уровень компетентности работников партийных органов, смогут поднять эффективность работы всех государственных органов власти и улучшить жизнь советских граждан.

Один из кандидатов в депутаты, П.П. Кошель, в качестве основной причины слабой работы предприятий и органов власти считал то, что «среди партаппаратчиков много некомпетентности». Предлагая себя в качестве кандидата в депутаты, он полагал, что в правительстве должны быть профессионалы, то есть крепкие хозяйственники.

Приходилось разъяснять присутствующим на собрании гражданам, что мы – кандидаты в депутаты законодательного органа власти, а не правительства – органа власти исполнительной, так при чем здесь крепкие хозяйственники в партийных органах! В законодательных органах власти требуются профессионалы, но совсем другой специализации, не в свиноводстве или птицеводстве, а в юриспруденции.

В первом туре голосования никто из кандидатов по нашему округу не набрал необходимых для избрания 50% от числа голосов избирателей. Наибольший процент оказался у меня, а вторым по округу был Поморов. Предстоял второй тур голосования.

Представители моей избирательной команды, мой сын Андрей и его друг, мой аспирант, Константин Пуговкин, к сожалению, рано ушедший из жизни, в день голосования ездили по избирательным участкам и наблюдали, как шло голосование. После завершения голосования на участках шел процесс подсчета голосов.

Избирательный закон того времени ничего не говорил о возможности присутствия при подсчете голосов представителей кандидатов. Надо было разными хитрыми способами узнавать результаты подсчета голосов на избирательных участках.

И вот такая картинка в нашей квартире в Ботаническом саду ТГУ после выборов. Наступает рассвет следующего дня.

На полу сидят вконец уставшие самые активные члены моей избирательной команды: мой сын Андрей и Костя Пуговкин. И вдруг Костя решает позвонить Поморову.

Старшее поколение должно помнить, а молодежь пускай узнает, что дистанция между мной и Поморовым по тогдашним правилам была «огромного размера». Поморов – секретарь обкома КПСС, а я – рядовой профессор университета. Мы пытаемся отговорить Костю от этой затеи. Рабочий день еще не начался... Хотя и Андрей, и Костя по ходу избирательной компании познакомились и несколько раз пересекались с Поморовым. Результаты голосования официально еще не объявлялись, но Костя все же берет городской телефон (мобильных телефонов тогда еще не было), дозванивается до Поморова и говорит ему: «Александр Андриянович! Мы Вас поздравляем. Вы победили! Но только Николай Трофимович первый, а Вы второй!».

Вскоре результаты первого тура голосования были объявлены официально, и стало ясно, что по нашему округу будет проводиться второй тур голосования.

Я понимал, что мне надо находить выходы на средства массовой информации, чтобы доносить свои идеи и предложения до широких масс избирателей.

Перед вторым туром уже не было каких-то общих встреч и выступлений перед избирателями. Каждый из нас сам организовывал подобные встречи. И было ясно, что мои возможности в этом отношении просто несравнимо меньше, нежели возможности Поморова.

Несмотря на обострение предвыборной борьбы, Александр Андриянович вел себя весьма прилично, и наши отношения носили сдержанно-вежливый характер.

В начале второго тура, 7 марта 1990 года, в Томском сельском райкоме партии состоялся партийно-хозяйственный актив, посвященный избирательной компании. Я был приглашен на это собрание, и мне было первому предоставлено слово для выступления, Поморов выступал вторым.

В своем выступлении я обратил внимание на неравенство наших возможностей, в то время как закон о выборах говорит о необходимости «равных оснований» в предвыборной борьбе. Я показал это на доходчивом примере: в то время как я езжу по избирательным участкам на личном «Жигуленке», А.А. Поморов – на служебной «Волге» в сопровождении второй машины, где, очевидно, находится его охрана. И что было удивительным в той избирательной кампании – мне был выделен из таксопарка автомобиль «Волга» с водителем и даны талоны на оплату этого автомобиля. Чудеса, да и только!

Водителем выделенной мне машины оказался бывший офицер, вышедший в отставку. Он быстро разобрался в ситуации, прослушав несколько моих выступлений, и вскоре стал страстным агитатором за мое избрание. Иногда, спросив моего разрешения, выступал после меня, заканчивая свое выступление призывом голосовать за меня. Иногда мои недоброжелатели упрекали меня и как бы уличали: это же ваш человек. И мне приходилось заверять их, что это случайный человек, ставшим моим ярым сторонником и агитатором.

Мне было глубоко приятно и отрадно, что мои мысли и предложения находят отклик у так называемых «простых людей», это не могло не воодушевлять.

Жаль, что вскоре, отработав положенное, он оставил меня, а я не записал его данных и даже не помню его фамилии; мо-

гу лишь с таким запозданием отблагодарить добрыми словами в моей книге воспоминаний.

Приятно, что народ разбирается, как говорится, где правда и справедливость, что не может не воодушевлять на служение такому народу.

Отдельно, пользуясь случаем, хотелось бы искренне поблагодарить коллег по кафедре криминалистики ЮФ ТГУ: Ивана Тимофеевича Кривошеина, Николая Сергеевича Дергача, Федора Васильевича Исмагилова и других за активное «боление» по поводу моей избирательной кампании.

Не могу не упомянуть в связи с этим же небольшую, но активно-дерзкую группу студентов-волонтеров, участвовавших в распространении моих предвыборных материалов. Частный сектор домов на Черемошниках, в районе улицы Большая Подгорная, и многоэтажки Каштака – все было охвачено их вниманием.

Двое из них (Владимир Кузнецов и Александр Плохих) спустя ряд лет как-то рассказали мне, что они до сих пор помнят, как после походов по квартирам приходили к нам в Ботанический сад ТГУ за новым агитационным материалом, а моя супруга Галина Степановна кормила их домашним борщом из большой кастрюли.

18 марта 1990 года состоялся второй тур голосования, и я стал народным депутатом РСФСР по 698-му избирательному округу Томской области.

После моего избрания у меня появилось право бесплатного проезда по всей территории РСФСР. Я решил, не дожидаясь начала работы Съезда народных депутатов, слетать в Москву в Верховный Совет и предложить свои услуги по участию в подготовке к Съезду. Было ясно, что потребуется

какая-то подготовительная работа, в том числе и чисто юридического свойства, и что мои знания могут быть кстати.

Не было почти никакой информации о том, кто еще избрался и с кем следует устанавливать контакты. Я знал лишь избранных народных депутатов от Томской области. На тот момент нас было 6 человек. По одному округу, в состав которого входил закрытый тогда, да и сейчас, Томск-5 (ныне город Северск), по удивительной случайности двое кандидатов набрали во втором туре абсолютно одинаковое число голосов. По решению Центральной избирательной комиссии в этом округе было назначено переголосование. Избранный позднее по этому округу депутат приехал и присоединился к нам уже во время работы I Съезда народных депутатов РСФСР.

Но до этого произошло еще одно достаточно примечательное событие.

Вскоре после избрания мы, избранные депутаты, получили приглашение прийти к определенной дате и времени в Томский облисполком, где нам было предложено избрать из своего состава одного, который будет официальным представителем всей делегации депутатов-томичей. И тут я вспомнил, что уже давно сложилась традиция: при избрании нового корпуса депутатов до начала работы их общего собрания собирается совет старейшин, который решает некоторые организационные вопросы. Не помню уже, по чьему предложению таким представителем от нашей делегации предложили стать мне.

В нашей томской делегации избранных депутатов было расслоение как бы на два лагеря: с одной стороны, это избранный по Асиновскому округу первый секретарь обкома КПСС В.И. Зоркальцев, примкнувший к нему заместитель председа-

теля облисполкома по сельскому хозяйству Егоров, секретарь горкома КПСС из Колпашево Жуков, и с другой стороны – профессор ТУСУРа (тогда ТИАСУРа) А.В. Кобзев, доцент Томского инженерно-строительного института Добжинский и я. Получилось такое противостояние партийно-чиновничьей номенклатуры и вузовской интеллигенции.

После избрания меня официальным представителем всей делегации я дал понять присутствующим, что при избрании в дальнейшем Верховного Совета как постоянно работающего законодательного органа я буду претендовать на избрание в его состав, ибо полагал, что только так, через новые законы и правовым путем можно будет модернизировать экономику и защитить права граждан.

Вскоре после этих событий я полетел в Москву, явился там в Верховный Совет РСФСР и предложил свои услуги – поработать над проектами разрабатываемых правовых актов, в частности, прорецензировал законопроект о депутатских комитетах и комиссиях. В это время там уже работало несколько групп депутатов по разным аспектам предстоящего Съезда народных депутатов.

Вскоре в помещениях Верховного Совета СССР на Новом Арбате, 19 состоялось двухдневное собрание недавно народившегося в нашей стране движения «Демократическая Россия». Я принял в нем участие. Главным пунктом этого собрания был доклад Б.Н. Ельцина как репетиция его выступления в роли уже якобы избранного Съездом Председателя Верховного Совета РСФСР.

Доклад длился более двух часов. Что было наиболее интересным в нем для меня – так это тезис о необходимости создания в России Конституционного Суда как высшего судеб-

ного органа по надзору за соблюдением Конституции. При этом прямо заявлялось, что будет принята новая демократическая Конституция РСФСР, и всё остальное законодательство должно будет ей соответствовать.

Побывав в Москве до начала работы I Съезда народных депутатов РСФСР¹, я понял, что действительно в России идет подготовка к демократическим преобразованиям и что нам, депутатам, предстоит вскоре принять в них самое деятельное участие.

I Съезд народных депутатов должен был начать работу 16 мая 1990 года. Приезжающих депутатов расселили в гостинице «Россия» вблизи Кремля, но начало работы съезда почему-то затягивалось. Вскоре, однако, было объявлено, что депутаты приглашаются на какое-то собрание в 7-й корпус комплекса зданий ЦК КПСС, находящихся на Старой площади. Я пошел туда и при подходе к проходной увидел довольно большую группу депутатов, которые возмущались тем, что их не пропускают. Пропускали по какому-то списку. Я протолкался к проходной, назвал свою фамилию, и меня пропустили. Тут я вспомнил свое избрание представителем от делегации Томских депутатов и понял, что собирается так называемый Совет Старейшин вновь избранного депутатского корпуса РСФСР, где обычно оговариваются некоторые организационные вопросы начала и хода пред-

---

¹ Здесь и далее по тексту словосочетания Съезд народных депутатов и Верховный Совет используются применительно к органам власти РСФСР. Когда речь идет об органах власти Союза ССР, я использую названия Верховный Совет СССР или Съезд народных депутатов СССР.

стоящего заседания самого Съезда или сессии Верховного Совета.

Так оно и оказалось. Вел это заседание М.С. Горбачев, присутствовали еще и некоторые другие члены Политбюро ЦК КПСС, в том числе и действующий еще на тот момент Председатель Верховного Совета РСФСР В.И. Воротников.

Было предложено заслушать отчетный доклад В.И. Воротникова и высказать по нему свои соображения.

Доклад особого энтузиазма у депутатов не вызвал, а вот вопросы и некоторые выступления депутатов были достаточно интересными. Мне в особенности запомнилось выступление депутата из Свердловска (спустя год после этого переименованного в Екатеринбург) – доктора юридических наук, профессора Исакова Владимира Борисовича. Ранее я его не знал, здесь, до начала заседания, мы с ним и познакомились. Все проельцински настроенные депутаты в своих выступлениях прямо давали понять, что именно Ельцин станет новым Председателем Верховного Совета, и если касались в своих выступлениях будущих отношений РСФСР и СССР, то прямо связывали это с личными взаимоотношениями Горбачева и Ельцина. Мне это порой казалось каким-то преувеличенным мальчишеством. Как можно отношения сугубо общественные, государственные опускать до уровня личностно-амбициозных?

Вот и Владимир Исаков, обращаясь прямо к М.С. Горбачеву, закончил свое выступление показательными словами: «Михаил Сергеевич! Борис Николаевич прошел навстречу вам половину своего пути, готовы ли вы пройти свою половину пути?».

Интересно было присутствовать при безусловно историческом событии, когда никому доселе не известный молодой человек может так запросто, но достаточно серьезно и пуб-

лично поставить такой вопрос перед главой одной из двух на тот момент сверхдержав (СССР и США), не являясь даже депутатом парламента страны, которую Горбачев возглавлял, а являясь по меркам СССР рядовым вновь избранным депутатом одного из 15 региональных парламентов (имеются в виду парламенты союзных республик в составе СССР). И хотя никакого ответа от Горбачева на это не последовало, сама проблема была обозначена и получила публичность.

По большому счету, все это было печально, шло не на пользу делу, стране, проживающим в ней народам. Вот тебе и роль личности в истории!

Забегая несколько вперед, можно заметить, что Б.Н. Ельцин на первых заседаниях Съезда вел себя весьма скромно, не мельтешил, не рвался к микрофонам, не отпускал каких-либо громких реплик по поводу происходящего или еще чего-либо подобного, что допускали порой некоторые другие депутаты. К залу заседаний подвозил его обычно на скромном «Жигуленке» его будущий личный охранник Коржаков. Так продолжалось все 14 дней, пока на съезде председательствовал Председатель Центральной избирательной комиссии некто Казаков. Так предусматривалось законодательством. На 14-й день работы Съезда 29 мая 1990 года Б.Н. Ельцин с третьей попытки голосования был избран Председателем Верховного Совета РСФСР. За Ельцина проголосовало 535 народных депутатов.

Я лично голосовал за Б.Н. Ельцина, искренне на тот момент полагая, что именно этот человек «заряжен» и способен провести необходимые преобразования в стране.

Уже было ясно, что у М.С. Горбачева нет никакого конкретного плана преобразований, а есть лишь некие общие

представления о необходимости демократизации общества и государства. К тому же я получил некое представление о Горбачеве как личности, понаблюдав за его поведением на названном мной собрании представителей делегаций народных депутатов РСФСР.

Горбачев не ушел из зала на объявленный обеденный перерыв, а остался среди депутатов, ходил по фойе зала в окружении большой толпы, из которой ему задавали самые разные вопросы. Он отвечал на них подолгу, говорил, не умолкая ни на минуту. Шел какой-то «словесный понос».

Так, отвечая на вопрос о выходе из СССР прибалтийских республик, я неожиданно для себя услышал в его ответе такой пассаж: «Ну, уж Каунас-то в любом случае наш!». Я был знаком с предысторией города Каунаса и меня такой ответ Горбачева в 1990 году весьма удивил.

Прибалтийские республики уходили из Союза целиком и полностью. И спрашивается, причем здесь какая-то предыдущая судьба Каунаса как «открытого города». Союз уже ничего и никого не мог удержать, а тут такое заявление Горбачева. У тебя уходит из-под ног почва, ты, Президент СССР, теряешь страну вообще, и вдруг – о каком-то Каунасе, который «в любом случае наш»?!

Я был, мягко говоря, в недоумении!

Забегая несколько вперед, могу добавить, что встречал позднее Горбачева на некоторых приемах в иностранных посольствах, и всякий раз он оказывался в окружении какой-то толпы, и всякий раз он при этом говорил и говорил, почти не умолкая.

А уж когда он вообще не пришел на заседание Конституционного Суда РФ по «делу КПСС», показав себя форменным

трусом, и мы его за неявку на Суд оштрафовали, я окончательно в нем разуверился. Это укрепляло меня в правильности моего голосования при избрании Б.Н. Ельцина на пост Председателя Верховного Совета РСФСР в мае 1990 года.

Конечно, в Ельцине я тоже вскоре разочаровался, но на момент его избрания я в него еще верил, а потому так и проголосовал.

Другие претенденты на этот пост были еще более неподходящими фигурами. Взять хотя бы того же Полозкова от КПРФ.

По действовавшей в то время Конституции РСФСР избранный Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин был высшим должностным лицом в РСФСР.

Народных депутатов было 1 068 человек. Эта цифра была прямо указана в Конституции РСФСР. Депутаты сидели по делегациям от республик, краев и областей в одном вытянутом зале в одном из корпусов Кремля (сейчас этот зал разделен на два). В проходах было выставлено 6 стоек с микрофонами; был микрофон и на главной трибуне зала. У микрофонов обычно выстаивались очереди из желающих что-либо сказать. У стоек бурлила своя жизнь, иногда случались недоразумения и даже легкие потасовки. Одним словом, вести такое большое собрание было не так уж просто.

Через несколько дней после избрания Ельцина Председателем Верховного Совета ко мне подошел В.Б. Исаков и предложил более внимательно смотреть за действиями Б.Н. Ельцина как ведущего заседания Съезда; если будут с его стороны какие-то организационные промахи или ошибки, фиксировать их, а в конце дня сообщать об этом ему, Исакову. Мне было понятно, почему Владимир Борисович обратился с такой просьбой именно ко мне. Всякий, кто знаком с

криминалистикой, знает, что в предмет этой науки входит и такой раздел, как тактика. Конечно, речь там идет о тактике следствия, о тактических приемах проведения отдельных следственных действий, но при этом всякий криминалист-ученый имеет представление и о тактике вообще, поскольку тактика изучается и применяется и в военном деле, и в дипломатии, и в ведении переговоров, и в спорте, и в других сферах жизни человеческого общества. Элементы тактики могут использоваться и в организации и проведении таких собраний людей, как съезд или митинг. В.Б. Исаков это понимал и обратился ко мне как профессору-криминалисту.

Несколько последующих дней мы с ним встречались по окончании рабочего дня Съезда, но больших промахов в ведении Съезда у Ельцина не было, и потому каких-то кардинальных советов ему не требовалось. Опыт ведения разного рода собраний и заседаний у него (Ельцина) как у руководителя производственных коллективов и партийных органов (первый секретарь Свердловского обкома КПСС, затем секретарь Московского горкома КПСС) до этого, безусловно, был, поэтому не очень было понятно, что мы такое-эдакое можем ему подсказать.

Но в этой просьбе-предложении В.Б. Исакова хотелось бы обратить внимание на другой аспект.

Сама просьба показывает, что В.Б. Исаков входил в то время в самое близкое окружение Б.Н. Ельцина, заинтересованное в создании благоприятного образа последнего. И потому было непонятно, почему через несколько месяцев тот же Исаков вошел в так называемую «шестерку» (имеется в виду группа из шести народных депутатов во главе с С.П. Горячевой, являвшейся в то время одним из заместите-

лей Председателя Верховного Совета, то есть заместителем Ельцина), которая (группа) открыто, с трибуны Съезда заявила о несогласии с политикой Ельцина.

Меня лично такая метаморфоза с В.Б. Исаковым прямо-таки поразила. Что послужило непосредственной причиной этого, можно только догадываться. Как-то так получилось, что я ни разу не задавал ему подобного рода вопросов, хотя мы неоднократно встречались и в последующие годы; у нас сохраняются добрые, товарищеские отношения.

Последующие действия Ельцина, в особенности учиненный им расстрел Белого дома, арест народных депутатов, как нельзя лучше подтвердили правоту В.Б. Исакова.

Страсть к власти, властолюбие были определяющей чертой личности Ельцина. За власть он мог заложить, что называется, и мать родную, а не то что какого-то там Исакова. В подтверждение того, что я не так уж не прав, могу сослаться на книгу М. Полторанина «Власть в тротиловом эквиваленте». Когда люди такого рода, как Ельцин, оказываются на вершине власти, можно лишь пожалеть народ этой страны.

После избрания Ельцина Председателем Верховного Совета съезд перешел к формированию Верховного Совета, состоявшего из двух палат: Палаты Республики и Палаты национальностей.

При формировании Верховного Совета я был избран в состав одной из палат – Совет Республики, а В.Б. Исаков был избран председателем этой Палаты.

И вот после его присоединения к «шестерке» начались попытки со стороны ярых ельцинистов снять Исакова с этой должности. Было довольно комично наблюдать, как каждое

очередное заседание палаты начиналось с попыток включения в повестку дня вопроса о снятии Исакова с должности Председателя Палаты.

Так продолжалось довольно длительное время, поскольку для голосования ельцинисты не могли набрать необходимое число голосов. Наблюдать это было и смешно, и печально, но все же они продавили этот вопрос, и Владимир Борисович стал рядовым депутатом Палаты.

Но вернемся назад, к началу работы Съезда народных депутатов.

Это был гудящий, бурлящий, порой взрывающийся по тому или иному поводу зал. Управлять им было нелегко, но в конечном итоге необходимые вопросы все же решались, и общее дело двигалось вперед.

Одним из первых и важных решений Съезда было создание рабочей группы по разработке проекта Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Этот документ должен был послужить предтечей и основой будущей новой Конституции РСФСР. Так это и было записано в принятой Декларации. Но вначале надо было ее разработать, написать текст, предложить его Съезду и принять Съездом.

Съезд избрал рабочую группу по разработке Декларации. Возглавил ее народный депутат РСФСР, профессор-юрист, международник по специализации и мой друг со времен аспирантуры в МГУ, декан юридического факультета Пермского госуниверситета Олег Иванович Тиунов. Несколько позднее, в один день со мной, Олег тоже стал Судьей Конституционного Суда РСФСР. И что самое печальное – к моменту написания этих воспоминаний его тоже нет в живых. Покойся с миром, мой Друг, коллега и Соратник!

Так вот, через несколько дней после начала работы названной рабочей группы Олег подошел ко мне и сказал: «Слушай, Коля, приходи на наши заседания! Мне трудно справиться с некоторыми крикунами в составе комиссии. Да и предлагают они порой прямо-таки завиральные левацкие идеи, которые могут пойти только во вред России».

И я стал приходиться на их собрания. Там никто меня не спрашивал, член я этой группы или нет. Вообще, депутаты на Съездах бравировали своим равенством и не очень считались с формальностями. Я депутат, и все тут! Ну что ты ему скажешь на это? Так что определенная депутатская вольница имела место быть. Не всегда это шло на пользу делу. Но в ситуации с рабочей группой по подготовке Декларации я этой вольницей воспользовался и теперь могу от первого лица рассказать вам, как принимался первый документ конституционного значения в новой демократической России.

По ходу работы над текстом Декларации Олег дважды докладывал о нашей работе над ней с трибуны Съезда и вот 12 июня 1990 года «Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» была принята Съездом народных депутатов. С принятием Декларации был подведен определенный юридический фундамент под будущую новую Конституцию, что само по себе уже было немалым делом.

Со временем все усилия Олега Ивановича Тиунова по разработке Декларации по нашему русскому разгильдяйству и невнимательности подзабылись и ни государством, ни в научной юридической литературе не были отмечены. А жаль, по серьезному жаль! Написать, обосновать и защитить с трибуны Съезда документ исторической важности и сделать все это в

течение 14 дней, прошедших между избранием Б.Н. Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР и принятием Декларации Съездом – это вам не песенку эстрадную спеть.

День принятия Декларации – 12 июня, – стал в последующем Государственным праздником – Днем России, который мы отмечаем и поныне.

Уже в Преамбуле этого документа указываются историческая роль и основания для принятия этого акта, отмечаются главные свойства новой государственности России – это будет демократическое и правовое государство – и что еще не менее важно – заявляется, что «РСФСР будет в составе обновленного Союза ССР».

Россия, таким образом, на тот момент никуда из Союза выходить не собиралась!

В свете последующих событий данное обстоятельство приобрело значение факта чрезвычайной важности.

Когда позднее Беловежские соглашения утверждались на Съезде народных депутатов, многие депутаты полагали, что в недалеком будущем будет заключен новый Союзный договор и прежняя большая страна будет сохранена. Она лишь модернизируется, но ни в коем случае не исчезнет.

Во всяком случае, так представлял этот процесс в то время я лично.

Если признавать верховенство и первенство данного положения Декларации, то Б.Н. Ельцин не имел права подписывать позднее Беловежские соглашения, послужившие, как известно, основанием последующего распада СССР.

Подписанное еще в более позднее время Соглашение о создании СНГ (Содружество независимых государств) – это был уже совсем не прежний СССР как единое государство.

Другое дело, что положение о состоянии РСФСР в составе обновленного Союза в ряде последовавших государствообразующих событий и актов порой просто игнорировалось или не упоминалось, опускалось. В то время как оно (это положение Декларации) требовало его исполнения. Этим положением следовало руководствоваться, а не игнорировать его!

На деле почти всем республикам прежнего СССР захотелось вдруг стать полностью самостоятельными суверенными государствами, даже тем, которые ранее государственности не имели. К чему это может привести, мы видим на примере многострадальной нынешней Украины.

Не желая дальше углубляться в эту непростую проблему, хочу лишь сказать, что в итоге к настоящему моменту мы имеем то, что имеем.

Интересно и такое положение рассматриваемой Декларации. Применительно к каждому гражданину РСФСР заявлялось, что на всей территории РСФСР устанавливается республиканское гражданство, и при этом «за каждым гражданином РСФСР сохраняется гражданство СССР» (ст. 11 Декларации).

Дело оставалось за малым – следовало принять новый Союзный договор как правовую основу нового, обновленного Союза, и страна могла бы быть сохранена или в прежних границах, или в несколько уменьшенном виде (вряд ли удалось бы при этом удержать три прибалтийских республики).

Но... произошло трагическое по своим последствиям для судьбы СССР событие – появилось вдруг печально известное ГКЧП (Государственный комитет чрезвычайного положения).

Новоявленное руководство страны в лице самопровозглашенного ГКЧП показало, что никакого обновления прежнего

СССР не будет, принимать новый Союзный договор никем не мыслится, и все полетело в тартарары.

Но вернемся к тексту анализируемой нами Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Просто невозможно при этом не упомянуть еще одно положение, исключительно и принципиально важное для государственного устройства, задекларированное в статье 13 Декларации. Я имею в виду принцип разделения властей. Да, действительно, разделение законодательной, исполнительной и судебной власти является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства.

Так в России, тогда еще в РСФСР, впервые на уровне правоустанавливающего документа был зафиксирован принцип разделения властей. 12 июня 1990 года он был провозглашен и как бы начал свое действие.

Что мы имеем с этим принципом на сегодняшний день?

В статье 10 действующей Конституции РФ особо отмечается, что органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Однако приходится констатировать, что, например, судебная власть самостоятельна лишь при исполнении своей внутренней функции – самого процесса судопроизводства, но оказывается весьма и весьма уязвимой в смысле исполнения ее организационной функции.

Так у нас как-то весьма легко и запросто был ликвидирован закрепленный в Конституции Высший Арбитражный Суд РФ и, к моему великому сожалению, совсем недавно как-то потихому, без всякого обсуждения и какого-либо упоминания о такой возможности, был сокращен численный состав Конституционного Суда Российской Федерации.

Не вдаваясь в пространные рассуждения по поводу названных фактов относительно самостоятельности судебной власти, можно лишь с сожалением напомнить достаточно старое изречение: «Да действительно, абсолютная власть раз-вращает абсолютно!»

16 июня 1990 года Съездом была сформирована и Конституционная комиссия. В нее вошло 102 народных депутата. По старой советской традиции председателем ее был избран Б.Н. Ельцин как высшее должностное лицо нашего, теперь суверенного, государства, хотя, конечно же, в то время еще мало что указывало на возможность распада Советского Союза и на необходимость утверждения подлинного суверенитета РСФСР.

Я вошел в состав Конституционной комиссии Съезда, а несколько позднее – и в состав рабочей группы этой комиссии, где было уже 28 человек и где действительно можно было работать над текстом. Душой и мотором всей работы над новой Конституцией был Секретарь Комиссии – народный депутат РСФСР Румянцев Олег Германович.

На первом этапе работа велась весьма интенсивно. Издавался даже «Конституционный вестник», где я тоже опубликовал одну статью в преддверии моего избрания Судьей Конституционного Суда РСФСР.

Но и на этом не закончились всякие для меня избрания. Вскоре я был избран Съездом членом Верховного Совета РСФСР на постоянной основе, что означало для меня полный переход на работу в Верховный Совет, а значит, предстояло увольнение из Томского госуниверситета.

Как народный депутат и член Верховного Совета я состоял также членом Комитета по законодательству и являлся Пред-

седателем подкомитета в Комитете по законности, правопорядку и борьбе с преступностью. В этом Комитете, кстати, родилась идея создания единого следственного комитета как органа, объединяющего следственные функции всех существовавших на тот момент правоохранительных органов, имеющих право вести дознание и следствие.

Идея создания единого следственного органа теоретически разрабатывалась в научной юридической литературе довольно давно, но до дела в виде создания соответствующего единого следственного органа при советской власти не доходило. А тут нам представилась такая возможность. Была создана рабочая группа, написаны сам законопроект и масса приложений к нему вплоть до описания форменной одежды и разработки сетки должностных окладов будущих работников этого комитета.

Законопроект о Следственном комитете РСФСР был принят Верховным Советом в первом чтении. Докладывал его Борис Кондрашов – заместитель председателя Комитета по законности, правопорядку и борьбе с преступностью. К сожалению, довести эту работу до конца Верховный Совет не успел – помешал этому расстрел «Белого дома». Я лично участвовал в этой работе на самом начальном ее этапе, при формировании рабочей группы, а позднее был вынужден отойти от этой работы в связи с довольно неожиданно последовавшим моим новым назначением на должность Председателя комиссии Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросам помилования.

Скажу несколько слов и по поводу этого избрания.

В середине июля 1990 года закончила свою работа первая сессия Верховного Совета, и я вернулся к семье в Томск.

Начал работу по созданию запасов продуктов для семьи на зиму, так как постоянного жилья в Москве у меня еще не было. Было ясно, что моя жена и семья сына останутся еще на какое-то время в Томске.

Но вскоре, где-то в начале августа, у меня дома раздался телефонный звонок, к телефону подошла жена. Ей сказали, что звонят из Москвы, из Верховного Совета, и что нужен я. Она ответила: «Не надо разыгрывать, какой Верховный Совет!» Но в трубке подтвердили просьбу, и она позвала меня.

Представившийся человек сообщил мне, что решением Президиума Верховного Совета РСФСР я назначен Председателем Комиссии Президиума по вопросам помилования. Несколько опешивший от услышанного, так как со мной по этому поводу до этого никто не обмолвился и словом, я спросил: «И что же мне делать?» Звонивший ответил: «Как что? Приезжать!» Наскоро собравшись, ближайшим рейсом я вылетел в Москву.

В Верховном Совете мне вручили соответствующее постановление Президиума с поименным списком членов Комиссии в количестве девяти народных депутатов. В Постановлении также было указано, что в состав Комиссии входят руководители всех правоохранительных органов РСФСР, а именно: Министр МВД, Министр юстиции, Генеральный прокурор РСФСР, Председатель Верховного Суда РСФСР и заведующий отделом помилования Верховного Совета. Но все они были членами комиссии с совещательным голосом, в то время как лишь народные депутаты – с правом решающего голоса.

Я решил зайти и переговорить о предстоящей работе к Р.И. Хасбулатову как первому заместителю Ельцина. Фактически он и руководил работой всего Верховного Совета. Он

принял меня, и на мое недоумение, что я раньше такой работой не занимался, ответил: «А я что, – показывая на свой заваленный бумагами стол, – этой работой раньше занимался что ли? Иди и работай!»

Вот так тема моих научных исследований – личность преступника – догнала меня на самой что ни на есть практической работе в высшем законодательном органе страны.

Выйдя от Хасбулатова, я стал соображать. Коли в аппарате Верховного Совета есть заведующий отделом помилования, то есть и сам отдел помилования. Вот с ним я и решил познакомиться в первую очередь. Нашел отдел помилования, его заведующего Иванушкина, представился ему и попросил собрать весь отдел, чтобы познакомиться с его работниками. В отделе оказалось 50 работающих юристов. Они изучали материалы уголовных дел и другую документацию по делам, которые предстояло рассматривать Комиссии.

Не будем забывать, что в Уголовном кодексе РСФСР была в то время такая высшая мера наказания, как расстрел, и все дела этой категории – осужденных к высшей мере наказания – расстрелу, проходили через Комиссию по помилованию. В отделе помилования была даже несколько обособленная группа работников, которые занимались лишь этой категорией дел, они даже сидели в отдельной комнате.

На следующий день состоялась моя встреча с работниками отдела. Я представился, сообщил, что в научном плане занимаюсь изучением личности преступника, охарактеризовал других членов Комиссии, сообщил, что заседания Комиссии будут проходить в открытом режиме для народных депутатов, а итоги ее работы, в том числе по каждому делу с высшей мерой наказания, будут докладываться на заседаниях

Президиума Верховного Совета, решения которого являются окончательными.

В открытой печати относительно института помилования в те годы почти не было никаких публикаций. Поэтому я решил несколько сгладить этот недостаток и донести до юридической общественности складывающуюся новую практику реализации этого правового института¹.

Заседания Комиссии проходили весьма бурно, в особенности когда рассматривались дела о высшей мере наказания – смертной казни. В составе Комиссии были как принципиальные противники применения смертной казни, так и ее сторонники. Я сразу же взял себе за правило изучать каждое дело, по которому был вынесен смертный приговор. Раньше возможности знакомиться с такими делами и в таком количестве у меня не было, хотя, конечно же, изучение материалов уголовных дел для меня было не в новинку: собирая материалы и информацию для кандидатской и докторской диссертаций, я провел немало дней как за изучением судебной практики, так и в спецчастях колоний для осужденных за изучением их личных дел.

Но теперь я обязан был выносить по ним свои решения. Дел подобного рода было значительное число, по фактам они были одно страшнее другого. От человеческой жестокости, с которой порой совершались убийства, становилось, что называется, не по себе.

В этих условиях я выработал для себя следующее правило: если человек убил одного человека, можно говорить о помиловании, но если человек убил двух и более лиц, он потерял

---

¹ Журнал «Советская юстиция» № 12 за 1991 год.

право на жизнь, и по нему следовало приводить приговор в исполнение.

Я глубоко убежден, что наличие смертной казни в уголовном законодательстве такой большой, разнонаправленной по своему национальному составу и уровню культуры страны, как Россия, имело бы сдерживающее профилактическое значение.

Заседания Президиума Верховного Совета начинались обычно во второй половине дня. Вопросов в повестке дня всегда было много, обсуждения порой принимали бурный характер, и заседания затягивались. Наш вопрос обычно ставился в конце заседания, но все равно при этом нередко присутствовали и представители прессы, и какие-то другие люди. Это же был период, как я его окрестил, «расхристанной демократии». При этом получали огласку и фамилии осужденных, и наши решения по их делам, что, по моему мнению, не следовало бы оглашать при посторонних.

Мне это не очень нравилось, но не я же здесь был главным. Вел заседания практически всегда Р.И. Хасбулатов. Члены Президиума Верховного Совета сидели за общим длинным столом, а я и заведующий отделом помилования Иванушкин – за отдельным столом, сбоку от большого стола. Я докладывал с трибуны Президиума фабулы дел и решения по ним нашей Комиссии, а Иванушкин считал поднятые руки членов Президиума при голосовании за то или иное решение и сообщал эти цифры Хасбулатову. Если решение по тому или иному делу не принималось, дело откладывалось на повторное рассмотрение Комиссии через месяц, а я докладывал следующее дело.

Процедура шла не быстро, заседания затягивались допоздна, и когда они заканчивались, работников аппарата уже не

было на работе. Я и Иванушкин приносили документы в мой кабинет.

Протокол заседания по вопросу писался на следующий день. Я шел на остановку троллейбуса и ехал до гостиницы «Россия»¹, где тогда жили все иногородние депутаты. Иногда я захватывал некоторые материалы с собой, чтобы с ними еще поработать вечером.

Так продолжалось несколько месяцев, пока со мной не произошел настороживший меня казус.

В один из дней, в довольно позднее время, когда я возвращался после очередного заседания Президиума Верховного Совета, в вестибюле гостиницы «Россия» ко мне неожиданно подошел военнослужащий в звании майора; обратившись ко мне по имени отчеству, попросил его выслушать. Я остановился и услышал исповедь отца о сыне, приговоренном к высшей мере наказания. Ситуация была не из приятных. Я помнил это дело, но что я мог сказать у гостиничного лифта, находясь среди других людей. Благо, что он вел себя не агрессивно, могло же быть и иначе.

Отец приговоренного к смерти сына видит перед собой человека, от которого многое зависит в его дальнейшей судьбе. В такой ситуации любой может повести себя как угодно. Как криминалист я понимал это. И что...

На следующий день я пришел к Хасбулатову, рассказал о вчерашнем инциденте и возможных последствиях подобных встреч в будущем.

---

¹ Некогда крупнейшая в Европе по количеству номеров гостиница «Россия» была снесена в 10-х годах XXI века. Сейчас на ее месте разбили Парк «Зарядье» с Парящим мостом.

Мне была выделена служебная машина, чтобы я не ездил со служебными бумагами в троллейбусе. На следующем заседании Президиума было принято решение о более строгом, конфиденциальном обращении с документами, поступающими от Комиссии по помилованию, и удалении с заседания Президиума при рассмотрении нашего вопроса всех посторонних лиц.

Работа в Комиссии по помилованию поглощала практически все мое время, и на работу по другим направлениям депутатской деятельности его не оставалось. При этом я как член Верховного Совета регулярно должен был присутствовать на заседаниях Палаты, изучать рассматривавшиеся законопроекты, участвовать в их обсуждении и голосовать по ним. Нельзя было забывать и о работе в Конституционной комиссии Съезда, да и о работе с избирателями в своем округе.

Зал заседаний палаты Верховного Совета был в то время совершенно не приспособлен для работы с документами. Я выбрал себя крайнее от прохода место, так как к нему было приделано еще откидное сиденье, на которое я сгружал приносимые с собой на заседания дела Комиссии по помилованию. Если обстановка позволяла, то читал их, делая необходимые пометки. Изученные дела складывал на пол около своего сиденья. И вот в очередной мой приезд в Томск жена вдруг спрашивает меня: «Ты что там роешься на полу? Я же вижу по телевизору!» Я ей ответил: «Это у меня там рабочий стол». Что называется, и смех, и грех.

Положение обязывало знать каждое дело до деталей, и я стремился этому соответствовать. Было отчетливое понимание и большой ответственности, и морального гнета принимаемых решений. Тем более, что на заседаниях Президиума

Верховного Совета я был от Комиссии в единственном числе: на мне лежала обязанность обосновывать решение Комиссии по каждому делу, мотивировать и убедить членов Президиума в его правильности.

Комиссия по помилованию рассматривала, конечно же, не только дела о смертной казни. В отдел помилования Верховного Совета приходили обращения осужденных и к другим мерам наказания. Этих дел были сотни, если не тысячи. И если из представленных документов было видно, что человек встал на путь исправления, соблюдает установленные для осужденных требования режима, достаточно добросовестно трудится на производстве, мы практически во всех случаях, хотя бы на немного, сокращали сроки отбывания наказания. Всякий человек должен получать по делам его, но в то же время у него должна быть видна перспектива и не утрачена надежда на лучшее.

Работа в качестве председателя Комиссии по помилованию стала моим основным занятием. Заседания Комиссии проводились еженедельно. Их надо было обеспечивать организационно. Назначенный моим заместителем народный депутат, кандидат юридических наук Кононов Анатолий Леонидович вел себя как-то пассивно и отстранился от организационных моментов работы. На участие в работе Комитета по законодательству и в Комитете по законности, правопорядку и борьбе с преступностью у меня просто не хватало времени. Бывал я там на заседаниях урывками и когда настоятельно приглашали для кворума.

В связи с введением в России института президентства и избранием на этот пост 12 июня 1991 года Б.Н. Ельцина часть депутатов перешла в формирующуюся Администрацию Пре-

зидента. Ушел туда правовым советником и С.М. Шахрай. Комитет по законодательству Верховного Совета возглавил мой старший, известный еще по Томскому университету, исключительно работоспособный и высокопорядочный человек, кандидат юридических наук Михаил Алексеевич Митюков.

На него выпала основная нагрузка по разработке и внесению поправок в Конституцию РСФСР 1978 года. Пока не было новой Конституции, «латали» старую. Было внесено не менее 300 поправок, но они лишь подтверждали имеющееся в среде конституционалистов правило: «Если вам не нравится Конституция, вносите в нее поправки, и она станет еще хуже!» Неувязки и противоречия между отдельными формулировками статей явно «вылезали» наружу. России срочно была нужна новая Конституция!

Работа над новой Конституцией первые месяцы после избрания (создания) Конституционной комиссии Съезда шла исключительно активно, но затем, в особенности после того, как Ельцин стал Президентом РСФСР, работа эта стала как-то тормозиться.

Возможно, отчасти это произошло потому, что внимание Съезда народных депутатов и Верховного Совета переключилось на решение другой государственно-строительной задачи – создание нового органа власти – Конституционного Суда России.

Глава 9.

Конституционный Суд РСФСР – РФ: от идеи – к реальности, или моя работа в Конституционном Суде

Ранее я писал о том, что впервые об идее создания Конституционного Суда в России услышал из уст Б.Н. Ельцина на собрании движения «Демократическая Россия», которое проходило в Москве на Арбате, 19 за некоторое время до начала работы I Съезда народных депутатов РСФСР. Это было скорее всего во второй половине апреля 1990 года. Собрание проходило два дня. Оба дня я и присутствовал на нем.

Поскольку еще ранее в решениях XVIII Партийной конференции КПСС впервые было упомянуто такое новое для отечественных юристов понятие, как «правовое государство» и в научной литературе уже встречались суждения о принципе разделения властей, нетрудно было догадаться, что задачей Конституционного Суда будет являться, в первую очередь, обеспечение реализации конституционного принципа разделения властей и верховенства Конституции.

Очищение текущего законодательства, а затем и судебной практики от всего, что не соответствует требованиям Конституции, есть задача и предназначение такого судопроизводственного органа власти, как Конституционный Суд.

Подобный орган власти на уровне Советского Союза уже существовал – это был Комитет конституционного надзора СССР. Я прекрасно помню прямую телевизионную трансляцию с заседания союзного Съезда народных депутатов, на котором был сформирован этот Комитет. На должность председателя этого комитета М.С. Горбачевым был предложен хорошо знакомый мне, как и всем юристам-ученым Союза, академик Владимир Николаевич Кудрявцев. Депутаты эту кандидатуру провалили по возрастному, якобы, критерию. Хотя никакого подобного критерия ни для председателя, ни для членов избираемого (создаваемого) Комитета не имелось. Против В.Н. Кудрявцева депутаты проголосовали, скорее всего, в пикку Горбачеву, а не лично против Кудрявцева.

Председателем Комитета Конституционного Надзора СССР тогда был избран С.С. Алексеев, профессор, специалист по теории права из Свердловского юридического института¹.

Конечно, это был не суд. Его решения носили не окончательный характер, они могли быть отменены решением Съезда народных депутатов. Но тем не менее решения Комитета по ряду вопросов сыграли свою прогрессивную роль в отечественном государствоведении. Вряд ли был прав В.Д. Зорькин – председатель Конституционного Суда РСФСР – РФ, когда в пылу полемики однажды в сердцах изрек в адрес названного Комитета: «Комитет конституционного позора!».

Никого и ничто этот Комитет не опозорил. Его короткая история – это история усилий ряда честных, выдающихся юристов из разных республик Советского Союза, стремив-

---

¹ В настоящее время Уральский государственный юридический университет.

шихся поднять престиж права и сделать дозволенный им шагок в сторону становления правового государства.

Зерно моего интереса к названному Комитету упало на благодатную почву, тем более, что одним из членов этого Комитета был назначен достаточно близко знакомый мне специалист по уголовному праву, наш томский профессор В.Д. Филимонов. Я решил навестить его сразу после собрания «Демократической России» на Новом Арбате, 19.

Комитет Конституционного Надзора СССР располагался в мало приспособленном для нормальной работы помещении в здании между библиотекой МГУ и Александровским садом, что примыкает к кремлевской стене у Троицких ворот Кремля.

Вадима Донатовича Фиилимонова на месте не оказалось. Но я познакомился с его помощником, сыном академика Кудрявцева Юрой – будущим многолетним руководителем Аппарата Конституционного Суда РФ до самого его переезда в Санкт-Петербург; к сожалению, Юра ушел из жизни в достаточно молодом возрасте. В беседе с Юрой я получил некоторое представление об организации работы в Комитете, рассматриваемых делах и о членах Комитета.

В Конституции РСФСР 1978 года имелась статья 119, которая предусматривала создание в РСФСР, по аналогии с Союзом ССР, Комитета Конституционного Надзора. Эта статья была принята еще законом РСФСР от 27 октября 1989 года. На первом Съезде народных депутатов РСФСР вопрос о создании этого Комитета или же (взамен его) Конституционного Суда возникал не раз, но официально не был включен в повестку дня. И до определенного периода я не особо вникал в этот вопрос: почти все мое время занимала

Комиссия по помилованию и непосредственная работа в качестве члена Верховного Совета РСФСР.

Четко помню свое выступление на Верховном Совете РСФСР по законопроекту о жертвах политических репрессий – это же непосредственно касалось моих родителей и всех братьев и сестер! Но и не только поэтому. Во время встреч с избирателями в Томске и области ко мне не раз подходили граждане и, называя конкретные адреса, говорили: «Вот это наш дом, его у нас забрали незаконно, пусть вернут!» Проблемы могли бы возникнуть нешуточные. В Законе «О жертвах политических репрессий» был найден другой путь – не возврат имущества в натуре, а выплата денежной компенсации, но и это при условии, что изымаемое имущество, в том числе жилое строение, было бы указано в материалах уголовного дела или в другом официальном документе тех лет, когда такое изъятие осуществлялось.

Так вот, эти ретивые большевички тридцатых годов прошлого столетия были не такими уж дурачками – никаких записей об изъятом имуществе зачастую в бумагах не значились. Так, например, в моей личной справке о реабилитации, полученной из Кемеровского управления внутренних дел, указывается: «Сведений об изъятом имуществе не имеется». Как будто предвидели, что когда-то в будущем могут ведь и спросить за незаконно изымаемое. Ах-ах-ах! Никто ни о чем, конечно, тогда не думал. Действовали под лозунгом: «Грабь награбленное». Хотя у абсолютного большинства, в особенности у таких, как мои родители, брали нажитое, заработанное своим трудом, а не награбленное, оставляя записи о том, что ничего не забирали. И надо же, через столько лет это сработало.

Да Бог с ним, с имуществом. Это я уже как юрист поднял эту тему. Хотя она является чрезвычайно важной для устойчивого экономического развития страны, поскольку показывает крайне неуважительное отношение коммунистического государства к праву собственности граждан как таковому. В то время как право социалистической собственности защищалось советским уголовным законодательством вплоть до расстрела¹.

Если не брать во внимание дореволюционный период истории, то, может быть, из этого глубокого презрения советского государства к праву собственности берут свои истоки современные проблемы российского бизнеса и граждан, связанные с «рейдерскими захватами», незаконно сфабрикованными уголовными делами с целью отъема бизнеса, изъятие и снос домов простых граждан в связи с тем, что они построены на земельных участках государственного лесного фонда, как будто в огромнейшей России право государства на лес имеет больший приоритет, чем право граждан на жилище.

Более реальный шаг в направлении создания Конституционного Суда в нашей стране совершил уже второй Съезд народных депутатов, проходивший с 27 ноября по 15 декабря 1990 года. Законом от 15 декабря «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» ст. 119 Конституции была изложена в такой редакции: «Конституционный Суд избирается Съездом народных депутатов РСФСР. Порядок избрания и деятельности Конституционного Суда

---

¹ В Уголовном кодексе РСФСР имелась статья 93.1, которая предусматривала за хищение социалистической собственности наказание вплоть до смертной казни.

РСФСР определяется законом РСФСР о Конституционном Суде РСФСР, утвержденным Съездом народных депутатов РСФСР».

Конституционный Суд в России был учрежден!

Весомое дополнение к его реальному утверждению внес IV Съезд народных депутатов. Законом от 24 мая 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» в статье 163 Конституции было включено положение о том, что Конституционный Суд РСФСР является частью судебной системы РСФСР, а в части 1 статьи 165 провозглашалось: «Конституционный Суд РСФСР является высшим органом конституционного контроля в РСФСР, осуществляющим судебную власть в форме конституционного судопроизводства. Конституционный Суд РСФСР состоит из 15 судей».

Интересно заметить, что к этому времени Верховным Советом уже был принят новый Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР». При этом не обошлось без некоторого казуса: Верховный Совет исключил из Закона главу 3 под названием: «Рассмотрение дел о конституционности правоприменительной практики». Но это был не казус, не случайность или заблуждение части членов Верховного Совета.

Как отмечает М.А. Митюков в своем труде «Штрихи к истории Конституционного Суда в России», депутаты – выходцы из правоохранительных органов, прокуратуры и судов общей юрисдикции увидели в Конституционном Суде не столько «конкурента» в сфере защиты конституционных прав граждан, сколько нового субъекта конституционного контроля за их деятельностью, обладающего существенными

правами. А потому решили еще в «зародыше» лишить его этих прав»¹.

Наиболее активными поборниками лишения Конституционного Суда права контролировать правоприменительную практику выступали народные депутаты: В.Г. Степанков, незадолго до этого ставший Генеральным прокурором РСФСР; Ю.М. Слободкин, председатель Солнечногорского городского суда Московской области, С.Г. Кехлеров, прокурор из Дагестана, вскоре ставший на долгие 25 лет заместителем Генерального прокурора России, а также некоторые другие.

У Верховного Совета достало мудрости перенести этот вопрос «ввиду его важности» на рассмотрение Съезда народных депутатов. Тем не менее IV Съезд народных депутатов (21–25 мая 1991 года) не утвердил Закон «О Конституционном Суде РСФСР», предложив Верховному Совету продолжить работу над ним.

На принятый уже 6 мая 1991 года Верховным Советом Закон поступило еще 180 поправок. Они были рассмотрены на совместном заседании обеих палат Верховного Совета, и в таком виде Закон повторно был вынесен на рассмотрение уже V Съезда народных депутатов.

V Съезд народных депутатов впервые и единственный раз в истории существования всех десяти Съездов проходил в два этапа: первый этап – с 10 по 17 июня 1991 года, второй – с 28 октября по 2 ноября 1991 года. Закон «О Конституционном Суде РСФСР» был принят на первом этапе работы Съезда. Причем Съезд своим голосованием не только принял

---

¹ Митюков М.А. Штрихи к истории Конституционного суда в России. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 48–49.

названный Закон в целом, но и включил в него исключенную ранее Верховным Советом главу 3 раздела 3 о правомочии Суда рассматривать и правоприменительную практику («сложившиеся обыкновения правоприменительной практики», как дословно сказано в Законе). Последующая практика рассмотрения Конституционным Судом РФ конкретных дел показала, что в действительности нередко при применении того или иного положения закона в судебной практике судов общей юрисдикции или других правоприменителей наблюдаются отклонения от истинного (по мнению Конституционного Суда) конституционно-правового смысла той или иной нормы.

И это нормальное положение. Только Конституционный Суд как единственный толкователь Конституции вправе устанавливать (выявлять) такого рода смысл всякой правовой нормы и давать предписания по ее дальнейшему применению на практике.

И стоило народным депутатам ломать копыя, а некоторым и лезть «из кожи вон», стремясь лишиться будущей Конституционный Суд России права не только «выправлять» в соответствии с Конституцией писанные нормы законов, но и практику их применения!

Эта борьба «конституционалистов» и «практиков обычного правоприменения» продолжалась еще тридцать лет. В 1993 году при принятии новой Конституции Российской Федерации сторонники так называемых «практиков» в первую очередь усилиями Верховного Суда во главе с его Председателем В.М. Лебедевым, использовав попадание Конституционного Суда России в опалу, о чем я расскажу чуть позднее, смогли исключить из статьи 125 проекта Кон-

ституции Российской Федерации полномочие Конституционного Суда о проверке правоприменительной практики, что на долгие годы создало для Верховного Суда РФ возможность фактически самостоятельно решать, когда и как применять правовые позиции Конституционного Суда, а когда их просто игнорировать.

В 2020 году «конституционалисты» взяли реванш, поскольку при масштабной правке Конституции Российской Федерации пункт 6 статьи 125 Конституции был дополнен вторым предложением: «Акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, не подлежат применению в ином истолковании».

На основании вышеуказанной поправки в части 6 статьи 125 Конституции, в статьях 74 и 79 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон о КС РФ 1994 года) в 2020 году были внесены следующие изменения: Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, **так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой**, а также исходя из его места в системе правовых актов (ч. 2 ст. 74).

Теперь остается надеяться на активность практикующих юристов, адвокатов и верить в их профессионализм и желание внести свой вклад в построение правового государства в стране, поскольку именно они должны добиваться на основе вышеуказанных положений Конституции и Закона о Конституционном Суде Российской Федерации неукоснительного

выполнения актов Конституционного Суда России Верховным Судом Российской Федерации и подведомственными ему судами, правоохранительными и контролирующими органами государства.

Но вернемся в 1991 год.

Практически получилось так, что и принятие первого Закона «О Конституционном Суде РСФСР», и процесс избрания первого состава судей этого суда – эти два процесса шли как бы параллельно. Причем по времени эти два процесса наложились на еще одно нештучное по правовой важности событие в жизни Российской Федерации – постановку и решение вопроса о введении института президентства в нашей ныне суверенной стране.

Во время работы III Съезда народных депутатов, 3 апреля 1991 года, при выработке и принятии постановления по вопросу о политическом и социально-экономическом положении в РСФСР некто депутат Степанов одним из пунктов этого постановления предложил, чтобы Верховный Совет к очередному Съезду народных депутатов подготовил и принял ряд законов, в том числе о порядке избрания Президента, а также подготовил проект конституционных изменений и дополнений, предусматривающих введение должности (поста) Президента РСФСР, а также подготовить состав Конституционного Суда.

Предложенная поправка Степанова была принята за основу, и правотворческое колесо в этом направлении, что называется, завертелось...

Как известно, выборы Президента РСФСР состоялись 12 июня 1991 года. И первым Президентом РСФСР стал Б.Н. Ельцин. Но при этом оказалась вакантной должность

Председателя Верховного Совета РСФСР, а по действовавшей в то время конституционной норме кандидатуры судей Конституционного Суда РСФСР для избрания их на Съезде народных депутатов должен был вносить Председатель Верховного Совета, какового на этот момент фактически не было.

День 12 июня 1991 года был не только днем выборов Президента РСФСР, но и государственным праздником – годовщиной принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

В этот день состоялось большое представление в концертном зале «Россия», который был, по существу, частью гостиницы «Россия»¹. В зале были в основном народные депутаты РСФСР со своими вторыми половинами, пришел туда и Б.Н. Ельцин с супругой. Зал приветствовал их стоя и аплодисментами. Царило приподнятое настроение.

Где-то в это время и началось формирование списка кандидатов в состав судей будущего Конституционного Суда РСФСР. Право выдвижения кандидатур было предоставлено депутатским группам и фракциям, комитетам и комиссиям Верховного Совета, коллегиям правоохранительных органов власти, высшим судам и высшим органом власти республик, входящих в состав РСФСР, высшим учебным заведениям юридического профиля.

Право предварительного рассмотрения кандидатур было возложено на три комитета Верховного Совета: Комитет по законодательству, Комитет по правам человека и Комитет по законности, правопорядку и борьбе с преступностью.

---

¹ Концертный зал «Россия» – единственное, что после сноса гостиницы «Россия» осталось в парке «Зарядье». Но и этот концертный зал фактически был выстроен заново по современному проекту.

В списке претендентов на должность судей оказалось 38 человек, в том числе и я. Меня выдвинула депутатская фракция «Россия», возглавляемая С.Н. Бабуриным. Все мы соответствовали критериям, изложенным в статье 12 Закона «О Конституционном Суде РСФСР»: соответствующий возраст, широкие познания в области права, высокая квалификация, моральные качества, необходимые для исполнения обязанностей судьи Конституционного Суда, и стаж работы по юридической специальности не менее 10 лет. Каждый из претендентов был заслушан на совместном заседании названных комитетов, где присутствовали 33 члена этих комитетов. Затем состоялось тайное голосование по каждой кандидатуре, и на 15 мест в суде были рекомендованы 21 претендент, набравшие наибольшее число голосов. Я попал в этот список. Так прошел первый этап отбора.

Результаты работы комитетов были доложены и обсуждены на заседании Верховного Совета, докладчику была задана масса вопросов. Особенно остро ставился и обсуждался вопрос о возможности включения в обсуждаемый список народных депутатов РСФСР. В итоге все же было принято положительное решение и по этому вопросу.

Выборы судей первого состава Конституционного Суда состоялись на втором этапе V Съезда народных депутатов, 29–30 октября 1991 года. Вносил кандидатуры только что избранный Председателем Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов.

Он внес 23 кандидатуры на 15 мест. Было проведено тайное голосование с применением электронной системы. В результате первого тура голосования избранными оказались лишь десять судей, в то время как для начала работы Суда необходимо было иметь 4/5 его состава, то есть минимум 12 судей. Я был избран в первом туре голосования.

На следующий день, 30 октября 1991 года, было проведено еще два тура голосования по кандидатурам, набравшим до этого наибольшее число голосов, и в результате было избрано 13 из 15 судей. Конституционный Суд был сформирован! В числе 13 «счастливиц» оказался и я.

Не могу не сообщить здесь, что по моей кандидатуре было одно выступление на Съезде «против». Это был народный депутат, профессор ТИАСУРа (ныне – ТУСУР) А.В. Кобзев. Суть его претензий ко мне состояла в том, что я, дескать, своими голосованиями по ряду вопросов на Съездах отошел от своей предвыборной демократической программы и потому не заслуживаю доверия. Это меня буквально взбесило, и я тут же ринулся к трибуне Съезда с ответным словом. Прямо перед трибуной меня остановил председательствующий на Съезде Р.И. Хасбулатов. Жестами и словами он упрямил меня не выступать.

Я не стал поднимать скандал с новым Председателем Верховного Совета (из предыдущего изложения читатель может составить представление о моих неплохих отношениях с Русланом Имрановичем). Но вернувшись в зал на свое место, я просто покрыл Кобзева матом и пообещал, открыв частную тюрьму (в то время предложения об этом с завидной периодичностью стали появляться на страницах прессы), посадить его туда, так как считал его заявление лживой клеветой¹.

Я человек дела, а не игр в демократию.

---

¹ После завершения депутатской карьеры А.В. Кобзев в течение 10 лет (с 1999 по 2009 год) был ректором ТУСУРА. Спустя много лет после этого конфликта на одном из юбилейных мероприятий, посвященных 120-летию Томского государственного университета, состоялось мое примирение с А.В. Кобзевым.

Могу лишь добавить, что по моей кандидатуре результаты голосования были таковы: за – 589, против – 289 голосов.

В этот же день, 30 октября 1991 года, избранные судьи Конституционного Суда принесли присягу честно и добросовестно исполнять обязанности судьи, защищать конституционный строй и верховенство Основного закона РСФСР, подчиняясь только Конституции, никому и ничему более. Каждый из нас выходил на трибуну Съезда, зачитывал вслух текст присяги и тут же ее подписывал.

Ставшие судьями Конституционного Суда пятеро народных депутатов, в том числе и я, сложили с себя депутатские полномочия.

Все! Дело сделано. Совершен новый шаг в жизни. Я стал судьей Конституционного Суда своей страны, нового органа власти, причем власти судебной, где в полной мере могут быть использованы мои профессиональные, правовые знания.

Судей-то избрали, но суда-то как такового, как учреждения, не было. Не было помещения, не было ни одного человека из аппарата суда, не было НИ-ЧЕ-ГО! Не всякому человеку выпадает в жизни такая возможность – участвовать в создании, что называется, на голом месте совершенно нового органа власти.

Но вначале предстояло избрать руководство Конституционного Суда: председателя, его заместителя и секретаря суда.

Следует здесь же отметить, что само по себе такое явление как избрание голосованием самих судей руководства суда было невиданным для судебной системы проявлением демократизма. Нигде более в судебной системе России подобное допущено не было. В 2018 году этот порядок был ликвидирован и в Конституционном Суде РФ.

Так и хочется воскликнуть: ликвидировано, а жаль! Как можно не доверять коллегии судей самого Конституционного Суда избрание своего руководства?

Авторитаризм просто сидит намертво в голове наших руководителей – управлять всем и вся из единого центра. Боязнь того, что вдруг судьи изберут «не того». Кому-то виднее, чем самим судьям, кого следует назначить к ним руководителем.

Но зато тот, кто не самими судьями, а кем-то там, свыше будет рекомендован и назначен, должен будет до конца дней своих быть благодарен этому кому-то и об этом ни на минуту не забывать.

Тут тебе и начало, тут тебе и конец «самостоятельности судебной власти», о которой говорится в статье 10 Конституции Российской Федерации. Не за Суд даже, за Державу обидно!

Вернемся к истории. Поздно вечером 1 ноября 1991 года после окончания работы V Съезда все избранные судьи собрались во внутренних помещениях Кремля на так называемой собственной половине и приступили к избранию своих руководителей. Председательствующим на собрании избрали меня.

Слово взял Гадис Абдуллаевич Гаджиев и, как он сам выразился, «по праву самого младшего» выдвинул на пост Председателя Суда кандидатуру Валерия Дмитриевича Зорькина.

Судьи Тамара Георгиевна Морщакова и Эрнест Михайлович Аметистов поддержали эту кандидатуру. Мне даже показалось, что они уже заранее переговорили между собой и наметили тактику действий. О.И. Тиунов предложил на пост председателя Владимира Ивановича Олейника.

Провели тайное голосование. Победил В.Д. Зорькин (за – 8, против – 5 голосов).

После этого вполне логичным выглядело последовавшее со стороны В.Д. Зорькина предложение избрать его заместителем Н.В. Витрука (они до этого работали на одной кафедре в Академии МВД СССР). Только если раньше начальником был Витрук, а Зорькин – рядовым профессором на его кафедре, то теперь они как бы поменялись местами.

На пост заместителя председателя суда было предложено вначале несколько кандидатур, в том числе была названа и моя фамилия. Прошел я и во второй тур голосования на эту должность, но в следующем решающем туре я все же отдал свой голос за Витрука. И он стал заместителем Председателя (за Витрука 7 голосов, за меня 5).

Я и Николай Васильевич Витрук были выпускниками одного вуза – юрфака Томского Университета, оба мы из семей репрессированных, сосланных в Сибирь, только он с Украины, а я с Урала. Он был более спокойным, уравновешенным человеком. Уже несколько лет до этого жил и работал в Москве, к тому же он был специалистом по конституционному праву. Взвесив все эти обстоятельства, в решающем туре голосования я отдал свой (7-й решающий для большинства) голос.

Последующие перебитии с постом Председателя Конституционного Суда, когда после трагических событий октября 1993 года В.Д. Зорькин подал в отставку, а Н.В. Витрук, опять же по моему предложению, стал уже не заместителем Председателя, а исполняющим обязанности Председателя, все добрые товарищеские отношения и другие моменты были просто отброшены, а верх взяли чисто карьерные соображения. Но это было потом. А сейчас, 1 ноября 1991 года, секретарем Суда был избран Юрий Дмитриевич Рудкин, и формирование руководства Суда было завершено.

На следующий день нас всех, только что избранных судьей Конституционного Суда, принял в Кремле Президент РСФСР Б.Н. Ельцин. Первым делом он поздравил нас с избранием судьями, а затем состоялся неформальный разговор по различным вопросам, которые возникали у нас и по которым нам хотелось выяснить его позицию или мнение.

Вначале мы обсудили интересующий всех вопрос о возможном месте нашего пребывания, то есть о здании, в котором мы могли бы разместиться. В это время, поздней осенью 1991 года, прекращали свое существование некоторые союзные органы власти и организации. Услышав вопрос, Б.Н. Ельцин с присущей ему широтой тут же ответил: «Любое здание в Москве, которое вам подойдет, будет вам предоставлено!» Это отражало понимание Б.Н. Ельциным высокого статуса созданного при его непосредственном участии Суда, который получил полномочия окончательно отменять акт любого другого органа власти, если он не соответствует Конституции, без возможности его повторного принятия. Так что руки у нас в этом отношении были, что называется, развязаны.

Помню, что В.И. Олейник спросил его: «Нельзя ли нам, бывшим до этого народными депутатами, сохранить себе на память депутатские удостоверения?» На это Борис Николаевич добродушно отметил: «Конечно, у меня дома вот такая (и поднял высоко руку) стопка подобных удостоверений».

Встреча проходила в максимально дружелюбном тоне. В конце ее все мы сфотографировались с Борисом Николаевичем на общую фотографию, которая и поныне хранится у меня дома.

Разошлись в самом хорошем расположении духа. На первое время нам было выделено две комнаты в помещениях

Верховного Совета, где мы и стали собираться и решать наши неотложные вопросы: здание, зарплаты, жилье, структура и численность создаваемого аппарата, и прочее, прочее, прочее.

Вскоре Верховный Совет рассмотрел вопрос и определил должностное соотношение в оплате труда в структурах высших органов всех трех ветвей власти, согласно которому верхний предел заработной платы Председателя Конституционного Суда РСФСР был приравнен к должностному уровню Президента РСФСР и Председателя Верховного Совета РСФСР.

Говоря другими словами, зарплата трех руководителей высших органов власти была уравнена, а зарплата заместителя Председателя Конституционного Суда, секретаря Суда и судей определялась в процентном отношении к этому уровню будучи несколько ниже.

Во второй половине ноября 1991 года согласно Закону «О Конституционном Суде» Верховный Совет утвердил штатную численность Секретариата Суда – 247 человек. Эта численность была определена нами, мягко говоря, довольно условно, а если уж совсем откровенно, то взята, что называется, «с потолка».

Прежде всего надо сказать, что при построении структуры аппарата Суда у нас не было никакого образца, как не было какого-либо опыта в решении подобного рода задач. Мы всё делали с «чистого листа». Были лишь общие представления о том, что должен быть какой-то небольшой аппарат у каждого судьи и у каждого руководителя Суда; должны быть отделы по отдельным отраслям права и отделы по обеспечению судопроизводственной деятельности Суда. Кроме этого, должны были быть, как и в других органах государственной вла-

сти, управление делами, бухгалтерия, отдел кадров и другие вспомогательные службы (редакционно-издательский отдел, отдел по связям со средствами массовой информации и т.п.).

В самом начале при построении аппарата было достигнуто одно принципиального характера общее соглашение всех судей и руководства Суда: работники личного аппарата судей принимаются на работу и могут быть уволены лишь с согласия самого судьи. В личном аппарате каждого судьи было по три штатных единицы: две – творческие работники с юридическим образованием, третий – личный помощник-секретарь. Позднее, побывав в Верховном Суде США, я узнал, что у них в аппарате каждого судьи семь помощников. Правда, судей там с момента принятия в 1787 Конституции США всего было и есть 9 человек, и эту должность судьи занимают пожизненно или пока сам судья не уходит в отставку. Это так, к слову.

С самого начала при наборе сотрудников своего личного аппарата я решил, что у меня будут работать только выпускники юридического факультета Томского госуниверситета и это обещание сдержал.

Вскоре у меня уже работал Анатолий Трофимович Усольцев, кандидат юридических наук, ученый секретарь одного из московских институтов, и бывший прокурор города Истры и Истринского района Московской области Юрий Владистинович Макаров. Оба они были выпускниками юрфака ТГУ разных лет, работали хорошо. Никаких забот и проблем по работе с ними я не знал.

Так продолжалось до событий 3–4 октября 1993 года, когда после расстрела здания Верховного Совета («Белого дома») и ареста народных депутатов Президентом Ельциным деятельность Конституционного Суда также была приостано-

новлена Указом Президента РФ № 1612 от 7 октября 1993 года.

Но я опять забежал вперед.

Первым делом нам надо было определиться с помещением для Суда. Ясно, что надо бы разместиться где-то недалеко от Кремля и от Дома Правительства. Так, мы с Н.В. Селезевым посетили и осмотрели одно здание, которое находилось напротив Кремля, с другой стороны Москва-реки. Нам нужно было здание, в котором имелось бы не менее 13 примерно одинаковых приличных кабинетов (по числу судей). Здесь мы обнаружили таких кабинетов лишь 7 – это были кабинеты министра и его заместителей. В другом здании оказалось небольшое подвальное помещение, где могли бы разместиться будущие служебные автомобили судей.

В итоге наш выбор остановился на здании по ул. Ильинка, 21, где ранее размещалась Контрольная палата Верховного Совета СССР, а еще ранее – Комитет народного контроля СССР. До революции здание принадлежало предпринимателям и меценатам братьям Рябушинским, где у них находился банк.

В этом здании было не просто коридорное размещение кабинетов по этажам, а на каждом этаже имелось несколько как бы тупиковых ответвлений от коридоров, в конце которых располагались еще отдельные самостоятельные офисы по три кабинета в каждом. Так что в каждом таком офисе размещались кабинет судьи, его приемная и по одному кабинету для каждого из помощников. Хорошо, однако, устроились народные контролёры СССР. А может быть, так задумывали изначально братья Рябушинские? За давностью лет уже точного ответа не сыскать.

Хватало помещений и для отделов секретариата, и для других подразделений аппарата Суда. Имелся небольшой зал ря-

дом с кабинетом председателя, где мы стали проводить рабочие заседания по принятию к производству поступающих в Суд обращений, по выработке решений по уже заслушанным в гласной части заседания судебных дел и совещания судей по другим вопросам. Этот зал и стал нашей совещательной комнатой, которая должна быть в каждом суде.

Имелся в здании и зал больших размеров, где мы проводили публичные заседания и где были места для публики и представителей прессы.

Через несколько лет были проведены ремонт и модернизация помещений с учетом выявившейся специфики работы Конституционного Суда, сделавшие это здание еще более функционально приспособленным для работы.

Сразу же после создания Конституционного Суда Российской Федерации к нам стали поступать обращения граждан. Сейчас первые обращения граждан в Суд смотрятся как челобитная царю. Помимо граждан, правом на обращение в Конституционный Суд РФ обладали как отдельные органы государственной власти, так и народные депутаты РСФСР, чем некоторые из них практически сразу и воспользовались.

Надо было так случиться, что 19 декабря 1991 года Б.Н. Ельцин как Президент РСФСР, издал Указ за № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел», в котором объединил в одном ведомстве КГБ и МВД РСФСР.

Создавалось впечатление, что это была некая правовая провокация со стороны нашего новоиспеченного Президента.

Посудите сами. Ведь именно эти два наркомата (а затем и министерства) были ранее, в 30-е годы, объединены в одно ведомство под руководством Лаврентия Берии. Именно это ведомство и творило беззакония и расправы во времена Сталина.

Народные депутаты РСФСР приняли закон о введении поста Президента Страны, народ избрал на этот пост общероссийского демократа Б.Н. Ельцина, и что он тут же утворил?

В Конституционный Суд РСФСР посыпались градом обращения и просьбы народных депутатов в ускоренном порядке рассмотреть вопрос о конституционности названного Указа Президента РСФСР. Верховный Совет РСФСР в соответствии со своими конституционными полномочиями уже 26 декабря 1991 года принял Постановление «Об Указе Президента РСФСР № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР», в котором предложил Президенту отменить названный Указ.

В Конституционный Суд поступили обращения председателей пяти комитетов Верховного Света РСФСР с просьбой ускорить рассмотрение этого дела. Нас теребили, со всех сторон, чтобы Суд скорее рассмотрел это дело.

Так волею судьбы и конкретных обстоятельств дело о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» стало первым делом в истории новоявленного органа конституционного правосудия.

На рассмотрение первого дела Суд вышел в полном составе. Интересно было наблюдать, как в качестве представителей сторон выступали двое недавних коллег – народных депутатов: от группы народных депутатов – Михаил Алексеевич Митюков, а в качестве представителя Президента как стороны, издавшей данный Указ, – Сергей Михайлович Шахрай. Оба они в недавнем прошлом были на других должностях – Шахрай был председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству, а Митюков – его заме-

стителем в этом же комитете. Но С.М. Шахрай после избрания Б.Н. Ельцина Президентом перешел в Правительство на должность одного из заместителей Председателя Правительства и уже получил звание государственного советника РСФСР по правовой политике, а М.А. Митюков занял место председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству. Здесь же, в этом деле, они представляли как бы две тяжущиеся, противоположные стороны.

По существу разрешения поставленного в ходатайстве группы народных депутатов вопроса о соответствии или несоответствии Конституции Указа у судей не было расхождений. Единогласно он был признан несоответствующим Конституции РСФСР. Но Суд не остановился на констатации этого своего решения. В соответствии со статьей 65 Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» он назвал и разъяснил вытекающие из своего решения правовые последствия.

Так, он признал утрачивающим юридическую силу и предписал считать недействующим основанные на рассматриваемом Указе другие нормативные акты или их отдельные положения, равно как и вернул к действию акты, отмененные или прекратившие свое действие в связи с изданием отмененного Указа. Тем самым суд привел все основанные на Указе правоотношения в состояние, существовавшее до его издания.

Был Указ и нет его. Суд все вернул на круги своя. Что еще произвело на меня прямо-таки магическое впечатление при оглашении данного постановления, так это слова: «Постановление вступает в силу немедленно после его провозглашения, является окончательным и обжалованию не подлежит».

Никаких мурашек при произнесении этих слов у меня по телу не бегало. Суд – это вам не эстрада, и не песенки тут поются, а решаются жизненно-важные проблемы.

Но почти всякий раз на протяжении моих 10 лет судейства в Конституционном Суде РФ я воспринимал эти повторяющиеся при каждом провозглашении постановления Суда слова с одним чувством: «Все, баста, решено окончательно и бесповоротно! Нечего по этому поводу (вопросу, проблеме) больше спорить и разглагольствовать. Решение принято, оно окончательное и обжалованию не подлежит».

Все 10 лет, когда оглашение очередного решения суда доходило до этого момента, я напрягался и пристально смотрел в зал: а интересно, кто-нибудь как-нибудь прореагирует на эти слова. Я, когда слышал эти слова, внутренне всегда напрягался.

Я уже где-то вроде бы упоминал, что мы, судьи первого состава Конституционного Суда России, были первопроходцами появившегося у нас российского конституционного судопроизводства. Суд нарабатывал практику, совершенствовалась процедурная сторона его работы. Так, в решениях по первым рассмотренным нами делам нет упоминаний о судье – докладчике. А именно этот судья организовывал и осуществлял практически всю подготовительную работу по очередному делу. С его доклада начиналось рассмотрение дела по существу, он готовил и рассылал до этого письма-запросы в другие органы власти и суды, письменно информировал других коллег – судей – о получаемой информации, чтобы у них, а затем и у присутствующих в зале слушателей складывалось представление о «внутренней кухне» работы суда по делу. Я не помню случая, чтобы какое-то должностное лицо не ответило на письмо-запрос из Конституционного Суда.

Правда, вспоминается один случай, когда после оглашения решения тогдашний Министр внутренних дел РСФСР, некто В.В. Ерин, позволил себе в публичном выступлении неуважительно отозваться о решении Суда. В то время было особенно модным упрекать суд в политизированности решений. Вот и Ерин упрекнул Конституционный Суд: он, дескать, принял не правовое, а политизированное решение. Видимо, кто-то из журналистов, присутствующих на этом выступлении, ознакомил председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина с записью. Из выступления Ерина было видно, что он даже как следует не изучил наше решение, скорее всего он его и не читал.

Открывая очередное заседание Суда, В.Д. Зорькин резко высказался в адрес Ерина и предупредил его о недопустимости подобных высказываний.

В другой раз мы оштрафовали главного редактора какой-то газеты за отказ опубликовать в течение 10 дней наше решение.

Думаю, что названные действия были правомерными – надо было воспитывать уважительное отношение к Конституционному Суду, коли мы уже заявили в Конституции Российской Федерации о своих притязаниях называться правовым государством.

Безусловно, наиболее сложным, нервно-затратным, не говоря о длительности рассмотрения было дело КПСС – так его называли в народе. Юридически грамотно его название формулировалось так: «Дело о проверке конституционности Указов Президента РФ Б.Н. Ельцина, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».

Не знаю даже, все ли современные граждане Российской Федерации могут с ходу расшифровать аббревиатуры КПСС, КП РСФСР. Пожалуй, следует их все же пояснить.

КПСС – это Коммунистическая партия Советского Союза, а КП РСФСР – Коммунистическая партия Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (так звучало в советское время полное наименование нашего нынешнего государства, а точнее – одной из республик бывшего Советского Союза, существовавшее все советское время).

События 19–21 августа 1991 года, выразившиеся в появлении печально известного ГКЧП (Государственный комитет по Чрезвычайному положению), – это попытка совершения государственного переворота с целью помешать принятию (заключению) нового Союзного договора, явилась толчком к активному процессу распада СССР.

Хронологически эти события произошли до создания Конституционного Суда РСФСР – РФ и были предметом рассмотрения Суда лишь в определенном аспекте. В целом все, что связано с ГКЧП, мы не рассматривали и не давали оценок.

Замечу кстати, что современное название – Российская Федерация – Россия – наше государство получило 16 апреля 1992 года путем голосования на VI Съезде народных депутатов РСФСР. Причем голосование по новому названию нашего государства было не простым, голосовали несколько раз, предложения были разными, что нашло отражение в статье 1 нынешней Конституции РФ, где прямо говорится, что наше государство имеет по сути два названия – Российская Федерация – Россия; оба названия равнозначны.

Но это так, замечания по ходу изложения.

Не лишним будет упомянуть здесь и о сущности слова «конституционность». Под этим понятием подразумевается соответствие Конституции РФ того или иного нормативного акта или его части. В данном случае речь идет о соответствии Конституции РФ указов Президента РФ.

Так вот, в «деле КПСС» рассматривались три Указа Президента РФ: Указ от 23 августа 1991 года «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», Указ от 25 августа 1991 года «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и Указ от 6 ноября 1991 года «О деятельности КПСС и КП РСФСР».

Само по себе дело в Конституционном Суде РФ возникло в результате обращения группы народных депутатов РСФСР численностью 37 человек с просьбой проверить на соответствие Конституции вышеназванных указов Президента.

В ходе подготовки этого ходатайства к рассмотрению в Суд поступило также ходатайство других народных депутатов РСФСР (более 70 подписантов) о проверке конституционности самой деятельности КПСС и КП РСФСР как политических партий.

25 мая 1992 года Конституционный Суд Российской Федерации своим решением соединил эти дела в одном производстве. Позднее Суд также решил, что вопрос о конституционности Указов Президента является основным, а вопрос о конституционности партий – сопутствующим. Суд также определил, что судьями-докладчиками по этому делу ввиду его сложности и обилия представленных документов будут выступать двое судей: В.О. Лучин и А.Л. Кононов. Но при решении вопроса о судьях-докладчиках Суд учитывал, что по своей направленности и умунастроению эти двое судей пред-

ставляли как бы два подхода к оценке материалов дела: Виктор Осипович Лучин был приверженцем коммунистических взглядов, а Анатолий Леонидович Кононов относил себя, если можно так выразиться по отношению к судье, к «лагерю демократов», где было принято отрицать и охаивать все прежнее, в том числе и деятельность КПСС и вообще все советское. Ранее я уже где-то упоминал о Кононове, так как до избрания его судьей Конституционного Суда он был народным депутатом и моим заместителем в Комиссии Президиума Верховного Совета по вопросам помилования.

Теперь о самом разбирательстве по делу.

Конституционному Суду практически при каждом рассмотрении дела приходится разбираться не только в вопросах права, но и в вопросах, относящихся к предмету других наук, чаще всего гуманитарной направленности: истории, философии, политологии, педагогике и других. Закон о Конституционном Суде позволяет суду во всех подобных случаях обращаться к специалистам в других науках и заслушивать их суждения в форме заключений экспертов.

По описываемому делу, где по сути рассматривалась не только многолетняя деятельность одной политической партии – КПСС, но и деятельность советского государства, потребность в суждениях и выводах представителей многих наук была особенно актуальной. К заключениям экспертов прибегал не только сам Суд, но и стороны процесса. В итоге было заслушано, рассмотрено по различным вопросам и приобщено к материалам дела более 100 заключений экспертов.

Аппарат Конституционного Суда также был задействован в подготовке материалов к их рассмотрению в Суде, в частности, в предоставлении информационно-аналитического ис-

следования зарубежного законодательства о деятельности партий в других странах, да и по другим аспектам дела.

Открытая часть судебного процесса по «делу КПСС» в общей сложности проходила с 26 мая по 30 ноября 1992 года, то есть практически полгода. При этом следует отметить, что в течение этого периода по разным причинам Судом объявлялось несколько перерывов. Разумеется, в силу действовавшего тогда правила непрерывности рассмотрения дела (тогда он считался принципом, а сейчас не только Конституционный Суд, но и все суды отказались от этого принципа и могут рассматривать несколько дел одновременно, а не последовательно) Суд и Судьи во время перерывов не занимались рассмотрением иных дел. Все внимание было сконцентрировано на «деле КПСС».

Не будем забывать, что ни у кого из нас, судей, как и у всех юристов СССР, не было опыта ни в ведении подобного процесса, ни в разрешении возникающих по его ходу тех или иных вопросов. Да и вообще, до появления 30 октября 1991 года Конституционного Суда РСФСР у нас не было не только конституционного судопроизводства как отдельного вида судопроизводства, у нас не было какого-либо упоминания о таком судопроизводстве.

В Законе «О Конституционном Суде РСФСР» от 6 мая 1991 года процедурным вопросам его деятельности было уделено незначительное место, потому что его разработчики, народные депутаты РСФСР, среди которых был и я, члены Комитета по законодательству Верховного Совета мало что могли написать ввиду отсутствия соответствующего опыта. Соответствующий опыт набирался по ходу рассмотрения дел в Конституционном Суде и отражался в принимаемых реше-

ниях по возникающим процессуальным вопросам. Так, на определенном этапе процесса возник вопрос о необходимости приглашения и допроса в качестве свидетеля бывшего генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М.С. Горбачева. Он отказался явиться и выступил с каким-то неудобоваримым заявлением по этому поводу. Председательствовавший на процессе Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин вынес этот вопрос на обсуждение сторон процесса и судей Конституционного Суда. Было принято решение об обязательности явки для дачи показаний гражданину РСФСР М.С. Горбачева. Тем не менее Горбачев на суд не явился, и тогда Суд своим решением оштрафовал его на 100 рублей (максимальная сумма штрафа для неявившегося участника процесса за неуважение к Суду).

Попутно можно было бы сказать и несколько слов о впечатлении, которое сложилось у меня лично от встреч с М.С. Горбачевым.

О первой встрече я уже упоминал. Это когда М.С. Горбачев вел собрание представителей (старейшин) вновь избранного депутатского корпуса РСФСР перед началом открытия I Съезда народных депутатов. Оставшись во время обеденного перерыва в зале заседания, М.С. Горбачев прохаживался, без перерыва отвечая на сыпавшиеся со всех сторон вопросы на разные острые темы. У меня тогда сложилось впечатление, что он не очень знаком с существом некоторых вопросов и старается восполнить это обилием слов.

Позднее, когда мы уже рассматривали «дело КПСС», я дважды встречался с ним на приемах в иностранных посольствах. Встречался с ним, конечно же, в общей массе окружающих его людей. Но однажды мы (я и судья Конституци-

онного Суда Э.М. Аметистов) предприняли попытку пробиться к нему и задали вопрос о причинах его неявки на суд по «делу КПСС». В ответ он понес что-то несуразное, так что и дослушивать до конца мы не стали и отошли в сторону.

Была и еще одна встреча, когда Горбачев после попытки государственного переворота ГКЧП прилетел из Крыма, как бы вызволенный из Форосского плена летавшим за ним вице-президентом РСФСР А.В. Руцким. На следующее утро М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин вышли на сцену зала заседаний Верховного Совета РСФСР. Зал был забит народными депутатами.

Ельцин предоставил слово Горбачеву. Горбачев прошел к трибуне и начал выступать. Как только он (Горбачев) произнес слова «социализм с человеческим лицом», в зале поднялся шум. Горбачев перестал говорить. И вот такая создалась мизансцена. Ельцин – за столом президиума собрания, в центре сцены. Горбачев – в отдалении от него, за трибуной. И в этот момент Ельцин говорит: «Ну вот, для разрядки, я сейчас подпишу указ о приостановлении деятельности КПСС».

Горбачев пытается остановить Ельцина, кричит ему с трибуны: «Борис Николаевич, Борис Николаевич», а Ельцин картинно, на глазах всего зала подписывает этот Указ. Этот был Указ от 23 августа 1991 года «О приостановлении деятельности КП РСФСР», о котором мы и ведем речь. Так была «прихлопнута» партия, а с ней и президентство Горбачева.

Хочу заметить, что Ельцин вообще любил эффектные трюки. Здесь это было продемонстрировано во всей красе.

Все шло вразнос. Чего там партия? Рушилось само государство.

Но вернемся к «делу КПСС».

О длительности описываемого дела можно составить представление по тому, что по данному делу было проведено 52 заседания, то есть более 50 дней перед нами выступали разные участники процесса. Мы, судьи, их внимательно слушали, затем могли задавать вопросы и выслушивали ответы. Это были представители сторон процесса, предложенные ими свидетели, эксперты-специалисты, назначенные судом или предложенные сторонами процесса.

Мне запомнилось, что Е.К. Лигачев давал показания по делу в течение целого рабочего дня. Ему в то время было 74 года. В.Д. Зорькин, председательствующий на процессе в течение этого дня, трижды предлагал Лигачеву давать показания сидя. Но всякий раз Лигачев отказывался и продолжал давать показания стоя, как и положено в наших судах. Замечу, кстати, что в судах США свидетели обычно дают показания сидя. Я это неоднократно наблюдал лично.

По какому-то непонятному стечению обстоятельств томищи оказались весьма активно вовлечены и задействованы в данном процессе. Судите сами. Основным докладчиком стороны, ходатайствовавшей о проверке конституционности указов Президента РФ, выступал народный депутат РСФСР, бывший первый секретарь Томского обкома КПСС В.И. Зоркальцев. В группе представителей от этой же стороны оказался мой добрый знакомый профессор Томского университета В.Д. Филимонов.

Одним из экспертов по делу являлся профессор Томского университета, философ С.Н. Петров. В качестве свидетеля на процессе выступал академик Академии медицинских наук, заместитель директора НИИ онкологического научного центра Н.В. Васильев. От противоположной стороны процесса

давал показания представитель Президента РФ по Томской области С.С. Сулакшин. Да и Е.К. Лигачева тоже можно было бы причислить к числу томичей, поскольку в Москву, в ЦК КПСС, его взяли после 17 лет работы первым секретарем Томского обкома КПСС.

Каждый из них добросовестно выполнял взятую на себя роль. Было, например, забавно с судейского кресла наблюдать, как интеллигентный профессор В.Д. Филимонов пытался в чем-то переубедить завязтого упертого демократа С.С. Сулакшина в его утверждении, что студентов вузов направляли по осени в колхозы помогать в уборке урожая не во исполнение директивы партийных органов, а по решению облисполкома. Это подавалось как пример и показатель вмешательства партии в хозяйственную деятельность органов государственной власти, на чем настаивал Сулакшин.

Так что, томичи в «деле КПСС» отметились, что называется, «по полной!»

В итоге, мне кажется, нам (Конституционному Суду) удалось выработать довольно взвешенное, где-то даже компромиссное решение.

Но как бы то ни было, процесс по «делу КПСС» через 50 с лишним заседаний был закончен, и начался наш внутренний, невидимый для публики судейский процесс выработки решения по делу. Вначале состоялась общесудейская дискуссия с целью выявления позиции каждого из судей по поставленным в ходатайствах сторон вопросам. Всем было ясно, что нам надлежит оценивать весь исторический путь нашей страны за время нахождения у власти КПСС. Для меня, например, это была оценка всей истории нашей семьи, как я ее знал. Но оценка не только на основе личного знания и опыта, а на

фоне истории нашей Родины, всех лет советской власти, жизни моих родных и близких.

Парадокс ситуации заключался и в том, что большинство судей в недалеком прошлом сами были членами той самой КПСС, конституционность которой следовало оценить.

Поэтому практически в самом начале решения Конституционный Суд обращает внимание на то, что все три рассматриваемых Указа Президента РФ имеют по существу один предмет регулирования и затрагивают единый комплекс правоотношений. Указы касаются деятельности одной организации – КПСС (КП РСФСР являлась составной частью КПСС); имущество партии и ее организационные структуры находились в основном на территории Российской Федерации. К тому же меры, предусмотренные в отношении КПСС, КП РСФСР в Указах от 23 и 25 августа 1991 года, получили развитие в Указе от 6 ноября 1991 года, который по своим юридическим последствиям в основном поглощает два предыдущих.

В мотивировочной части решения Суд отметил: «...порядок конституционного судопроизводства, в том числе, по вопросу о конституционности политических партий и других общественных организаций в соответствии с основными правилами производства в Конституционном Суде, в необходимых случаях – на основе аналогии процессуального закона, прежде всего положений действующего Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». При этом исследованию и оценке подлежит правовая сторона организации и деятельности политических партий».

Это были достаточно важные положения, нацеленные на расширение и дальнейшее развитие правил конституционно-

го судопроизводства, которые приходилось развивать, что называется, по ходу разрешения конкретного дела.

Я полагаю, что Конституционный Суд поступил совершенно правильно, разграничив организационные структуры партии и рядовых членов партии. В КПСС ведь в последние годы ее существования состояло 18 миллионов человек.

Будучи объединенными в низовые первичные организации, масса рядовых членов, включая руководство первичных организаций, государственной деятельностью практически заниматься не могла. Рядовые члены КПСС (КП РСФСР) одобряли на своих собраниях политические акции центральных или иных комитетов их аппарата.

Суд констатировал: «Руководящие структуры КПСС и КП РСФСР присвоили государственно-властные полномочия и активно их реализовывали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов государственной власти». Был сделан вывод «о невозможности их восстановления в прежнем виде». В то же время существование первичных организаций партии, образованных по территориальному принципу, было признано правомерным.

Именно этот вывод позволил КП РСФСР организовать в новую партию коммунистического толка, чтобы не допустить незаконной дискриминации рядовых коммунистов, как это и предусматривалось в одном из пунктов рассматриваемых указов Президента РФ.

Вопрос о конституционности деятельности КПСС был признан Судом сопутствующим. При его рассмотрении было учтено, что в связи с событиями 19–21 августа 1991 года (создание и некоторые заявления и действия ГКЧП) генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев 25 августа 1991 года

призвал ЦК КПСС «принять трудное, но честное решение о самороспуске и сложил с себя полномочия генерального секретаря ЦК КПСС». Это стало началом распада КПСС.

К ноябрю 1991 года в результате роспуска, запрета, приостановления и других преобразований коммунистических партий союзных республик, КПСС перестала отвечать признакам общесоюзной политической партии.

Если говорить о КП РСФСР, то она в то время существовала «как составная часть КПСС и в самостоятельную политическую партию не оформилась».

На основании указанных фактов Суд констатировал, что ни КПСС, ни КП РСФСР уже в течение года не существуют, а потому предмет ходатайства соответствующей группы народных депутатов Российской Федерации о признании неконституционности КПСС отсутствует. На этом основании производство по ходатайству о проверке конституционности КПСС, КП РСФСР было прекращено.

Многочасные заседания по делу КПСС были завершены. КПСС канула в юридическую лету, а Суд должен был заняться другими накопившимися делами.

Глава 10

Окончание карьеры судьи.

Годы после выхода в отставку

---

17 декабря 1999 года мне исполнилось 65 лет. По действовавшему в то время Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» это был предельный возраст для нахождения в должности судьи Конституционного Суда.

Смешно было вспоминать, как при нашем избрании судьями газеты всю трубили о пожизненном сроке пребывания для нас в должности судьи, как будто после 65 лет никто в России и не живет. Вот мне и подошел этот срок. И что? Надо было заканчивать и жизнь? Нет, брат, шалишь! Мы еще поживем, покувыркаемся в этой жизни! Посмотрим, как и что тут еще произойдет. И живу я уже 22 года в отставке как судья Конституционного Суда РСФСР – РФ первого состава.

К настоящему времени судей Конституционного Суда первого состава в живых осталось считанное число. Вот 7 ноября 2021 года ушел в отставку Юрий Дмитриевич Рудкин, и в составе действующего сегодня Суда осталось лишь два человека из «первого призыва»: это Гадис Абдуллаевич Гаджиев и, с позволения (или по повелению) нынешнего Президента РФ В.В. Путина, Валерий Дмитриевич Зорькин как Председатель Суда, для которого «персональной поправкой» к Федеральному конституционному закону «О Консти-

туционном Суде Российской Федерации» сняты какие-либо ограничения по возрасту.

Тут тебе и вся самостоятельность судебной власти, как об этом говорится в статье 10 Конституции Российской Федерации.

Что тут скажешь? Чудеса российской демократии. Всякая демократия у нас медленно и неуклонно переходит в авторитаризм. Лишним подтверждением этого является чехарда с количеством судей Конституционного Суда в угоду, что называется, конкретному историческому моменту.

Напомним российской общественности кое-что из недалекого нашего так называемого «правового» прошлого! Это жуткие, тягостные события 3–4 октября 1993 года.

После роспуска Верховного Совета, приостановления деятельности Конституционного Суда в процессе подготовки проекта новой Конституции Российской Федерации Президентом РФ Б.Н. Ельциным было принято решение не ликвидировать Конституционный Суд. Однако в проекте новой Конституции Ельцин принял решение увеличить число судей Конституционного Суда с 13 до 19 человек. И сделал это в последний день перед опубликованием проекта Конституции РФ в 1993 году, чтобы к 4 судьям первого состава Суда, которые были готовы поддержать и признать соответствующими Конституции любые решения Президента РФ Б.Н. Ельцина, добавить при избрании по новой, установленной в Конституции 1993 года процедуре, когда кандидатов в судьи выдвигает не председатель парламента, а Президент РФ и утверждает Совет Федерации, избрать еще 6 лояльных Президенту РФ судей, чтобы обеспечить лояльное Президенту РФ судейское большинство 10 на 9.

Осенью 1994 года именно таким образом из сотен достойных кандидатов Администрацией Президента РФ были отобраны самые лояльные. Но надо отдать должное тем, кто подбирал кандидатов, многие из будущих судей были высочайшими профессионалами юриспруденции, что позволило к февралю 1995 года закончить утверждение 6 новых судей в Совете Федерации, а затем избрать (пока еще избрать самими судьями) Председателем Конституционного Суда Российской Федерации профессора Института государства и права РАН, выдающегося специалиста конституционного права Владимира Александровича Туманова. В 2001 году об этих фактах Б.Н. Ельцин сам и рассказал мне на банкете в Кремле по случаю 10-летия Конституционного Суда, когда мы оба уже пребывали в отставке и не сталкивались на поле конституционного правосудия.

А в 2020 году Президент РФ В.В. Путин с подачи действующего Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина решил, что для Конституционного Суда РФ будет достаточно и 11 судей, что является весьма печальным фактом, поскольку мне многие специалисты, ученые и практики неоднократно говорили, что фактически роль судей в работе с жалобами граждан скукожилась до минимума. Сами посудите, как 11 судей, двое из которых – председатель и его заместитель, занятые в значительной части своего времени представительством Суда, могут сами изучить и обработать более 15 000 ежегодных обращений. Получается более 1 400 обращений на одного судью в год. В связи с чем реально жалобы граждан и юридических лиц для рассмотрения на пленарных заседаниях Конституционного Суда отбирают не судьи, а работники аппарата суда. В мою бытность судьей это было трудно себе представить.

Но вернемся к моим последним месяцам пребывания в должности судьи.

В ноябре–декабре 1999 года, у меня начались довольно серьезные проблемы с сердцем. Сердце «пошаливало» и раньше, но успокаивалось после принятия валидола, а теперь дело обстояло гораздо серьезнее – валидол уже не помогал. Стали появляться приступы стенокардии.

Приступ стенокардии – это когда кажется, что без видимых причин и при отсутствии какой-либо физической нагрузки сердце начинает вдруг «барахлить», появляется одуше, начинаешь торопливо искать по карманам нитроглицерин, чтобы снять эти неприятные симптомы и ощущения. Работа сердца вроде бы выравнивается, но ненадолго. Глотаешь еще одну таблетку. Вроде бы отпускает...

Причем все эти симптомы стали как бы ускоряться по времени, повторяться все чаще и чаще.

Я лег в стационар. Обслуживались мы тогда по медицинской части в Объединенной больнице с поликлиникой (ОБП) Управления делами Президента РФ, что находится в Москве на Мичуринском проспекте. Лечащим врачом у меня и моей жены была в то время прекрасный знающий доктор Михайлина Наталья Ивановна. Вот по ее совету я и лег в стационар.

Лечащая доктор в стационаре настоятельно рекомендовала мне ежедневные прогулки по территории больничного комплекса. Мне запомнилось, что по пути моего следования был небольшой пригорок. И вот это небольшое, можно сказать, пустяковое, возвышение я не мог преодолеть, чтобы не остановиться и не принять очередную таблетку нитроглицерина.

М-да! Стенокардия просто меня не отпускала.

Я понял, что дела мои действительно обстоят неважнецки, и надо настраиваться на операцию на сердце.

На день рождения ко мне в палату пришла небольшая делегация из Суда: от судей – Николай Васильевич Селезнев, земляк из соседнего с Анжеркой города Мариинска Кемеровской области, к сожалению, совсем недавно также ушедший в мир иной; руководитель аппарата тогда Председателя Суда, а затем и долгое время всего Суда – Елена Кравченко и мой помощник Женя Дербенев, в настоящее время руководитель Департамента контроля Аппарата Правительства Российской Федерации. Вручили мне традиционный букет цветов, приветственное письмо от Судей, какие-то личные подарки. Выпили шампанского, поговорили о судейских новостях.

На какое-то время у меня, что называется, отлегло на сердце, забылось. Жизнь вроде бы продолжается...

Аортокоронарное шунтирование

За несколько лет до этого, в 1996 году, в наших СМИ довольно часто сообщалось о состоянии здоровья Б.Н. Ельцина, о том, что уже принято решение провести ему подобную операцию; для этого планировалось пригласить специалистов из-за рубежа. В этой же связи называлась и фамилия ответственного хирурга, академика Акчурина Рината Сулеймановича. Это сейчас такие операции делают в каждом областном центре, а в те времена такую операцию в нашей стране могли делать всего несколько человек. И каждый из них был если не академиком, то членом-корреспондентом Академии медицинских наук.

За несколько дней до нового года я решил выписаться из стационара, чтобы сходить на новогодний прием в Кремль и повидаться там с коллегами-судьями и другими знакомыми.

Выписался, сходил, повидался. Кое-кому из особо близких сказал, что намерен пойти на такую операцию.

Перед аортокоронарным шунтированием обычно проводится коронарография кровеносных сосудов. Заключается она в том, что в довольно отдаленном от сердца месте тела вводят в вену эластичный жгут с лампочкой и камерой на конце, и этот жгут проталкивается по вене практически до сердца. По ходу его движения идет фотосъемка внутри вены и устанавливается степень засоренности кровеносных сосудов тромбами.

Исследование достаточно серьезное, проводится в операционной врачом и хирургической медсестрой, на подстраховке за стеклом операционной стоят еще хирурги в полной готовности, так как не исключается, что исследование может перейти в полноценную соответствующую операцию.

Так вот, для проведения коронарографии я лег в ЦКБ (Центральная клиническая больница), что в Москве на улице Маршала Тимошенко, в которой лечились все вожди Советского Союза, начиная со Сталина.

Проводил мне коронарографию заведующий отделением хирургии ЦКБ доктор Беляев. Человек напористый, решительный, уверенный в себе.

На следующий день после коронарографии он пришел ко мне в палату с рентгеновскими снимками моего сердца и, приложив пленку с изображениями сердца к оконному стеклу, сказал, указывая на то или иное изображение сердца, что у меня весьма высокая степень засоренности отдельных кро-

веносных сосудов – около сердца до 80%, и этак бодренько мне объявил, показывая на изображения: «Ну, если ударит сюда, то это ничего, обычный инфаркт. А если сюда, то тебя, извини, до больницы не довезут. Ну что, будем делать операцию?»

Тут же пригласил ко мне в палату молодого врача и объявил: «Ну, вот это – такой-то, кандидат медицинских наук, будет у тебя лечащим врачом» (имелось в виду до и после операции).

Я сказал, что подумаю, посоветуюсь дома с близкими и, скорее всего, приду на операцию. После этого я ушел из ЦКБ.

Пришел к своему поликлиническому доктору Наталье Ивановне и рассказал ей в подробностях всю мою историю с коронарографией у Беляева в ЦКБ и о его приглашении оперироваться у него в отделении.

И тут мне Наталья Ивановна неожиданно заявляет: «Постойте, постойте, Николай Трофимович! А почему это вдруг Беляев, а почему не Акчурин? Дайте мне несколько дней, я поэзучаю этот вопрос!». Дня через два-три она звонит мне прямо в мою служебную машину (тогда еще мобильные телефоны не были сильно распространены, и в машинах гаража особого назначения (так называемый – ГОН) Управления делами Президента РФ стояли стационарные телефоны размером с хороший портфель, и говорит: «Николай Трофимович, Акчурин нас ждет!». В это время в машине со мной была моя жена Галина, кандидат медицинских наук, врач-терапевт, с мнением которой по медицинским вопросам я всегда считался и которая сказала, что надо ехать к Акчурину. Мы тут же заехали за Натальей Ивановной, взяли ее и втроем поехали в Медцентр, где работал Акчурин. Это был, как его называют, «Чазовский медцентр», по фамилии его руководителя, из-

вестного в России ученого и организатора медицины. Находился он в конце Рублевского шоссе, за ЦКБ.

Вначале в кабинет Акчурина вошла Наталья Ивановна, а вскоре пригласили и меня с Галиной. Познакомились. Из деловой части нашей встречи мне запомнились два момента. Акчурин спросил: «Были ли у вас уже инфаркты?». Я ответил, что нет, не было. Акчурин сказал: «Это хорошо! Видели, какой Ельцин после операции? У него было уже несколько инфарктов. Операцию надо делать до инфарктов, пока сердце не измочалено».

Я ему говорю: «А когда мне надо ложиться, нужны же какие-то подготовительные мероприятия, а впереди Новый год, новые столетие и тысячелетие, потом Рождество, потом старый Новый год...?». Намекая на то, что они будут эти дни отмечать и им будет не до операций.

Он мне: «Ложись, сделаем!»

И тут я ему говорю, что есть еще один момент этического характера. Что делать эту же операцию на мне нацелился Беляев, и я вроде бы ему уже пообещал.

На сказанное мной Акчурин заявил: «Беляев – это мой ученик, никаких проблем здесь не возникнет. Операцию будут делать я сам!».

Вопрос, таким образом, был решен ясно и решительно, и мы разошлись к общему удовлетворению.

Через несколько дней я лег в клинику Акчурина, и после необходимых подготовительных процедур и анализов мне была успешно сделана операция аортокоронарного шунтирования сердца.

Из действий буквально накануне операции мне запомнилось бритье моего волосяного покрова с тела. Мне сказали,

что надо сбрить волосы со всех частей тела, где они имеются, и это может сделать какая-то медсестра, но может кто-то из близких, и я попросил об этом моего сына Андрея. Андрюша вообще курировал меня в этот непростой период моей жизни весьма плотно и проявлял самую нежную заботу об отце.

Он накопил массу разного рода бритвенных приспособлений и в вечер перед операцией сбрил с моего тела все волосяные части. В чистеньком и голеньком виде, под простышкой меня и завезли утром следующего дня в предоперационную, а затем и операционную.

Операция состоялась 13 января 2000 года, длилась несколько часов, делала ее группа хирургов – профессоров с непосредственным участием Акчурина.

По ходу операции шунтирования сердца есть два критических момента – это когда останавливают работу сердца и легких. И тут важно, чтобы и тот и другой орган позднее вновь заработали. Как явствует из протокола операции, мое сердце останавливали на 22 минуты. Сколько времени не работали легкие, не знаю. В это время вместо натурального сердца и легких работают их искусственные аналоги, и потому важно, чтобы позднее вновь заработали и мое «натуральное» сердце, и мои легкие.

Вначале запускают сердце. Оно заработало. Уже к концу операции надо, чтобы вновь задышали легкие. Запускать в работу легкие должен сам оперируемый, то есть начать дышать, чтобы сложившиеся легкие опять вбирали и выдыхали воздух.

Андрей был в курсе всего хода операции. И в определенный момент моя жена и дочь Оля, зная, что вот сейчас в это время важно, чтобы я задышал и легкие вновь заработали,

сидя дома, посылала мне свои сигналы, повторяя: «Коля, дыши! Коля, дыши!»

И я задышал...

Я, конечно, описываю это образно, по наитию. Но примерно так все и происходило. Когда легкие задышали, меня вывезли в предоперационную, и я лежал там не знаю сколько времени, как бы «отходил» от операции и наркоза, и все другие органы моего тела приходили в норму.

Мой сын Андрей находился в таком контакте с хирургической медсестрой, что в какой-то момент она подошла ко мне с телефонной трубкой – уже были громоздкие мобильные аппараты, и сказала мне: «Скажите несколько слов. Ваш сын хочет убедиться в том, что вы живы!» И поднесла телефон к моему уху. Я сказал пару слов.

Позднее Андрей рассказывал, что мой голос звучал как из подземелья.

Не важно, как он звучал и откуда, важно было, что операция закончена, и что Я ЖИВ!!!

Так аккурат к «старому» новому 2000 году, благодаря прекрасной работе врачей, медсестер, нянечек, всего медицинского персонала «Чазовского центра» во главе с академиком Р.С. Акчуриным, я получил сильно обновленное сердце, которое позволило мне прожить и дышать полной грудью еще более 20 лет.

Началось послеоперационное выздоровление. Грудь была забинтована крепким образом. В первые дни у меня вызывало недоумение, что так крепко была забинтована и моя левая нога, почти от паха до ступни. Позднее мне объяснили, что именно из левой ноги по всей её длине была взята, сказать проще, вырезана вена, из которой и были сделаны те 4 шунта,

что вшили одним концом в сердце, а другим – в подходящие к сердцу кровеносные сосуды в обход забитых тромбами сосудов.

Смысл операции аортокоронарного шунтирования в том и заключается, что кровь теперь идет по новым сосудам, в обход наиболее забитых тромбами, теми самыми бляшками, которые образуются в течение жизни человека на внутренних стенках подходящих к сердцу кровеносных сосудов, забивая их, и этим сужая кровотоки, уменьшая подачу крови к сердцу.

Недостача потока подходящей к сердцу крови ведет к недостатке содержащегося в крови кислорода, а это и обуславливает появление приступов стенокардии у человека. Сердце работает на пределе, но ему не поступает достаточно количества крови, а следовательно, и кислорода, и оно начинает задыхаться.

Вскоре мне разрешили прогулки по коридору отделения. Чтобы не шокировать своим забинтованным видом других больных, я стремился совершать эти свои прогулки рано утром и близко к вечеру, когда уже медперсонал в основном уходил из клиники.

В один из дней на своей утренней прогулке я встретил идущего на работу Рената Сулеймановича Акчурина. Он шел навстречу мне и, поравнявшись со мной, сказал: «Нет ничего приятнее для хирурга, чем видеть идущего больного!». Это так и есть! Вот идет навстречу тебе, хирургу, человек, который является воплощением твоих усилий, стараний и умения. Идет живой, а ведь его могло бы и не быть уже! Я искренне и глубоко сердечной улыбкой отозвался на его фразу и запомнил ее на всю оставшуюся жизнь! Я благодарен этому человеку, великому мастеру своего дела, за свое возвращение к

активной жизни. На сегодня я живу уже двадцать третий год после операции.

Из кардиоцентра академика Чазова, где и находилась клиника академика Акчурина, через 14 дней меня перевели в санаторий Барвиху, где я пробыл, как помнится, тоже 14 дней. Затем меня перевели в реабилитационный центр имени Герцена, что находится в Подмосковье, около Кубинки, где я пробыл 21 день, а после этого вышел на работу. Тогда еще не было Постановления Правительства о длительном нахождении на реабилитации после подобного рода операций, как это предусмотрено в настоящее время.

16 февраля 2000 года я подал заявление о сложении с меня полномочий Судьи в связи с достижением предельного возраста пребывания в должности.

Так я стал первым из судей Конституционного Суда Российской Федерации, вышедшим в отставку в связи с достижением предельного возраста пребывания в этой должности.

Я был зачислен в штат Суда на должность Советника, мне предоставили отдельный кабинет, правда, уже без приемной, кабинетов помощников и самих помощников. При этом сохранили за мной персональный автомобиль, назначили пожизненное денежное содержание.

Все было достаточно прилично, но это было уже другое положение, и это была другая жизнь.

Пахнуло старостью.

Психологически я чувствовал себя не в своей тарелке. Всю свою сознательную жизнь я активно жил, был востребован, влиял на жизнь других людей, а тут вдруг я мог ничего и не делать, но вести достаточно обеспеченную жизнь.

Помню, вскоре после отставки меня пригласили на радио «Эхо Москвы» (вот и его я уже пережил) именно как первого судью Конституционного Суда РФ первого созыва, вышедшего в отставку по достижении предельного возраста пребывания в судьях (мои коллеги из первого созыва судьи Э.М. Аметистов и В.И. Олейник безвременно ушли из жизни, а ушедший до меня в отставку по достижении 70 лет второй Председатель Конституционного Суда В.А. Туманов (при Президенте РФ Б.Н. Ельцине персональные поправки, продлевающие срок полномочий особо приближенных председателей судов не принимались) был из судей второго созыва. И одним из первых вопросов ко мне от корреспондента радио был такой: «Николай Трофимович, у вас, наверное, отбоя нет от предложений о работе в компаниях или банках?» Пришлось разъяснить, что согласно Закону «О Конституционном Суде» судья, пребывающий в отставке, не может работать практически нигде, кроме как в научном или учебном заведении, то есть заниматься творческой или преподавательской деятельностью.

Попутно хотелось бы по этому поводу заметить: вряд ли является правильным такое предписание для судей в отставке, их полное исключение из какой-либо активной деятельности на государственной и общественной ниве. Приобретенный опыт и знания практически не используются. Хорошо, если ранее судья был ученым или преподавателем в вузе. Можно вернуться к этой работе, иначе – сиди на заваulinke и лузгай семечки. Закон запрещает судье даже быть избранным в правление садового товарищества, а не то что в какое-нибудь более серьезное общественное объединение.

Вот преподаванием в первую очередь я и решил заняться: дело мне знакомое, привычное, интересное.

В эти годы уже набирал известность такой вуз, как Высшая школа экономики (ВШЭ), где был и юридический факультет. Вот туда, на кафедру уголовного процесса я и предложил свои услуги. ВШЭ искала новые организационные формы учебного процесса, но в те годы это нашло отражение лишь в том, что наряду с деканом факультета там был еще и научный руководитель факультета. Чувствовалась нацеленность руководства вуза на активизацию развития у студентов навыков научных исследований.

Так, я поддержал идею студента Саши Ткача выбрать, изучить и издать отдельным сборником решения Конституционного Суда РФ по вопросам уголовного и уголовно-процессуального законодательства с момента их принятия и по настоящее время.

Расчет был на то, что собранные в одном издании соответствующие решения Конституционного Суда РФ могут оказаться полезным пособием для судей, адвокатов и других практических работников при разрешении материалов соответствующих дел. Через несколько месяцев эта идея была реализована. Так родился и в 2002 году был издан сборник «Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России (1995–2001 годы)». Было приятно слышать, в особенности от адвокатов, что сборником удобно пользоваться.

С Сашей Ткачом у меня сохранилась весьма добрые отношения, которые продолжаются и до настоящего времени. А я все жду, когда он займется более обстоятельно своей научной перспективой. Навыки научного исследователя у него, несомненно, имеются.

Известно, что в конце девяностых – начале двухтысячных Конституционный Суд РФ был вынужден особенно много и активно заниматься вопросами конституционности действовавших в то время норм и положений уголовно-процессуального законодательства. Это было связано с рядом обстоятельств. В первую очередь, с тем, что до июля 2002 года у нас действовал Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года. В декабре 1993 года была принята новая Конституция страны, а в уголовно-процессуальной практике продолжалось действие прежних, порой явно устаревших норм.

Естественно, это привело к увеличению числа обращений в Суд по названной отрасли законодательства. Обращались как суды с запросами, так и отдельные граждане с жалобами, в отношении которых применялись соответствующие нормы УПК. Пик таких обращений в Конституционный Суд пришелся на 2004 год. Соответственно, в эти годы Конституционный Суд РФ принял ряд весьма интересных решений по уголовно-процессуальному законодательству.

Я опять решил, что будет достаточно интересным и полезным издать в одном сборнике решения Суда по уходящему в прошлое УПК РСФСР 1960 года и вступающему в действие с 1 июля 2002 года УПК РФ, разработанного на основе новой Конституции РФ 1993 года. Я предложил присоединиться к этой работе моему сыну Андрею, успешно работавшему в те годы практикующим адвокатом, являющимся к тому же кандидатом юридических наук.

Эта наша совместная работа выразилась в издании сборника «Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовно-

процессуального законодательства России (2001–2007 годы)», изданного в издательстве «Закон и Право» (Москва, 2009). Получился весьма объемный сборник на 700 страниц.

Думаю, что аналогичного свойства сборники решений нашего Конституционного Суда могут быть изданы и по другим отраслям права и быть востребованы практикующими юристами, а также исследователями отдельных направлений деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

Замечу, что в Соединенных Штатах Америки исследование деятельности Верховного Суда и анализ его решений по отдельным направлениям является одной из излюбленных тем научных исследований. Я как-то спросил в США одного из авторов очередного толстого учебника по конституционному праву Джона Аттанасио из Сент-Луисского Университета: «Джон, о чем вы там пишете, в таких толстых учебниках по конституционному праву США?» И он мне ответил: «А мы там анализируем решения нашего Верховного Суда!»

Установив приятельские отношения с Джоном Аттанасио, по его приглашению я неоднократно бывал в Сент-Луисском Университете, выступал перед студентами и преподавателями, участвовал в научных конференциях. Однажды Джон предложил мне проверить, что из моих научных статей имеется в их научной библиотеке. Мы пришли в их факультетскую библиотеку и за считанные минуты установили, что в библиотеке факультета права Сент-Луисского Университета США имеется 8 сборников научных статей Томского госуниверситета, в которых опубликованы мои научные статьи. Меня это тогда приятно поразило и удивило. Что-то мне подсказывает, что в библиотеке ТГУ вряд ли даже в нынешние годы

имеются сборники научных статей преподавателей Школы права Сент-Луисского Университета США.

Я помню также, какой переполох в некоторых службах ТГУ вызвал запрос Посольства США в Москве с просьбой выслать им мою монографию, посвященную изучению личности преступника в процессе расследования, изданную в 1968 году в Издательстве Томского университета.

Примерно в те же годы я делал попытку попасть в министерскую программу обмена научными кадрами и пришел с этим вопросом в так называемый «первый отдел» администрации Томского университета. К этому времени мне был уже известен опыт такого успешного обмена одним из свердловских преподавателей-криминалистов. Меня в этом отделе чуть ли не подняли на смех, стали пугать разными непредвиденными последствиями.

Таковой была советская действительность. Остается порадоваться, что хотя бы на излете жизни мне удалось побывать в ряде зарубежных стран и познакомиться с их жизнью, научной и преподавательской деятельностью в родной мне сфере – юриспруденции. Кроме пользы, никакого вреда от этого я не почувствовал.

Но в «Вышке» я не прижился. Климат там был какой-то не совсем российский. Русью там не пахло!

И потому через пару-тройку лет с удовольствием откликнулся на приглашение Сергея Николаевича Бабурина перейти в Российский государственный торгово-экономический университет (РГТЭУ) – вуз, где он был ректором и заведующим кафедрой конституционного и международного права. При этом он настоятельно просил меня сделать выбор в пользу конституционного права.

Однажды, спустя несколько лет, в присутствии весьма уважаемых людей Сергей Николаевич позволил себе в мой адрес некую словесную шутку. Представляя меня гостям, он сказал: «Вот раньше, до РГТЭУ, Николай Трофимович был простым уголовником, а сейчас он у нас уважаемый профессор-конституционалист!»

Ничего не могу сказать, шутка удалась! Хотя слова о простом уголовнике меня немного и задели. Уж не такой и простой я был уголовник, если вспомнить мои научные исследования о личности преступника и мою работу в качестве председателя Комиссии Президиума Верховного Совета РФ по вопросам помилования.

Но это так. К слову.

Внутренне я был готов заняться конституционным правом в полной мере. Вопросы конституционности в широком их понимании, конституционного судопроизводства, необходимости создания конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации¹ представлялись мне и более значимыми, и более перспективными. Другое дело, что жизнь их приземляла, отодвигала на задний план. Но мы, российские, советские ученые, привыкли ставить и ставить проблемы, не очень-то порой веря в их реальность и реализацию в будущем.

Как жили мы мечтой о светлом будущем, так и продолжаем ею во многих случаях жить и поныне.

Я с удовольствием брал себе аспирантов и соискателей ученых степеней по конституционному праву, хотя не забы-

---

¹ После принятия в 2020 году поправок в Конституцию Российской Федерации конституционные (уставные) субъекты федерации исключены из судебной системы России и подлежат ликвидации.

вал и родную и любимую криминалистику с уголовным процессом, и исследования личности преступника. Защитил докторскую мой любимый ученик Рамиль Линарович Ахмедшин. Подготовили и защитили свои кандидатские диссертации Дима Мезинов, Николай Сергеевич Дергач, Саша Хоменко, Ирина Чаднова. Прошла череда защит подготовленных под моим руководством диссертаций по конституционному праву: Женя Дербенев, Олег Кравченко, Володя Панкратов, Олег Павлов, Андрей Моисеев, Денис Петренко, в более поздние годы – Татьяна Боброва и Елена Бойко.

В последние годы диссертационный бум закончился. Современная молодежь не очень-то подготовлена в плане написания серьезных больших работ.

Потенциал Конституции Российской Федерации во многом остается нераскрытым и нереализованным. В юридической науке все как-то затихло и скукожилось. Похоже, современная Россия, как и ее теоретические государственно-правовые проблемы, «сосредотачиваются».

**Воспоминания
в документах и фотографиях**

Дед, Ведерников Никита Осипович, 1877 г.р.
(фото 1915 года с Первой мировой войны)

Моя Мама, Ведерникова (урожденная Прохорова)
Мария Филипповна (1905–1979)

Мой Отец, Ведерников Трофим Никитич (1903–1985)

МВД—СССР
УПРАВЛЕНИЕ МВД
 по Кемеровской обл.

МВД
 № 7-д/усл 1947 г.
 № 109

Видом на жительство не служит, при утере не возобновляется

ПАСПОРТ ВЫДАН
 серия В-11-119 № 400 А В К А
 Выдана гр. на Ведерникову
Трофимшу Николаевну
 " 1908 " года рождения, по происхожде-
 нию из с. Совхозы
Кемеровского района, Тюменской
 области, края в том, что он . . . по постанов-
 лению УМВД Кемеровской области из спес-
 носеления освобожден . . . « 5 » авг-
1947 года, с семьей
 осм 4 МВД
 Кемеровской области Кемшиган Лесной
 (печать органа)
 Нач. Управления
 Кемеровской области

В архиве любой семьи есть немые свидетели истории жизни семьи, эти два документа из таких

Продолжить все страны, соединившие

Народный Комиссариат Топливной Промышленности СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО
об окончании
КУРСОВ МАСТЕРОВ СОЦИАЛИСТИ-
ЧЕСКОГО ТРУДА

Лица, успешно прошедшие экзамен в трудовые мастерские и трудовые фабрики, имеющие право на более высокую культурно-техническую ступень рабочего класса до уровня рабочего высшего технического уровня, (СТАЛКИ)

Настоящее СВИДЕТЕЛЬСТВО выдано курсам мастеров социалистического труда (КМСТ) Иванов Иван Иванович Борис Иванович

Гражд. Бедрышкин Александр Иванович (родился в г. Галичи)

родине Иванов Иван Иванович 19 10 г. в том, что он обучался на КМСТ с 10 апреля 19 36 г.

по 4 классу Харьковского школы, по базе 4

специальности горно-эксплуатационной

Гражд. Бедрышкин Александр Иванович окончил КМСТ 25 апреля 19 36 г. и сдал Государственный

технический экзамен с оценкой "Отлично"

Постановлением Аттестационно-Квалификационной Комиссии от 23 апреля гражд. Бедрышкин Александр Иванович, присвоено звание

МАСТЕРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА по специаль-

ности горно-эксплуатационной с уровнем Видеина, Александр Александрович Иванов

Директор Профпартии Иванов Иван Иванович

Президент Аттестационно-Квалификационной Комиссии Иванов Иван Иванович

Директор КМСТ Иванов Иван Иванович

№ 11 10 апреля 19 36 г.

Курсовые работы по учебной части Иванов Иван Иванович

№ п. п.	Наименование предмета	Оценка
1.	История СССР	Отлично
2.	Экономика	Отлично
3.	Математика	Отлично
4.	Русский язык	Отлично
5.	Литература	Отлично
6.	Физика	Отлично
7.	Химия	Отлично
8.	Астрономия	Отлично
9.	Легкое ремесло	Отлично
10.	Специальные предметы	Отлично
11.	Профессиональный труд	Отлично
12.	Профессиональный труд	Отлично
13.	Профессиональный труд	Отлично
14.	Профессиональный труд	Отлично

Стремление учиться и желание работать над собой, как мне кажется, это свойство всех членов нашей семьи

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РОЖДЕНИИ № 374

Ведершиков
Иванов **Иванов**
Иванов

рожден(лась) в 1934 г. 17 июля 20 м-ца

в книге записей актов гражданского состо-
 яния о РОЖДЕНИИ за 1934 г. 20 числа

17 мес. произведена соответствующая запись

Иванов **Иванов**
Иванов **Иванов**
Иванов **Иванов**

Мать **Иванов** **Иванов**
 Отец **Иванов** **Иванов**

Место рождения: город **Иванов** район **Иванов**

Отметки:

М. П. Заведующий **Иванов** Делопроизводитель **Иванов**

Содержатель аб № 1097

Цена 2

Ст. 422. Гражданского Кодекса.

Примечание II: завещатель вправе лишить права законного наследования тех из наследников по закону (ст. 418), которым к моменту смерти наследователя не исполнит 18 лет...

Ст. 158. Уголовного Кодекса. Злоное, несмотря на имеющуюся к тому возможность, уклонение от плате присужденных судом средств на содержание детей—лишение свободы на срок до 6 месяцев или штраф до 300 р

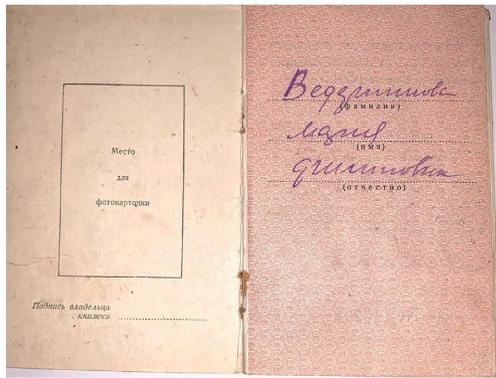
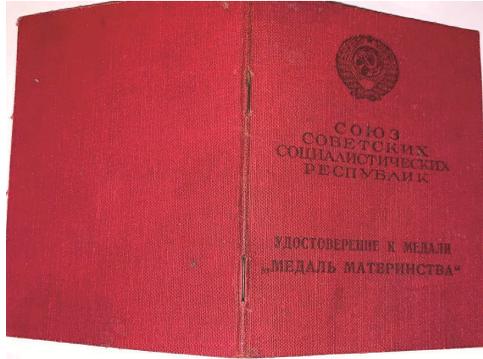
Оставление родителями малолетних детей без всякой поддержки, а равно принуждение детей к занятию нищим делом—те меры защиты.

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНИИ

Консультация —
 школа матери

Мое свидетельство о рождении

Медаль материнства моей матери,
вырастившей и воспитавшей шестерых детей

Наша семья (1956 г.)

Моя младшая сестренка, Ведерникова Вера Трофимовна
(1945–2017)

Моя старшая сестренка, Ведерникова Тамара Трофимовна
(1939–2017)

На память Вихаринскому Николаю
в день его свадьбы.

Пожелания от друзей.

Шатая через рязь преград
Друзья! Нам третий год подряд
Одной мечтой одвинулись.

Студентов дружба нас сроднила.

И мы в среде своей находим
Любовь, сочувствие, поддержку,
Мы славно себе возводим

Прекрасной кокетки рогагу,
И пусть по ким, кевзгод кр зная,
Крайдут земляна с Николаем,
Пусть счастье наших молодых,
Во век не покидают их.

Ищешь они, любя друг друга
Полюбят дружных друзей зны,
Чтоб много начрачено они
Семейного не наполняли круто.

И чтоб они, забываясь всем,
В аязык своего человека труднилась.
И любовь сохранить бы сумели,
И друг другом повсюду гордились.

Май гост, друзья, за молодых.
Так вынесем жизнь счастье их
И пусть их жизнь из года в год.
Весело поядная цветет!

30 ноября 1955 г.

г. Томск

твоя (В. Грязев).

30 ноября 1955 г. В. Грязев
г. Томск

П Р И К А З № 126/с

20

Томскому госуниверситету им. В. В. Куйбышева

3 июля 1958

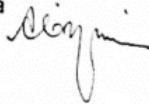
§ 1.-

На основании протокола Государственной Экзаменационной комиссии № 7 от 30.VI.58 г. считать окончившими экономико-юридический факультет Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева с выдачей диплома:

1. Елеонского Владимира Александровича - с отличием
2. Белянину Тамару Ивановну
3. Ведерникова Николая Трофимовича
4. Винокурову Людмилу Петровну
5. Винюкову Валентину Петровну
6. Воробьёву Галину Александровну
7. Вяткину Тамару Ивановну
8. Головатову Веру Николаевну
9. Грязева Василия Михайловича
10. Грязнова Владилена Михайловича
11. Грязнову Галину Александровну
12. Дерябину Александру Владимировну
13. Елеонскую Зинаиду Яковлевну
14. Елохову Тамару Владимировну
15. Ельшина Владимира Борисовича
16. Жерносекову Тамару Николаевну
17. Захарову Галину Георгиевну
18. Калашникову Музу Васильевну
19. Карпушеву Людмилу Ильиничну
20. Корнилову Ницу Павловну
21. Кошелеву Алексея Максимовича
22. Кравченко Лидию Ивановну
23. Ломаеву Валентину Константиновну
24. Логачева Дмитрия Семеновича
25. Матвееву Зоя Петровну
26. Матусову Марию Яковлевну
27. Махрову Лидию Леонидовну
28. Мишагина Анатолия Константиновича
29. Неверову Валентину Ефимовну
30. Нестеренко Евгении Павловну
31. Никифорову Светлану Андреевну

32. Осипову Антонию Ефимову
33. Пахотнова Игоря Иннокентьевича
34. Перминова Виталия Степановича
35. Повидько Ларису Георгиевну
36. Ребрикову Галину Ивановну
37. Рогову Люцию Ахъямовну
38. Севостьянову Людмилу Петровну
39. Сипайлову Альбицу Николаевну
40. Слугина Петра Васильевича
41. Смирнову Галину Ивановну
42. Стайна Валерия Сергеевича
43. Тамаровского Ивана Федоровича
44. Харьковку Милену Алексеевну
45. Хлопкова Германа Алексеевича
46. Хромова Льва Алексеевича
47. Шаталову Раису Николаевну
48. Шахтаряну Нину Ивановну
49. Шумейко Евгению Георгиевну
50. Янову Полину Гавриловну
51. Якутову Надежду Михайловну
52. Моренко Михаила Андреевича

Ректор Томского
государственного университета
профессор доктор

(А. Бунтин)

Моя семья (1977 г.)

С. и Н. Федерниковым
в связи с зачатой докторской
и серебряной свадьбой, —
посвящается.

Нуж ли тебе старый
Мой берёза гитару,
Это надо прямо почитать:
С детства слышал „Мурку“
В Леших перушках
Кто её вед Амерка — мать.
Со шпатам возмется —
Мизит научитесь,
Много он, как видно, повидал,
Если и позднее
Всю свою карьеру
С изгнанием присутствия связал.

Что же то за изгнание?
В одиночку приличном
Вроде даже слышно говорить.
На дватом жаргоне
Это „вор в законе“
Кем сумел он Колто покорить?
То ли обвиняемый,
То ли похититель?
Два уветах мучо вели спор.
Впрочем эти науки
(Как и гит, мячички!)
Это — прямо президиум разговор.

Куда же знают в ВАКе
С базовом коррекце,
Что дотот училища издольи.
Ты, Курчи — Урюковичи,
Хорошо подумай
Верная решение приими. — Си на оброте →

Все мы учились,
Хоть и удивлялись,
Как ты диссертацию писал?
Дом в Кураске строил,
Был весной чужим
Да еще в Кировске шивал.

Век твой не забудь,
Но прошлый не забудь,
Двадцать пять с медью ты не забудь!
И скажи нам враки,
Было с медью браки,
Из Антверпа едешь чуждый брак.

Тут, как говорится,
Нашо „себе хитрей” —
Для того ты здесь и собрался,
Чарки поднимали
И тебе медведи,
Доктором „в законе” становился.

А. М. Грицаков
26/Х 1980 г. Томск.

Н. П. Ведерникову
19 декабря 1981г.

Кому фанерины кажутся утило,
А в фортепиано изду в прожекторах,
Все заветилое, ведь так случилось —
Я к именинам утвердился в докторях.
Как сразу всё вокруг прочитано исласкиное,
И сразу вырое у Воловика в вязах:
Хоту "аегаиуеь туит", а если позовут,
Возвину я ко фегру в стоицини породах.
Генри в брале как кароль на именинах,
Как бугато гени икраг егегид кинога,
Да го-то сересе жемит, каъь, верю аг зидит
Кози, спясут меня призвориние вражи,
Еще светлее заживил, когда в Кураске
Колитно гягу я клитно погоя,
Скяку я вам друзья, франкиия моя —
От слова "вёдро", значит — "ясто", "без дождя".
И згавь содрак "вге до утра павёсешитсья
И позешитсья, как цепихов заешитсья:
А просто в шегу пью, жегу илбю свого
И пот не гди кому патаю целоватсья.
Кржесвай всех дружих жегу мой гогина,
И ако зегей моих гавайде прогоя,
В науку гать пошис, а сим-го — вогденю!
Новегоду прижиян гжескитсья карояин.

Тебе жегина ми згоровай я целихов
Балетай гогангали, но жемки прогоря,
Согяжи все друзья: франкиия твоя —
От слова "вёдро", значит — "ясто", "без дождя".

КАФЕДРА КРИМИНАЛИСТИКИ

Общая нагрузка (подпоручения) по кафедре на 1987/88 учебный год - 5059 часов, из них 4306 часов на штатных преподавателей и 853 часа выполняются почасовиками (судебная медицина, судебная психология, основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы).

В среднем на I штатного преподавателя приходится по 861 часу. Поскольку основным видом учебной работы на кафедре являются практические занятия, недельная нагрузка на преподавателя составляет в I4-I6 и более часов в течение всего учебного года.

Большая учебная работа не способствует росту научной квалификации кадров.

Кафедра осуществляет обучение по следующим предметам учебного плана :

1. Криминалистика
2. Правовая психология
3. Судебная медицина
4. Судебная психиатрия
5. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы.

Кроме этого кафедра ведет спецкурсы :

1. Криминалистический практикум 52 часа
2. Личность обвиняемого и ее изучение 24 часа

Большое количество практических занятий объясняется тем, что при изучении "криминалистики", как и "Криминалистического практикума" учебные группы делятся на подгруппы и нагрузка удваивается.

Кафедре крайне необходимо увеличить штаты

Зав.кафедрой криминалистики
профессор

Н.Т.ВЕДЕРНИКОВ

5/10 &

Сохранившаяся у меня справка о состоянии дел кафедры криминалистики за 1987/88 учебный год

С коллегами-профессорами юридического факультета ТГУ

Слева направо: М.К. Свиридов, В.А. Уткин,
Н.Т. Ведерников, М.А. Митюков, В.Н. Ли

ВЕДЕРНИКОВ
НИКОЛАЙ ТРОФИМОВИЧ

сын кузбасского шахтера-рабочего из многодетной семьи, без "блата" и связей ставший первым в Сибири профессором-криминалистом. Принципиальный, волевой и НЕЗАВИСИМЫЙ от аппарата человек прогрессивных взглядов, выступает за возрождение России и права россиян, за Правовое государство .

В случае избрания депутатом Верховного Совета РСФСР будет честно служить народу, работать в тесном контакте с депутатами местных Советов Ленинского и Томского районов.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА ВЕДЕРНИКОВА
ЭТО НАВЕРНЯКА !

Борьба становится жестче

По Ленинскому избирательному округу во второй тур выборов в Верховный Совет РСФСР вышел профессор ЮФ Н. Т. Ведерников. С ним беседует наш корреспондент.

— Николай Трофимович, не могли бы вы назвать данные результаты выборов по вашему округу?

— В первом туре голосования за меня проголосовало более 13 процентов избирателей округа. Второе место занял секретарь обкома партии А. А. Поморов. Многие отдали свой голос директору совхоза «Томский» П. П. Кошело и генеральному директору трестоведческого объединения «Мезенинское» В. Е. Портнову.

— Чем вы объясните свой успех?

— На мой взгляд, можно отметить две причины. Во-первых, текущий момент развития нашего общества действительно требует, чтобы работа парламента осуществляли люди поместительные, подготавливающие политически и юридически умелые квалифицированные законы. Сегодня избиратели за примером работы Верховно-

го Совета СССР ясно представляют, сколь необходим правоведам в законодательном корпусе нашей республики.

Во-вторых, в немалой степени мой успех можно объяснить и тем, что главной, стержневой идеей своей предвыборной платформы я выдвинул задачу возрождения России, возврата ей того места в нашей стране, которое бы она исторически выполняла, так и экономиче-

скому потенциалу.

Нынешнее положение России — это факт, и здесь нет и намека ни на какую русофобию или шовинизм, и просто выступило за выравнивание в экономическом положении нашей Федерации и ее народов с другими союзными республиками.

Эти основные положения своей предвыборной платформы я оставил неизменными, в случае избрания меня депутатом Верховного Совета буду добиваться их решения.

— Как протекала предвыборная борьба, ведь известно, что у нас нет ни законов о правилах ведения этой борьбы, ни практики ее ведения кандидатами и депутатами?

— Да, действительно у нас нет особого Закона о предвыборной борьбе, хотя в Законе о выборах в Верховный Совет РСФСР говорится о необходимости создания «равных оснований» в этой борьбе. Однако, о каких равных основаниях может идти речь, когда и секретари обкома Поморов, и другие кандидаты в депутаты — первые хозяйственные руководители, едут на все встречи с избирателями на государственных

машинах, с шоферами, на государственном бензине, а у меня мой личный «Жигуленок», который я практически добыл.

Неравенство условий становится очевидным и при сравнении предвыборных агитационных материалов — скромные ротативного изготовления мои листовки и красочные с портретами, типографским способом изданные плакаты других претендентов. В особенности избавители Ленинского района «завалили» плакатами А. А. Поморова.

Я встречаюсь с функциями грядущего провинциала со стороны руководителей отдельных предприятий и учреждений при организации встреч с избирателями.

— Как протекает предвыборная борьба на втором этапе?

— Предвыборная борьба принимает все более жесткий характер. Причем, противостоят мне различные аппараты организационно-выборного аппарата характер. Так, 7 марта партийный актив Томского района почти единогласным голосованием принял решение поддерижата Поморова. Получается, прямо-таки политический парадокс — и ведь тоже член КПСС, но и районный член партии, а Поморов — секретарь обкома, и актив района по сути ставляет нас, да при этом они якобы еще и работают в единстве КПСС. Нетрудно догадаться, что фактически не своим решением актив Томского района тоже выступает за раскол партии. Я думаю, что рядовые члены КПСС Томского района должны дать соответствующую оценку данному решению актива и сказать свое слово на выборах 18 марта.

И, в свою очередь, хочу выразить благодарность всем своим избирателям, которые верят в мое дело и в возрождение России, моего государства. А также заявить тем избирателям, кто голосовал против, что, в случае избрания меня в Верховный Совет РСФСР и буду защищать и отстаивать в их интересах

ГОЛОСУЙТЕ ЗА ИСДЕРННХОВА!

Первый состав Конституционного Суда Российской Федерации
с Первым Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным
(я крайний слева)

В Верховном суде США: я – второй слева, крайняя справа –
первая женщина-судья Верховного Суда США
Сандра Дэй О'Коннор

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О присвоении высшего квалификационного класса судьям Конституционного Суда Российской Федерации

-
XXVII-2-А
XIV-4-8-2
XIV-18

В соответствии со статьей 121-5 Конституции Российской Федерации постановляю:

1. Присвоить высший квалификационный класс судьям Конституционного Суда Российской Федерации:

- АМЕТИСТОВУ Эрнесту Михайловичу
- ВЕДЕРНИКОВУ Николаю Трофимовичу
- ВИТРУКУ Николаю Васильевичу
- ГАДЖИЕВУ Гадису Абдуллаевичу
- ЗОРЬКИНУ Валерию Дмитриевичу
- КОНОНОВУ Анатолию Леонидовичу
- ЛУЧИНУ Виктору Осиповичу
- МОРШАКОВОЙ Тамаре Георгиевне
- ОЛЕЙНИКУ Владимиру Ивановичу
- РУДКИНУ Юрию Дмитриевичу
- СЕЛЕЗНЕВУ Николаю Васильевичу
- ТИУНОВУ Олегу Ивановичу
- ЭБЗЕЕВУ Борису Сафаровичу.

2. Установить судьям Конституционного Суда Российской Федерации 30-процентную доплату к жалованию за высший квалификационный класс.

Не для печати

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль

Указ Президента РФ № 811 от 31.07.1992 года о присвоении судьям Конституционного Суда Российской Федерации высшего квалификационного класса

Встреча криминалистов на кафедре криминалистики
Института МВД РФ (1995 г.)

В центре В.М. Лебедев, В.Д. Зорькин, В.Ф. Яковлев

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О награждении государственными наградами Российской Федерации

За заслуги перед государством, большой вклад в развитие угольной промышленности и многолетний добросовестный труд наградить работников предприятий и организаций Государственного предприятия - Российской угольной компании:

ОРДЕНОМ ПОЧЕТА

АХТАНИНА Николая Ивановича - проходчика акционерного общества "Шахта "Коксовая" акционерного общества "Угольная компания "Прокопьевскуголь", Кемеровская область

ВИНИЦКОГО Константина Ефимовича - заместителя директора по научной работе Государственного предприятия Института горного дела имени А.А.Скочинского, Московская область

ГРИГОРЮКА Анатолия Андреевича - горнорабочего очистного забоя акционерного общества "Шахта "Тайбинская" акционерного общества "Киселевскуголь", Кемеровская область

ИЗДАНИЕ 11 04 03

0000

Присвоить почетное звание**"ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"**

АЛЕКСАЕВОЙ Римме Николаевне - начальнику юридического управления Государственного предприятия - Российской угольной компании

БАБЕНКО Анатолию Матвеевичу - председателю Самарского областного суда

ГУРОВУ Ивану Матвеевичу - судье Брянского областного суда

КИРЕЕНКОВУ Владимиру Филипповичу - начальнику юридического управления Министерства иностранных дел Российской Федерации

КИРИЛЮКУ Петру Ивановичу - начальнику юридического отдела Управления аппарата Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

КОЗЛОВОЙ Ольге Александровне - председателю судебного состава Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

ОМЕЛЬЧЕНКО Александру Николаевичу - помощнику Генерального прокурора Российской Федерации по особым поручениям СЕМЕННИКОВОЙ Галине Аркадьевне - председателю судебного состава арбитражного суда Волгоградской области

СМИРНОВУ Георгию Полиэктовичу - начальнику управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ЧЕРНОВУ Александру Дмитриевичу - председателю Краснодарского краевого суда.

За заслуги в научной деятельности присвоить почетное звание**"ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"**

ВЕДЕРНИКОВУ Николаю Трофимовичу - доктору юридических наук, профессору, судье Конституционного Суда Российской Федерации

ПЕЧЕНКИНОЙ Зинаиде Андреевне - начальнику цеха
СУКОВИЦЫНОЙ Людмиле Романовне - рабочей.

"ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК ТОРГОВЛИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ"

ТИТАРЕНКО Евгении Станиславовне - директору магазина
"Комплекс".

"ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЭКОНОМИСТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"

БЕЛЯЕВОЙ Надежде Михайловне - начальнику отдела.

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль
21 февраля 1996 года
№ 245

Указ Президента РФ № 245 от 21.02.1996 года о присвоении
мне звания «Заслуженный деятель науки»

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О награждении государственными наградами Российской Федерации

За выдающийся вклад в развитие музейного дела
и сохранение культурного наследия России наградить

ОРДЕНОМ "ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ" II СТЕПЕНИ

ПИОТРОВСКОГО Михаила Борисовича - генерального
директора федерального государственного бюджетного учреждения
культуры "Государственный Эрмитаж", город Санкт-Петербург.

За большой вклад в развитие отечественной культуры
и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность
наградить:

ОРДЕНОМ "ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ" IV СТЕПЕНИ

АГАФОННИКОВА Владислава Германовича - профессора
кафедры федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования "Московская
государственная консерватория имени П.И.Чайковского".

ОРДЕНОМ ДРУЖБЫ

ВЕДЕРНИКОВА Николая Трофимовича - профессора кафедры федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Томский государственный университет"

РАДЗИНСКОГО Виктора Евсеевича - заведующего кафедрой Медицинского института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Российский университет дружбы народов", город Москва

ТРОЯНСКОГО Михаила Григорьевича - Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1 класса, город Москва.

МЕДАЛЬЮ ОРДЕНА "ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ"II СТЕПЕНИ

ЛЯЛИНА Алексея Михайловича - заведующего кафедрой Института отраслевого менеджмента федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Государственный университет управления", город Москва.

Присвоить почетное звание"ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"

АНИКИНУ Валерию Михайловичу - декану факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского"

АНТОНОВУ Виктору Глебовичу - заведующему кафедрой Института отраслевого менеджмента федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Государственный университет управления", город Москва

БОКАРЕВУ Дмитрию Владимировичу - плавильщику открытого акционерного общества "Красноярский завод цветных металлов имени В.Н.Гулидова"

ИВАНОВУ Андрею Николаевичу - заместителю управляющего директора - начальнику управления по производству акционерного общества "ЕВРАЗ Объединенный Западно-Сибирский металлургический комбинат", Кемеровская область - Кузбасс

КОНОСОВОЙ Елене Ефимовне - начальнику отдела общества с ограниченной ответственностью "Новоангарский обогатительный комбинат", Красноярский край

ТЕРЕШКОВУ Игорю Антоновичу - начальнику цеха спекания акционерного общества "РУСАЛ Ачинский Глиноземный Комбинат", Красноярский край

ФИЛИМОНЕНКО Александру Васильевичу - плавильщику открытого акционерного общества "Красноярский завод цветных металлов имени В.Н.Гулидова".

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
6 декабря 2019 года
№ 587

Указ Президента РФ № 587 от 06.12.2019
о моем награждении Орденом дружбы

Моя семья

Слева направо нижний ряд: супруга моего сына Марина;
дочь Ольга, доктор юридических наук, профессор,
Судья Верховного Суда России в отставке; моя супруга
Галина Степановна; ваш покорный слуга; муж дочери, полковник
Российской Армии в отставке Николай Иванович Горлов.
На переднем плане: сын Андрей, кандидат юридических наук, адвокат.
Слева направо верхний ряд: внучки Маша (дочь Андрея и Марины);
Лена, кандидат юридических наук, доцент МГЮА
(Университет им. О.Е. Кутафина); Катя (двойняшки –
дочери Ольги и Николая Ивановича)

*Жизнь продолжается. «Время красит душу в цвет наших мыслей».
Мы сами делаем наше время, и счастье в том, чтобы с гордостью
рассказывать о времени и о себе.*

Мемуарно-автобиографическое издание

Николай Трофимович Ведерников

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Редактор В.Г. Лихачёва
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 07.07.2022 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Печ. л. 19. Усл. печ. л. 17,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 5015

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Тел. 8+(382-2)–52-98-49

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907572-08-9

9 785907 572089 >